

ISSN 2077-5911

ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

2023
4(58)

Ψλ

ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ 4(58) 2023

Филологический факультет
МГУ имени М.В.Ломоносова

ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

4 (58) 2023
Москва

JOURNAL OF PSYCHOLINGUISTICS

4 (58) 2023
Moscow

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Уфимцева Наталья Владимировна, *главный редактор*, доктор филологических наук, профессор, Москва (Россия)

Красных Виктория Владимировна, *заместитель главного редактора*, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры общей теории словесности Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва (Россия)

Мягкова Елена Юрьевна, *заместитель главного редактора*, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории языка, перевода и французской филологии Тверского государственного университета, Тверь (Россия)

Липгарт Андрей Александрович, доктор филологических наук, профессор, декан филологического факультета МГУ, Москва (Россия)

Терентий Ливиу Михайлович, кандидат политических наук, доктор филологических наук, ректор Московской международной академии, Москва (Россия)

Бубнова Ирина Александровна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой зарубежной филологии Московского городского педагогического университета, Москва (Россия)

Дмитрюк Наталья Васильевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и литературы Южно-Казахстанского государственного педагогического университета, Шымкент (Казахстан)

Ионова Светлана Валентиновна, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Института русского языка им. А.С. Пушкина, Москва (Россия)

Кирилина Алла Викторовна, доктор филологических наук, профессор, МО РФ, Москва (Россия)

Марковина Ирина Юрьевна, кандидат филологических наук, профессор, директор Института лингвистики и межкультурной коммуникации Первого Московского государственного медицинского университета им. И.М. Сеченова (Сеченовский университет), Москва (Россия)

Пильгун Мария Александровна, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Российский государственный социальный университет, Москва (Россия)

Харченко Елена Владимировна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка как иностранного Южно-Уральского государственного университета, Челябинск (Россия)

Шапошникова Ирина Владимировна, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора русского языка в Сибири ИФЛ СО РАН; профессор кафедры общего и русского языкознания ГИ Новосибирский государственный университет, Новосибирск (Россия)

Балясникова Ольга Вениаминовна, кандидат филологических наук, доцент Института лингвистики и межкультурной коммуникации Первого Московского государственного медицинского университета им. И.М. Сеченова (Сеченовский университет), Москва (Россия)

Дмитрюк Сергей Валерьевич, *ответственный секретарь*, кандидат филологических наук, редактор издательского отдела Московской международной академии, Москва (Россия)

Жукова Лариса Станиславовна, кандидат филологических наук, научный редактор издательского отдела Московской международной академии, Москва (Россия)

Митирева Любовь Николаевна, кандидат филологических наук, заведующая кафедрой иностранных языков Института языкознания РАН, Москва (Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ахиджакова Марьет Пшимафовна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой общего языкознания Адыгейского государственного университета, Майкоп (Россия)

Ахутина Татьяна Васильевна, доктор психологических наук, профессор, факультет психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва (Россия)

Бутакова Лариса Олеговна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск (Россия)

Гридина Татьяна Александровна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой общего языкознания и русского языка Уральского государственного педагогического университета, Екатеринбург (Россия)

Гриценко Елена Сергеевна, доктор филологических наук, профессор, руководитель департамента прикладной лингвистики и иностранных языков, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Нижний Новгород (Россия)

Гуц Елена Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка факультета филологии и медиакоммуникаций, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск (Россия)

Демьянков Валерий Закиевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом теоретического и прикладного языкознания, главный научный сотрудник Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Завьялова Виктория Львовна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток (Россия)

Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и русского языкознания ФГБОУ ВО Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, Москва (Россия)

Ли Тоан Тханг, доктор филологических наук, профессор, Ханой (Вьетнам)

Мамаева Татьяна Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, декан филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, Красноярск (Россия)

Мартин Ф. Линч, Ph.D., профессор Университета Рочестера, Рочестер (США)

Мельничук Ольга Алексеевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры французской филологии Института зарубежной филологии и регионоведения Северо-восточного федерального университета им М.К. Аммосова, Якутск (Россия)

Овчинникова Ирина Германовна, доктор филологических наук, профессор, Хайфа (Израиль)

Пешкова Наталья Петровна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, Уфа (Россия)

Поляков Федор Борисович, доктор, профессор, директор Института славистики Венского университета, Вена (Австрия)

Рудакова Александра Владимировна, доктор филологических наук, Воронежский государственный университет, Воронеж, (Россия)

Сергиева Наталья Станиславовна, доктор филологических наук, профессор кафедры менеджмента и маркетинга Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина, Сыктывкар (Россия)

Тарасов Евгений Федорович, доктор филологических наук, профессор, Москва (Россия)

Теркулов Вячеслав Исаевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Донецкого государственного университета, Донецк (Донецкая Народная Республика)

Хуан Тяньдэ, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник факультета русского языка Института европейских языков и культур Гуандунского университета иностранных языков и международной торговли, Гуанчжоу (Китай).

Цзюй Юньшэн, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник центра исследования русского языка, культуры и литературы Хэйлунцзянского университета, Харбин (Китай)

Чжао Цюе, доктор филологических и педагогических наук, профессор, директор Института славянских языков Харбинского педагогического университета, Харбин (Китай)

Чугунова Светлана Александровна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории английского языка и переводоведения ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского», Брянск (Россия)

EDITORIAL BOARD

Natalya V. Ufimtseva, *Chief editor*, Doctor of Philology, Professor, Moscow (Russia)

Victoria V. Krasnykh, *Deputy editor*, Doctor of Philology, Docent, Professor of Department of Discourse and Communication Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow (Russia)

Elena Yu. Myagkova, *Deputy editor*, Doctor of Philology, Professor, Professor of Department of Theory of Language, Translation and French Philology, Tver State University, Tver (Russia)

Andrey A. Lipgart, Doctor of Philology, Professor, Dean of Faculty of Philology, Moscow State University, Moscow (Russia)

Liviu M. Terentiy, Candidate of Political Science, Doctor of Philology, Rector of Moscow International Academy, Moscow (Russia)

Irina A. Bubnova, Doctor of Philology, Professor, Head of Foreign Philology Chair, Moscow City University, Moscow (Russia)

Natalya V. Dmitryuk, Doctor of Philology, Professor, Professor of Department of the Russian Language and Literature, South Kazakhstan State Pedagogical University, Shymkent (Kazakhstan)

Svetlana V. Ionova, Doctor of Philology, Professor of Department of General and Russian Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow (Russia)

Alla V. Kirilina, Doctor of Philology, Professor, Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow (Russia)

Irina Yu. Markovina, Candidate of Philology, Professor, Director of Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Sechenov University, Moscow (Russia)

Maria A. Pilgun, Doctor of Philology, Professor, Senior Researcher, Russian State Social University, Moscow (Russia)

Elena V. Kharchenko, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of the Russian Language as Foreign, South Ural State University, Chelyabinsk (Russia)

Irina V. Shaposhnikova, Doctor of Philology, Professor, Chief Researcher of Sector of the Russian Language, Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Professor at Chair of General and Russian Linguistics, Novosibirsk State University, Novosibirsk (Russia)

Olga V. Balyasnikova, Candidate of Philology, Assistant Professor, Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Sechenov University, Moscow (Russia)

Sergey V. Dmitryuk, *Executive secretary*, Candidate of Philology, Editor of Publishing Department of Moscow International Academy, Moscow (Russia)

Larisa S. Zhukova, Candidate of Philology, Scientific Editor of Publishing Department of Moscow International Academy, Moscow (Russia)

Lubov N. Mitireva, Candidate of Philology, Head of Foreign Languages Department, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

ACADEMIC ADVISORY BOARD

Mariet P. Akhidzhakova, Doctor of Psychology, Professor, Head of Department of General Linguistics, Adyghe State University, Maykop (Russia)

Tatyana V. Akhutina, Doctor of Psychology, Professor, Professor of Faculty of Psychology, Moscow State University, Moscow (Russia)

Larisa O. Butakova, Doctor of Philology, Professor, Head of The Russian Language Department, Dostoyevsky Omsk State University, Omsk (Russia)

Tatyana A. Gridina, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of General Philology and The Russian Language, Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, (Russia)

Elena S. Gritsenko, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Applied Linguistics and Foreign Languages, National Research University Higher School of Economics, Nizhny Novgorod (Russia)

Elena N. Gutz, Doctor of Philology, Professor of the Russian Language Department, Faculty of Philology and Media Communications, Dostoyevsky Omsk State University, Omsk (Russia)

Valery Z. Demyankov, Doctor of Philology, Leading Researcher, Professor, Head of General and Applied Linguistics Department, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Viktoriya L. Zavyalova, Doctor of Philology, Docent, Professor of Department of Philology and Cross-cultural Communication, Far Eastern Federal University, Vladivostok (Russia)

Vladimir I. Karasik, Doctor of Philology, Professor, Professor at Chair of General and Russian Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow (Russia)

Ly Toan Thang, Doctor of Philology, Professor, Hanoi (Vietnam)

Tatyana V. Mamaeva, Candidate of Philology, Docent, Dean of Philology Faculty, Astafyev Krasnoyarsk State Pedagogical, Krasnoyarsk (Russia)

Martin F. Lynch, Ph.D., Professor, University of Rochester, Rochester (USA)

Olga A. Melnichuk, Doctor of Philology, Professor, Professor of French Philology Department, Institute of Foreign Philology and Regional Studies, Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk (Russia)

Irina G. Ovchinnikova, Doctor of Philology, Professor, Haifa, (Israel)

Natalya P. Peshkova, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Foreign Languages for Science Faculties, Bashkir State University, Ufa, (Russia)

Fyodor B. Polyakov, Doct. Habil., Professor, Head of Department of East Slavic literature, Institute of Slavic Studies, University of Vienna, Vienna (Austria)

Alexandra V. Rudakova, Doctor of Philology, Voronezh State University, Voronezh, (Russia)

Natalya S. Sergiyeva, Doctor of Philology, Professor of Management and Marketing Department, Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar (Russia)

Evgeny F. Tarasov, Doctor of Philology, Moscow (Russia)

Vyacheslav I. Terkulov, Doctor of Philology, Professor, Head of The Russian Language Department, Donetsk National University, Donetsk, (Donetsk People's Republic)

Huang Tiande, Candidate of Philology, Leading researcher of The Russian Language Department, Institute of European Languages and Cultures, Guangdong University of Foreign Studies, Guangzhou (China)

Ju Yunsheng, Doctor of Philology, Leading Researcher at the Centre for the Study of the Russian Language, Culture and Literature of Heilongjiang University, Harbin (China)

Zhao Qiuye, Doctor of Philology and Pedagogy, Professor, Director of Institute of Slavic Languages, Harbin Normal University, Harbin (China)

Svetlana A. Chugunova, Doctor of Philology, Docent, Professor of Department of the English Language Theory and Translation Studies, Ivan Petrovsky Bryansk State University, Bryansk (Russia)

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Павлова Н.Д., Гребенщикова Т.А., Афиногенова В.А. (<i>Москва, Россия</i>) Признаки интенций поддержания и развития дискуссии в интернет-дискурсе (на материале обсуждения локдауна 2021 г.).....	10
Пешкова Н.П., Давлетова Я.А. (<i>Уфа, Россия</i>) Стратегии восприятия прецедентного текста в условиях информационного общества (на материале результатов экспериментальных исследований 2012–2022 гг.).....	26
Ивонина А.С. (<i>Сургут, Россия</i>) Диагностика уровня понимания иноязычного текста в условиях учебного билингвизма.....	46
Осетрова Е.В., Самойленко М.А. (<i>Красноярск, Россия</i>) Структура пропозиции и ее трансформация (на материале высказываний детей с первичным недоразвитием речи).....	63
Казаченко О.В. (<i>Москва, Россия</i>), Шмалько С.П., Дорошенко О.В. (<i>Краснодар, Россия</i>) Использование методов интеллектуального анализа данных для свободного ассоциативного эксперимента (на примере ценности ВОЛЯ).....	75
Кружилина Т.В. (<i>Курск, Россия</i>) Внутренняя речь при вербальной интерференции.....	94
Васкадуве С.С.Т., Харченко Е.В. (<i>Челябинск, Россия</i>) Ценностный аспект русской и сингальской культуры (на примере представления о справедливости в Шри-Ланке и России).....	109
Ма Цзя (<i>Каши, Китай</i>), Берендеева М.С. (<i>Новосибирск, Россия</i>) Метафора с областью-источником «Драгоценный камень» в русской языковой картине мира.....	124
Ли Сяндун, Чжу Юйхань (<i>Пекин, КНР</i>) Эмпирический подход к исследованию прецедентности феномена на примере имени СТАЛИН	138
Марковина И.Ю., Матюшин А.А., Иштван Ленарт (<i>Москва, Россия</i>), Данг Ми Линь (<i>Хошимин, Вьетнам</i>) Общность паремиологических компонентов аксиологической картины мира русских и вьетнамцев: концепт <i>труд</i>	152

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ

Яковлев А.А. (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>) Классическая и неклассическая интерпретация понятия «языковое сознание».....	164
--	-----

ТРИБУНА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Чжан Жуньмэй (<i>Москва, Россия</i>) Культурный опыт китайцев как опора для заполнения деятельностно- коммуникативных лакун при восприятии поведения русских	171
---	-----

**ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
В РЕГИОНАХ РОССИИ**

Дьяконова Е.А. (*Москва, Россия*), **Рудакова А.В.**, **Стернина М.А.**
(*Воронеж, Россия*)

Психолингвистическая открытка как новая форма представления
языкового сознания 182

Завьялова В.Л., **Петрова Т.И.** (*Владивосток, Россия*)

Направления психолингвистических исследований
на Дальнем Востоке России 188

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Шапошникова И.В. (*Новосибирск, Россия*)

Круглый стол «Русская языковая личность в межнациональном общении» 198

Золотова Н.О. (*Тверь, Россия*)

Круглый стол «Социокультурные и психолингвистические аспекты
функциональной не/грамотности» 208

Научные события 2024 212

ИНФОРМАЦИЯ

Правила оформления статей 220

THEORETICAL AND EXPERIMENTAL STUDIES

Pavlova N.D., Grebenshikova T.A., Afinogenova V.A. (<i>Moscow, Russia</i>) Traits of speech intentions to support and develop discussion in digital discourse (a case study of 2021 lockdown discussions).....	10
Peshkova N.P., Davletova I.A. (<i>Ufa, Russia</i>) Precedent text perception strategies of the information society (based on the results of experimental studies conducted in 2012–2022).....	26
Ivonina A.S. (<i>Surgut, Russia</i>) Diagnosing the level of foreign language text comprehension in educational bilingualism.....	46
Osetrova E.V., Samoylenko M.A. (<i>Krasnoyarsk, Russia</i>) The structure of a proposition and its transformation (based on the statements of children with primary speech underdevelopment).....	63
Kazachenko O.V. (<i>Moscow, Russia</i>), Shmalko S.P., Doroshenko O.V. (<i>Krasnodar, Russia</i>) Text mining methods for a free associative experiment (on the value <i>WILL</i>).....	75
Kruzhilina T.V. (<i>Kursk, Russia</i>) Internal speech in verbal interference.....	94
Waskaduwe S.S.T., Kharchenko E.V. (<i>Chelyabinsk, Russia</i>) The value aspect of Russian and Sinhala cultures (a case study of the idea of justice in Sri Lanka and Russia).....	109
Ma Jia (<i>Kashi, China</i>), Berendeeva M.S. (<i>Novosibirsk, Russia</i>) Metaphor with source area “gemstone” in the Russian language worldview.....	124
Li Xiangdong, Zhu Yuhan (<i>Beijing, China</i>) An empirical approach to studying precedentedness of a phenomenon using the example of the name <i>STALIN</i>	138
Markovina I.Yu., Matyushin A.A., Istvan Lenart (<i>Moscow, Russia</i>), Dang My Linh (<i>Ho Chi Minh, Vietnam</i>) Common paremiological components of the Russian and Vietnamese axiological picture of the world: the concept of <i>labor</i>	152

DISCUSSION

Yakovlev A.A. (<i>St. Petersburg, Russia</i>) Classical and non-classical interpretation of the concept “language consciousness”.....	164
---	-----

YOUNG SCHOLARS’ STUDIES

Zhang Runmei (<i>Moscow, Russia</i>) The cultural experience of the Chinese as a support for filling the activity- communication gap in the perception of Russian behavior.....	171
--	-----

**PSYCHOLINGUISTIC RESEARCH
IN RUSSIAN REGIONS**

Dyakonova E.A. (*Moscow, Russia*), **Rudakova A.V.**, **Sternina M.A.**
(*Voronez, Russia*)

Psycholinguistic postcard as a new form representation
of linguistic consciousness..... 182

Zavyalova V.L., **Petrova T.I.** (*Vladivostok, Russia*)

Directions of psycholinguistic research in the Far East of Russia..... 188

SCIENTIFIC LIFE

Shaposhnikova I.V. (*Novosibirsk, Russia*)

Round table “Russian linguistic personality in interethnic communication”..... 198

Zolotova N.O. (*Tver, Russia*)

Round table “Sociocultural and psycholinguistic aspects of functional illiteracy”..... 208

Scientific events 2024 212

INFORMATION

Article Submission Guidelines 220

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 159.99

ББК 88.26

DOI 10.30982/2077-5911-2023-58-4-10-25

Научная статья

ПРИЗНАКИ ИНТЕНЦИЙ ПОДДЕРЖАНИЯ И РАЗВИТИЯ ДИСКУССИИ В ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ОБСУЖДЕНИЯ ЛОКДАУНА 2021 г.)¹

Павлова Наталия Дмитриевна,

Институт психологии РАН,
Москва, Россия

Гребенщикова Таисия Александровна,

Институт психологии РАН,
Москва, Россия

Афиногенова Виктория Алексеевна,

Институт психологии РАН,
Москва, Россия

Аннотация

Статья продолжает серию исследований, посвященных характеристике интенционального пространства интернет-дискурса. Ее цель – описание дискурсивных признаков интенций поддержания и развития дискуссии, выражающих нейтральную позицию говорящего. Материалом исследования послужили информационные сообщения о локдауне, объявленном в ноябре 2021 г. в связи с увеличением количества заболевших COVID-19, и их обсуждение на различных интернет-площадках (326 комментариев, mean=54, min=46, max=63). Методическую базу исследования составил интент-анализ – экспертный метод оценки содержания речи, который позволяет реконструировать интенции собеседников с учетом коммуникативной ситуации и социокультурного контекста. Описано 12 категорий нейтральных интенций, связанных со стремлением интернет-пользователей проанализировать сообщения, поделиться информацией, обменяться мнениями и пр. Наиболее обычны категории «выразить мнение» и «рассказать». К дискурсивным признакам выделенных категорий интенций отнесены вводные слова и выражения, модальные и вопросительные наречия, эмотивные глаголы и глаголы мысли, указательные частицы и др., а также их комбинации. Некоторые нейтральные интенции обнаруживают специфические присущие им дискурсивные признаки, другие обладают сходными речевыми проявлениями. Проблема дифференциации интенций возникает как между интенциями внутри нейтрального блока, так и на границе между нейтральным и негативным блоками. Интенции нейтрального блока реализуются на фоне выражения недовольства, критики и дискредитации, что свидетельствует о полифункциональности высказываний. Системная организация и иерархичность интернет-дискурса позволяют выделить три группы нейтральных

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, грант №22-28-01511.

интенций: аргументация и ее развитие («аргументировать», «выразить мнение», «пояснить», «выяснить», «уточнить», «предположить», «напомнить»); побуждение к действию / упреждение действия («побудить к действию», «предложить», «посоветовать», в официальных сообщениях «информировать»); наррация («рассказать», «информировать»). Данные группы, выступающие ведущими интенциональными направленностями дискуссии, могут использоваться для разработки критериев экспресс-оценки ее интенциональной структуры.

Ключевые слова: интернет-дискурс, интент-анализ, речевые намерения пользователей, нейтральные интенции поддержания и развития дискуссии, дискурсивные признаки интенций

Введение

Развитие социальных сетей в интернете, с одной стороны, облегчает коммуникацию, предоставляя возможности для взаимодействия «когда угодно и с кем угодно». С другой стороны, усложняется взаимопонимание собеседников: исчезают невербальные подсказки (интонация, паузы, мимика), упрощается письменная речь (пренебрежение пунктуацией, орфографией), растет количество прецедентных феноменов, мемов, меняющих контекст. Пользователи изобретают новый язык общения, дающий иные возможности для выражения эмоций или отношений – типографические, графические, анимационные. Неслучайно интернет-дискурс воспринимается как особая социальная практика со своими законами [Градосельская, Пильгун 2015; Радбиль и др. 2021 и мн.др.].

Отмечается, что характерные для сетевого общения анонимность и физическая удаленность коммуникантов, способствуют снижению порогов реализации агрессии [Карабань Дикарева 2018; Куликова 2021 и др.]. При этом на поведение в сети оказывают влияние внеличностные факторы, в том числе факторы контекста (тема дискуссии, предшествующие комментарии) и групповые нормы: принятый уровень вежливости, разделяемые ценности и цели, типичные для данной площадки речевые интенции [Радина 2019; Stroud, et al. 2015; Theocharis, et al. 2017]. В этих условиях современный интернет является не только местом, где транслируются многообразные точки, но и формируется картина мира, конструируются события (Т. ван Дейк, J. Potter, R. Wodak и др.).

Комментарии как область исследований медиа-дискурса приобретают растущую значимость. Отмечается, что в ходе осмысления событий собеседники склонны чаще давать им категоричную оценку, нежели анализировать со взвешенных позиций [Градосельская, Пильгун 2015; Кирилина 2015], они в большей степени направлены на трансляцию своего мнения, чем на понимание чужого, и даже готовы подавлять активность оппонента [Курьянович 2018; Heirman, et al. 2015]. Конфронтационные установки составляют различные модели агрессивного поведения [Бакшутова, Рулина 2019; Лутовинова 2021], а тактики «ассоциативности», «домысливания», «навязанного мнения» и др. помогают говорящим добиться желаемого [Вульфович 2021]. Интернет-комментарии выступают благоприятной средой для роста ненавистнических высказываний, формирующих так называемый «язык вражды» – «hate speech» [Куликова 2021]. Отмечается, что уровень агрессии в комментариях зависит от значимости для пользователя инициирующей публикации [Фаломкина 2020].

Вместе с тем, онлайн комментарии служат обмену знаниями, взаимной поддержке, поиску совместных решений, что, в свою очередь, отражается на структуре и тематическом содержании дискурса [Valentine, et al. 2020]. Коммуниканты реализуют речевую креативность, порождая множество шуток, мемов, неологизмов [Савченко, Лай 2021].

Большой опыт изучения интернет-дискурса накоплен в рамках метода интен-анализа. Описаны интенциональные механизмы дискурсивного воздействия [Гребенщикова и др. 2016], показано, как речевые интенции репрезентируют отношение к определенным группам (этнодискурс, патриотический дискурс), событиям и социальным проблемам (Мэгзит, локдаун) [Гребенщикова, Павлова 2019; Павлова и др. 2022]. С применением интен-анализа разработаны шкалы субъектности сетевых сообществ [Павлова и др. 2019] и описаны их границы [Гребенщикова 2020]. Обнаружена тенденция усиления роли негативных интенций дискурса социальных медиа в условиях локдауна, что соотносится с речевой агрессией, направленной на собеседника и, вместе с тем, потребностью совместного осмысления проблемной ситуации [Павлова и др. 2022].

Ключевой методологической задачей подхода является создание типологии речевых интенций, и нам видится ее решение в описании связи лингвистического (лексического, семантического, синтаксического) и психологического (дискурсивного) уровней выражения интенций. Поиск дискурсивных признаков речевых интенций вносит вклад в разработку техник, направленных на оценку мнений, намерений, результатов взаимодействия коммуникантов, их воздействия друг на друга и проч. Следует отметить выделяемую исследователями смежную задачу поиска так называемых «ключевых фраз» [Дементьев, Степанова 2016] для идентификации речевых жанров, близких к речевым интенциям в прагматическом отношении.

Выбор материала настоящего исследования обусловлен тем влиянием, которое пандемия COVID-19 оказала на мир и человека [Журавлев, Китова 2020]. Неопределенность и страх перед неизвестной болезнью, психологический стресс, экономический кризис и другие трудности стали общими для мирового сообщества. Социальные сети послужили каналами для распространения дезинформации и ненавистнических высказываний, и вместе с тем способствовали развитию экспертного знания (внутри профессиональных сообществ) и использовались правительствами разных стран с целью предотвращения панических настроений [Атабекова 2022]. Публичный дискурс в этот период также претерпел изменения, вобрав в себя новую медицинскую лексику («короналексика»), породив множество неологизмов («ковиддисидент», «ковидарий») и экспрессивно-оценочных лексем («ковидло», «макароновирус», «коронапокалипсис») [Дробышева 2022; Зайцева 2020; Савченко, Лай 2020; Сперанская 2021]. Интенсивное словотворчество, использование языка метафор [Русский язык... 2021] выступили ответом на беспрецедентные вызовы, с которым столкнулся массовый пользователь интернета. Участвуя в публичной онлайн-коммуникации, человек выражал обеспокоенность, сомнения, раздражение, что, конечно, создавало негативный эмоциональный тон дискурса [Журавлев, Китова 2020; Павлова и др. 2021; Jang, Paek 2019 и др.].

Целью исследования стало описание дискурсивных признаков речевых интенций, выражающих условно нейтральную позицию говорящего, т.е. связанную с попытками

проанализировать ситуацию, сообщить и пояснить информацию, поинтересоваться мнением собеседника, поделиться опытом и т.п. В целом это интенции, которые в период пандемии позволяли конструктивно обсуждать актуальные проблемы (вакцинация, профилактика, самоизоляция). В этот интенциональный блок, ориентируясь на типологию Дж. Серля, можно включить, преимущественно, репрезентативы – речевые акты, связанные с представлением дел, утверждением истинности суждений. С учетом полифункциональности высказываний необходимо отметить также регулирующую и экспрессивную роль нейтральных интенций. Первая выражается в стремлении так или иначе оказать воздействие на собеседника – привлечь его внимание, добиться ответа, дать совет и т.п.; вторая связана с репрезентацией своего состояния, пережитого опыта.

Методическую базу исследования составил интент-анализ – экспертный метод оценки психологического содержания речи [Павлова, Гребенщикова 2017], опирающийся на методологию теории речевых актов (Дж. Остин, Дж. Серль), конверсативного анализа (Н. Sacks, М. Stubbs, J. Heritage), дискурсивной психологии (J. Potter, D. Edwards) и системного подхода в психологии (Б.Ф. Ломов, А.В. Брушлинский). Метод позволяет реконструировать намерения коммуникантов, в том числе, сопряженные с текущим взаимодействием и коммуникативными тактиками. Выявление речевых интенций говорящих происходит с учетом целостной социально-коммуникативной ситуации: на микроуровне учитывается согласованность реплик в ходе взаимодействия, на мезоуровне – конфликтность / кооперативность взаимодействия, на макроуровне – социальные роли коммуникантов и социокультурный контекст [Павлова, Гребенщикова 2017].

Методика

Участники исследования – 168 человек (по данным в открытых интернет-источниках, 94 мужчины, 74 женщины).

Материал исследования. Шесть информационных сообщений о локдауне, объявленном в ноябре 2021 г. в связи с резким увеличением количества заболевших COVID-19, и их обсуждение (326 комментариев, ср. - 54, min=46, max=63) в социальной сети Facebook (страница Город Москва, facebook.com/mosru.official), на семейном форуме (forum.moyasemya.ru), в новостной ленте (Яндекс.Дзен, zen.yandex.ru), в личном блоге ЖЖ (lost-buddha. livejournal.com), на сайте информационного СМИ (РИА Новости, ria.ru), в кроссплатформенной системе Telegram (t.me/commentlentach). Отбирались популярные сообщения, получившие более 45 комментариев, которые были опубликованы в ноябре 2021 г. Комментарии к сообщению анализировались в полном объеме.

Процедура исследования. На основе экспертной оценки в ходе обсуждения квалифицировались речевые интенции. С опорой на лексико-грамматический анализ материала и существующие данные об отражении в речи иллокутивных актов различного типа устанавливались формы проявления выделенных категорий интенций: глаголы, существительные, ассоциативно связанные слова, словосочетания и пр. Выявлялись и систематизировались повторяющиеся формы проявления нейтральных интенций, выступающие признаками той или иной категории в социальных медиа. Результаты сопоставлялись с исследованием негативных интенций, выполненным на данном материале [Павлова и др. 2022].

Результаты

По данным интент-анализа зафиксировано 12 категорий нейтральных интенций пользователей (n=274). Остановимся последовательно на каждой из них и ее проявлениях в интернет-дискурсе:

1. Интенция «аргументировать» (5,8% случаев реализации нейтральных интенций) – доказать свою позицию, привести доводы, обосновать мнение – представлена разнообразными риторическими приемами, усиливающими позицию говорящего. Она проявляется в ходе дискуссии защитой своего утверждения, исключая критику оппонента (в последнем случае интенция отмечается как негативная). При аргументировании служебные части речи организуют логическую цепочку повествования, конкретизируют или подтверждают сказанное. Характерны (1) подчинительные союзы, союзные слова и выражения – *«поэтому»*, *«значит»*, *«по существу»*, *«в любом случае»*, *«так что»*, *«например»* и др. (*«Значит ваши выплаты по медстрахованию уже не покрывают риски, поэтому только за свой счет»*, *«И даже если так, то наверняка выхватили гораздо меньшую дозу и переболели легче, нежели если бы были без маски»*). Признаком данной интенции могут выступать также (2) союзы с функцией перечисления, когда комментатор, усиливая свою позицию, приводит аргументы и подчеркивает их многочисленность: *«и..., и...»* (*«И в Швеции, и в Норвегии очень много одиноких стариков, живущих в домах престарелых»*), *«а еще»* (*«А еще можно сравнить не с Норвегией <...>, а с Россией»*). Коммуникант может (3) ссылаться на собственный опыт с помощью сочетания *«я сам/сама»* (*«Я сама давно привита, хожу в общественных местах в маске и не лезу в толпу...»*). Он убеждает (4) через нахождение общего с собеседником, что выражается чередой личных местоимений 1-го и 2-го лица (*«И у вас, и у меня есть на это очень серьезные причины...»*, *«и вы, и я»*). Показывая очевидность факта, говорящий (5) использует перцептивные глаголы с местоимениями в значении всеобщности (*«И тут все могут увидеть: смертность в Швеции и в России от коронавируса несопоставима»*). В ходу (6) слова и выражения со значением универсальности (*«Все это будет»*). На интенцию аргументации (7) указывают также глаголы и существительные с семантикой доказательства (*«И это доказывает физика и исследования»*, *«Медицинские доводы тут бесполезны»*).

2. Интенция «выразить мнение» (25,2%), сообщая об отношении, позиции коммуниканта, квалифицируется в случаях уверенности говорящего в своем суждении, трансляции знаний о чем-либо, убежденности в чем-то и т.п. Это отражается в выборе: (1) устойчивых выражений со значением высокой вероятности (*«в любом случае»*); (2) глаголов мысли – *«точно знаю»*, *«сужу по опыту»*, *«думаю»*, *«считаю»* (*«Я считаю, что маску необходимо носить больным, кашляющим и чихающим»*); (3) перцептивного глагола *«видеть»* (*«На работе заставили, но я точно знаю и вижу реакцию»*); (4) фразеологизмов с лексемой «дело» со значением причинности (*«Да в том-то и дело»*) и значением «иначе» (*«Вот если у нас были бы такие же зарплаты и цены на все как на западе тогда другое дело»*²); (5) подчеркнутой позиции «говорю за себя» – *«я за»*, *«лично я»*, *«я не хочу»* (*«Я за маски для всех на всякий случай»*, *«Я не хочу, чтобы на меня дышали вплотную без маски»*, *«Я (говорю только за себя) не верю что это забота о моем здоровье так не заботятся гоня всех без разбора»*

---

² Здесь и далее в примерах сохранена орфография и пунктуация авторов комментариев.

вакцинироваться»). Вместе с тем (6) определенные характеристики референциального объекта интенсифицируются или, напротив, ослабляются словами с семантикой значимости / незначимости («**Важно** расстояние», «**Это важно!** И маски носить, и социальную дистанцию соблюдать!»), «**Ну не стоит** так радикально, **думаю**»). Подчеркивается также значимость проблемы для говорящего, что проявляется (7) в выборе вводных оборотов с семантикой важности («**И главное**, вновь удар по людям с бесплатным проездом»). Показательны (8) подчинительные союзы «если... то», «также, как и» («**А заразиться и заразить ты точно так же, как и все, можешь с той же вероятностью**») и, наконец, (9) сленг со значением «по моему мнению» («**ИМХО**»).

Отметим, что данная категория интенций объединяет случаи без негативной оценки, исключает прямое возражение, критику. В отличие от интенции «аргументировать», собеседники не стремятся явно переубедить друг друга, избегают противостояния, используют средства снижения категоричности высказываний (вопросительную форму, модальные категории возможности).

3. Интенция «предположить» (1,8%) наряду с категориями «выразить мнение», «аргументировать» напрямую выражает тенденцию совместного осмысления событий. Предполагая, комментаторы излагают версию событий, свое или чужое видение ситуации, а также «сглаживают углы» в дискуссии, прибегая к модальным вероятностным конструкциям. Признаком данной интенции могут служить: (1) модальные наречия и частицы («**Сейчас наверное, вообще все жестко**», «**Скорее всего, все это будет не недельная история**», «**Кислорода там поди всегда хватает <...>**»); (2) ссылки на других участников дискуссии («**Скажу, я в Саяногорске, Надя про Абакан, наверное, больше скажет**»); (3) подчинительные союзы и союзные слова («**И даже если так, то наверняка выхватили гораздо меньшую дозу и переболели легче, нежели если бы были без маски**»); (4) модальные глаголы и сочетания «а может», «может, все-таки» («**Может все-таки не забивать и на маски, и на разоблачение, и на вакцинацию?**»).

4. Категория «выяснить» (4,7%) включает близкие по смыслу интенции запросить информацию / мнение собеседника, поинтересоваться чем-либо. Она направлена на конкретного собеседника и, будучи лишена провокативной составляющей, выполняет функцию развития дискуссии в конструктивном ключе. Эту категорию важно отличать от случаев «нападения» на собеседника, когда за внешней формой выяснения скрываются негативные интенции «выразить возмущение», «высмеять», «критиковать» и т.п. Описываемая интенция представлена вопросительными высказываниями, в числе которых (1) высказывания, начинающиеся с «**А почему**», «**А ты**», «**Почему бы**» («**А ты привит?**», «**А почему вот эти массовые мероприятия не перенесены на другое время?**») и (2) вопросительных наречий («**Вот как** нам с вами прийти к общему знаменателю?», «**Как быть?**», «**Откуда статистика?**»). Имея в качестве референциального объекта окружающую действительность (объявленный локдаун), данная интенция отражает недоумение говорящего («**А как быть тем, у кого запланированы мероприятия за месяц-два?**»), но в дискуссии она служит конструктивной опорой для поиска решения и почти не встречается изолированно. При этом важно отличать данную категорию от не требующего ответа сарказма и соответствующей интенции «высмеять» («**Куда писать, интересно? Могу только в Спортлото**»), а также критики («**Почему бы тогда с пряника не начать**»).

5. Интенция «рассказать» (26,3%) выделяется, когда говорящий делится своим опытом, сообщает важные для него сведения, предается воспоминаниям. Часто подобный комментарий (1) имеет большой объем (многократно превышающий другие комментарии), поскольку содержит разворачивающееся повествование. В качестве других маркеров отмечались: (2) глаголы прошедшего времени, идущие подряд в одном или нескольких предложениях («**Приехали** в сочинский отель, забит под завязку, туча семей с детками, все тусуются в бассейне, мы **ушли** на море. На завтраке **попросили** к шведской линии подходить в масках, **выдали** браслеты каждому»); (3) словосочетания «(а) у нас», «у меня», предваряющие рассказы о своем опыте («**У нас** огромные перебои с общественным транспортом, много заболевших кондукторов и водителей»); «**У меня** среди знакомых больше половины привиты, стали часто болеть»); (4) лексемы с семантикой родства, знакомства как отсылки к ближайшему окружению, нередко с конкретизирующим наречием («**У мужа, например,** на фирме 3 раза в неделю тестируют бесплатно»), косвенной речью («**Коллега** лежал в палате видео нам присылал, **говорит**, жуть, больше половины с прививкой»); (5) обстоятельства времени («**Да вчера** по радио уже гоняли ответ Пескова, что при пандеми[и] можно и нарушить, т.к. это во благо»; «**Сейчас** я живу на Кубани, но **полжизни** прожила в Великом Новгороде»); (6) числительные для обозначения временного периода («**7 лет** на очереди стояла»); (7) географические названия («**Евросоюз** пока не одобрил ее использование, а некоторые **страны Центральной и Западной Европы** внесли **Россию** в красный список, который запрещает въезд туристам»); (8) указательные частицы и словосочетания по типу «**вот так(ое)**», «**а вот**» в сопровождении глагола в личной форме, назывные предложения («**Вот так** мы ПЦР сдавали. С ПОДОЗРЕНИЕМ на ковид. Крохотное помещение без вентиляции», «**Вот такое** осложнение»); (9) эмотивные глаголы для сообщения о своем состоянии («**Меня выстегнуло** то, что перед объявленным локдауном в Москве делается все, что бы все усугублялось»).

6. Интенция «информировать» (5,2%) отличается от близкой категории «рассказать» более официальным тоном и/или менее выраженной личной позицией говорящего. В высказываниях с данной интенцией (1) отсутствуют признаки выражения личного мнения такие, как глаголы мыслительной деятельности «**считаю**», «**думаю**», модальный глагол «**кажется**», наречия с вероятностным смыслом «**наверное**», «**вероятно**»; при этом используются речевые глаголы – «**заявил**», «**пояснил**» («**Надеемся, что после этого мы будем нормально работать, и город будет жить обычной жизнью**», - **пояснил** Сергей Собянин»). Комментарий, содержащий данную интенцию, может включать (2) цитаты в виде прямой речи, ссылки на другие источники и численные данные («**Рамблер**»; «**в нарушение 19 статьи конституции РФ**»). Используются (3) выражения, присущие деловому стилю письма, канцеляризмам, речевые штампы («**дискриминация по признаку статуса**», «**под угрозой лишения гарантированных законом мер**»).

7. Интенция «побудить к действию» (6,9%) представлена в дискурсе в виде призывов, обращений к конкретным собеседникам. Признаком ее реализации выступают императивы 2-го лица («**Пишите** везде»). В некоторых контекстах данная интенция сопряжена с выражением назиданий («**Вот только будьте** честными до конца: отказываетесь от вакцинации, так **напишите** и отказ от бесплатной медицинской помощи»), затягиванием собеседника в спор («**Продолжительность жизни сравни**»).

8. Интенция «посоветовать» (1,8%) в своем выражении имеет побудительную модальность, за которой стоит стремление поделиться опытом и часто поддержка собеседника. Для ее реализации показательны: (1) побудительные глаголы, глаголы-превентивы («**Не спорьте** с верующими»; «*Так что, все было, было, было – не переживаем*»; «**Беги**, дядь Мить. Пока не облили...»); (2) инфинитивы с модальными наречиями долженствования («**Не обязательно** в ноябре **ехать** в Парк Горького»)) и возможности («**Можно гулять** с собакой недалеко от дома»).

9. Интенция «предложить» (5,8%) по форме напоминает побуждение, однако действительных акторов для исполнения действия среди участников обсуждения нет («**Тогда сделай** меньше налог на предпринимательство»). Скорее, это приглашение к дискуссии. В числе речевых признаков интенции: (1) побуждения к совместному действию («**Давайте** все остальные (предприниматели, их работники и т.д.) налоги в свой отдельный бюджет **платить будем**»); (2) перформативные высказывания со значением «предлагать» («**А у меня другое предложение**»); (3) модальные предикативы со значением возможности и долженствования, а также устойчивые выражения с ними («**Все эти мероприятия можно и нужно** перенести на 1... 2 месяца»).

10. Интенция «уточнить» (5,2%) реализуется говорящим, желающим прояснить мысль, проверить предположение. Данная интенция, развивая диалог и управляя им, демонстрирует попытку собеседников понять друг друга, переформулировать сказанное. Представлена в дискурсе в форме вопросительных высказываний, содержащих: (1) вопросительные наречия вместе с указательными местоимениями по типу «**это кто / что же?**» («**Не признают** нигде, **это как?**»); (2) союзы в начале предложения, означающие допущение («**А если** по существу?»).

11. Интенция «пояснить» (9,8%) сопутствует интенциям «информировать», «рассказать», «выразить мнение» и является комплементарной для категории «уточнить». Как правило, она отражает стремление говорящего дополнить собеседника, скорректировать его мнение, внести ясность, иногда – разъяснить собственную позицию. При реализации данной интенции отмечались: (1) сочетания «указательное местоимение» + «составной подчинительный союз» («**Там** зарплаты человеческие **не то что** по телику нам лапшу вешают»); (2) вводные обороты со значением неуверенности («**Насколько я помню**, прививка не препятствует возникновению болезни, а только может облегчить форму ее перенесения»); (3) краткие формы ответов, неполные предложения («**А ты привит?**» – «**Да**»; «**Мы чем хуже?**» – «**Продолжительностью жизни**»); (4) отрицательные и противительные союзы («**Нет, не из бывших**», «**Не** дома, **а** на социальном мониторинге не хочется сидеть»); (5) сочетание «я о (об)» с существительным или указательным местоимением («**Я об этом**», «**Я о пропагандистских лозунгах**»); (6) усилительные частицы для подтверждения сказанного, пояснения мысли собеседника или своей («**Даже** сейчас с признаками ОРВИ отказывают в тесте»; «**Источники все равно Минздрава стран**»).

12. «Напомнить» (1,1%) – интенция, укрепляющая позицию говорящего, когда он указывает на конкретные события и факты. В своем выражении интенция может иметь глаголы, семантически сходные с названием категории («**Позволю только напомнить** о разнице в подходе к самой болезни со стороны властей», «**И вы не забывайте**, почему

стали молчать, сколько людей заболело гриппом <...>»), а также указание на временной интервал («А то что год назад в это время не было ни одного вакцинированного, тогда еще не было вакцины от ковид, а заболеваемость была ниже в разы – все это как то не сходится <...>»).

Дискуссия

Реализованный подход позволяет определить актуальные интенции субъектов общения в интернет-дискуссе. За нейтрально окрашенными высказываниями раскрываются стремления поделиться информацией, обменяться мнениями, предложить и пр. Категории «выразить мнение» и «рассказать» реализуются чаще других интенций нейтрального блока (25,2% и 26,3% общего числа реализаций соответственно) и отличаются разнообразием речевых проявлений (8-10 вариантов). В интернет-дискуссе обнаружены такие признаки нейтральных интенций, как вводные слова и выражения («и главное», «вероятно», «видимо» и др.), модальные и вопросительные наречия («наверно», «может», «все-таки», «как», «откуда»), эмотивные глаголы и глаголы мысли («думаю», «читаю», «выстегнуть», «позабавить» и др.), указательные частицы («а вот», «вот так(ой)»), а также их комбинации. В сравнении с интенциями негативного блока критики и дискредитации при выражении нейтральных интенций отсутствует ярко окрашенная оценочная лексика, собеседники склонны «сглаживать углы», делиться мнением.

Вместе с тем репертуар речевых средств аргументирования и выражения мнения в интернет-дискуссиях выглядит обедненным по сравнению с другими контекстами [Словарь русского языка... 2021; Доронина 2011]. При выражении интенций отсутствуют перформативы, единичны случаи прямого обозначения своего эмоционального состояния («*Меня выстегнуло*»). Однако собеседники понимают намеки друг друга, даже обозначают не выраженные явно намерения («*Беги, дядь Мить. Пока не облили...*» – «*Заценила ваш совет!*»). Наиболее частый инструмент в спорах – ирония и сарказм, относящиеся к блоку интенций критики и дискредитации. Интенции «попросить», «принести извинения» и другие подобные отсутствуют, ведь в дискуссиях на общественно значимые темы множество конфликтогенных зон с типичной для них негативной направленностью [Павлова и др. 2023]. Отсутствуют и этикетные интенции («поприветствовать», «попрощаться»), налицо, однако, попытки сближения с собеседником, привлечения его на свою сторону трансляцией позиции («выразить мнение»), выбором модальных конструкций прогнозирования («предположить»).

Обращает внимание, что нейтральные интенции нередко погружены в контекст негативных и в пределах одного комментария не встречаются изолированно, без критики, высмеивания, недовольства. Так, интенция «побудить к действию» присутствует чаще в окружении интенций, связанных с выражением возмущения или иронии с провокативным оттенком («*Незачет. Развернутый коммент давай. Методичка кому писана*», «*Гуглим про инкубационный период*»). То же касается некоторых случаев интенции «посоветовать»: стремление помочь, отличающее истинный совет, может отсутствовать, напротив, рекомендация подается в снисходительном, саркастическом тоне («*<...> займите, продайте, устройтесь на работу, где платят, познакомьтесь с доброй женщиной, помогите старушкам (у них есть пенсия)*»). Отметим, что

сам глагол «советовать» встречается в комментариях при выражении иронии («*Всю жизнь учусь и Вам советую*») и отнюдь не выступает признаком совета, а служит защитой собственной позиции в перебранке. В свою очередь, и междометие «*Чао*» не является нейтральным, но иронично завершает саркастическое назидание. Интенция «предложить» часто перекрывается саркастическим, уничижительным тоном: «*Наверное, пора особую вакцину для таких альтернативно одаренных разрабатывать*».

Проблема дифференциации интенций существует и между категориями нейтрального блока. Так, граница между «аргументировать» и «выразить мнение» во многом условна, она определяется более явным стремлением переубедить собеседника в первом случае. При этом выражение мнения часто используется для привлечения собеседника на свою сторону. Интенции «посоветовать» и «предложить» сближены: обе выражаются с использованием императивов, модальных частиц, однако имеют разные референциальные объекты. Если за советом видится стремление встать на сторону говорящего (референциальный объект – «собеседник»), то «предложить» не содержит реальных предписаний (референциальный объект – «чиновники, местные власти»), а служит для обмена мнениями, развития дискуссии в пределах онлайн-сообщества. Сходная по средствам реализации интенция «побудить к действию» соответствует эристическому плану диалога, как бы затягивая адресата в дискуссию («*сравни...*»).

Одни и те же маркеры могут быть характерны для разных категорий интенций, и для их однозначной квалификации важно сочетание признаков [Павлова и др. 2023]. Например, если императивы выражались пренебрежительным, ироничным тоном с обращением к собеседнику на «ты» («*не вакцинируйся, если это ухудшает смертность*») или сопровождалось отрицательной лексикой со значением всеобщности («*Нужно было бы колоть ее всем и каждому, а так пусть колит добровольно, кто хочет!*»), то интенция квалифицировалась как негативная в сочетании с «выразить недовольство» или «критиковать», а не как нейтральная «побудить к действию» или «предложить».

Для преодоления трудностей дифференциации категорий важно учитывать соседствующие высказывания, которые могут усиливать или, напротив, ослаблять проявление данной интенции. Некоторые комментарии только по форме напоминают запрос, но по сути являются возражением и не требуют ответа как такового («*Иначе потрудитесь объяснить, откуда появляются антитела у тех, кто вроде бы не болел и ничего не чувствовал похожего на болезнь?*»). Устаревшая форма приказа «*потрудитесь объяснить*», по сути, указывает на возражение в саркастической форме. Напротив, глаголы мыслительной деятельности, соседствуя с перцептивными глаголами, скорее указывают на нейтральность суждения. Запросы как отражение интереса к мнению собеседника или его источнику представляют единичные случаи («*Откуда статистика?*»).

Вместе с тем при определении интенции стоит опираться не только на качественные, но и на количественные признаки, что также облегчает различение категорий. Так, категория «рассказать» выделяется значительным объемом относящегося к ней комментария. Напротив, интенции «пояснить» могут соответствовать краткие односложные ответы, содержащие неполные предложения.

Системная организация и иерархичность дискурса позволяют распределить нейтральные интенции на 3 группы, которые легче разграничивать: 1) аргументация и ее развитие («аргументировать», «выразить мнение», «пояснить», «выяснить», «уточнить», «предположить», «напомнить»); 2) побуждение к действию / упреждение действия («побудить к действию», «предложить», «посоветовать», в официальных сообщениях – и «информировать»); 3) наррация, за интенциями которой стоит желание высказаться, представить свой опыт, получить поддержку, поделиться важной информацией («рассказать», «информировать»). Представленные группы, которые в предыдущих наших работах назывались ведущими интенциональными направленностями [Павлова, Гребенщикова 2017], могут быть использованы для разработки критериев экспресс-оценки интенциональной структуры дискуссии, уровня ее конфликтности. Важно оговорить, однако, что автоматическая квалификация интенций может затрудняться ошибочным, вплоть до неузнаваемости, написанием слов и выражений («зараза прет совсем щелей», «фигневашей неврим!!!»), отсутствием знаков препинания.

Резюме

1. Описано 12 категорий интенций нейтрального блока поддержания и развития дискуссии, связанных со стремлением интернет-пользователей проанализировать ситуацию, поделиться информацией, обменяться мнениями и пр. Наиболее распространенные из них – «выразить мнение» и «рассказать».

2. К признакам выделенных интенций в интернет-дискурсе были отнесены разнообразные речевые единицы: вводные слова и выражения, модальные и вопросительные наречия, эмотивные глаголы и глаголы мысли, указательные частицы и др., а также их комбинации. В отличие от интенций негативного блока критики и дискредитации, здесь отсутствует ярко окрашенная оценочная лексика, собеседники склонны «сглаживать углы», выражать мнение, совместно осмыслять новость (событие).

3. Некоторые нейтральные интенции обнаруживают специфические присущие им дискурсивные признаки: «а у нас», «вот так» – «рассказать»; «я за», «говорю за себя» – «выразить мнение»; «а почему» – «выяснить»; «и у вас, и у меня» – «аргументировать»; «я об» – «пояснить» и пр.; другие категории – «посоветовать», «предложить» – обладают сходными речевыми проявлениями.

4. Интенции могут иметь не только качественные, но и количественные признаки реализации: так, категория «рассказать» отличается перечислением событий, действий, что отражается в большом объеме комментария.

5. Проблема дифференциации интенций возникает как между интенциями внутри нейтрального блока, так и на границе между нейтральным и негативным блоками. Интенции нейтрального блока реализуются на фоне интенций выражения недовольства, критики и дискредитации. Так проявляется полифункциональность высказываний: если один референциальный объект принимает на себя критику, то другой (как правило, это собеседник) привлекается к обсуждению.

6. Нейтральные интенции поддержания и развития дискуссии можно разделить на три группы: 1) аргументация и ее развитие («аргументировать», «выразить мнение», «пояснить», «выяснить», «уточнить», «предположить», «напомнить»), 2) побуждение

к действию / упреждение действия («побудить к действию», «предложить», «посоветовать», в официальных сообщениях – и «информировать»); 3) наррация («рассказать», «информировать»).

© Павлова Н.Д., Гребенщикова Т.А., Афиногенова В.А., 2023

Литература

Атабекова А.А. Коммуникация в социальных сетях в период пандемии коронавируса: тенденции и социальная значимость анализа // Речевая коммуникация в сетевых структурах: между глобальным и локальным. Сборник научных трудов / Отв. ред. Потапов В.В., Казак Е.А. М., 2022. С. 28–40.

Бакишутова Е.В., Рулина Т.К. Конфронтационные установки дискуссионных сообществ русскоязычного сектора сети FACEBOOK // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2019. Том 3. № 4. С. 402–408. doi: 10.35634/2587-9030-2019-3-4-402-408.

Вульфович Б.Г. Лингвопрагматический потенциал комментария как компонента политического интернет-дискурса. Автореф. дис. ... канд. фил. наук. Краснодар, 2021. 24 с.

Градосельская Г.В., Пильгун М.А. Коммуникативные процессы в сетевой среде: междисциплинарный анализ политически активных сообществ в Фейсбуке // Вопросы психолингвистики. 2015. Том 26. № 4. С. 44–58. doi: 10.22363/2313-1683-2019-16-3-341–358.

Гребенщикова Т.А. Определение границ дискурсивного сообщества в интернете // Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека. Сборник научных статей и материалов III международной конференции. Коломна, 2020. С. 111–114.

Гребенщикова Т.А., Павлова Н.Д. Патриотический дискурс в политическом интернет-сообществе // Вопросы психолингвистики. 2019. № 4 (42). С. 34–49. doi: 10.30982/2077-5911-2019-42-4-36-51.

Гребенщикова Т.А., Павлова Н.Д., Афиногенова В.А. Модификация интенционального пространства в постсобытийном интернет-дискурсе // Психология дискурса. Проблемы детерминации, воздействия, безопасности / Под ред. Журавлева А.Л., Павловой Н.Д., Зачесовой И.А. М.: Институт психологии РАН, 2016. С. 201–219.

Дементьев В.В., Степанова Н.Б. Корпусная генристика: проблема ключевых фраз // Жанры речи. 2016. №1 (13). С. 24–41. doi: 10.18500/2311-0740-2016-1-13-24-41.

Доронина С.В. Дискурсивные приемы выражения мнения // Филология и человек. 2011. №1. С. 7–15.

Дробышева Е.И. Лексика ковидного периода: оценка употребительности неологизмов в студенческой среде // Мир науки, культуры и образования. 2022. №5 (96). С. 392–395. doi: 10.24412/1991-5497-2022-596-392-395.

Журавлев А.Л., Китова Д.А. Анализ интереса населения к информации о пандемии коронавируса (на примере пользователей поисковых систем интернета) // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 4. С. 5–18. doi: 10.31857/S020595920010383-7.

Зайцева И.П. «Коронапсихоз», «коронаскептики», «covidism», «covidophobia» и другие социолингвистические маркеры 2020 г. // Коммуникативные исследования. 2020. Т. 7. № 4. С. 801–813. doi: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).801-813.

Карabanь Н.А., Дикарева А.В. Речевая агрессия в интернет-общении // Филология: научные исследования. 2018. № 2. С. 1–8. doi: 10.7256/2454-0749.2018.2.25581.

Кирилина А.В. Интернет-жанр «комментарий читателя» // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2015. Т. 17. № 1. С. 67–76.

Куликова В.А. Новообразования как средство вербальной агрессии в текстах интернет-СМИ // Русский язык в интернет-коммуникации: лингвокогнитивный и прагматический аспекты / Под ред. Рацибурской Л.В. Москва: ФЛИНТА, 2021. С. 284–317.

Курьянович А.В. Опыт лингво-правовой характеристики конфликтной языковой личности (на примере анализа коммуникативного поведения тролля в сетевой переписке) // Вестник ТГПУ. 2018. Т. 2 (191). С. 127–142. doi: 10.23951/1609-624X-2018-2-127-142.

Лутовинова О.В. Коммуникативные Интернет-типажи агрессивного поведения как кросс-культурный феномен // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2021. № 3. С. 158–171. doi: 10.29025/2079-6021-2021-3-158-171.

Павлова Н.Д., Афиногенова В.А., Гребенщикова Т.А. Дискурс социальных медиа: интенциональный подход // Психологический журнал. 2023. Т. 44. № 1. С. 81–90. doi: 10.31857/S020595920024354-5.

Павлова Н.Д., Афиногенова В.А., Кубрак Т.А., Зачесова И.А. Дискурс социальных медиа в условиях пандемии COVID-19 // Экспериментальная психология. 2021. Т. 14. № 3. С. 152–167. doi: 10.17759/exppsy.2021140311.

Павлова Н.Д., Афиногенова В.А., Кубрак Т.А., Зачесова И.А. Речевые интенции и референциальные объекты в дискурсе социальных медиа (на примере дискуссий в условиях локдауна) // Экспериментальная психология. 2022. Т. 15. № 4. С. 139–156. doi: 10.17759/exppsy.2022150409.

Павлова Н.Д., Воронин А.Н., Гребенщикова Т.А., Кубрак Т.А. Разработка подхода к типологии сетевых сообществ на основе дискурсивных признаков коллективной субъектности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2019. Т. 16. № 3. С. 341–358. doi: 10.22363/2313-1683-2019-16-3-341-358.

Павлова Н.Д., Гребенщикова Т.А. Интент-анализ. Основания, процедура, опыт использования. М.: Институт психологии РАН, 2017. 151 с.

Радбиль Т.Б., Рацибурская Л.В., Щеникова Е.В., Жданова Е.А., Самыличева Н.А., Куликова В.А. Русский язык в интернет-коммуникации: лингвокогнитивный и прагматический аспекты / Под ред. Рацибурской Л.В. Москва: ФЛИНТА, 2021. 328 с.

Радина Н.К. Конструирование правил онлайн-дискуссии: роль «лайков» // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10. № 4. С. 58–76. doi: 10.17759/sps.2019100405.

Савченко А.В., Янь-Цзюнь Л. «Коронавирусные неологизмы»: от лексики и фразеологии к интернет-мемам (на материале русского и китайского языков) // Коммуникативные исследования. 2020. Т. 7. № 4. С. 865–886. doi: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).865-886.

Сперанская А.Н. «Слово года» и «ключевая ситуация»: о пополнении актуального лексикона // Коммуникативные исследования. 2021. Т. 8. № 1. С. 102–114. doi: 10.24147/2413-6182.2021.8(1).102-114.

Фаломкина И.П. Речевая агрессия в комментариях социальных сетей и мониторинг социальной напряженности (на материале комментариев в профиле @kuzbass_news) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2020. № 08/2. С. 101–105. doi: 10.37882/2223-2982.2020.08-2.21.

Heirman W., Angelopoulos S., Wegge D., Vandebosch H., Eggermont S., Walrave M. Cyberbullying Entrenched or Cyberbully-Free Classrooms? A Class Network and Class Composition Approach // Computer-Mediated Communication. 2015. Vol. 20. № 3. P. 260–277. doi: 10.1111/jcc4.12111.

Jang K., Paek Y.M. When information from public health officials is untrustworthy: The use of online news, interpersonal networks, and social media during the MERS outbreak in South Korea // Health Communication. 2019. Vol. 34. № 9. P. 991–998. doi: 10.1080/10410236.2018.1449552.

Stroud, N. J., Scacco, J. M., Muddiman, A., Curry, A. L. Changing deliberative norms on news organizations' Facebook sites // Journal of Computer-Mediated Communication. 2015. V. 20. No. 2. P. 188–203. doi: 10.1111/jcc4.12104.

Theocharis Y., Vitoratou S., Sajuria J. Civil society in times of crisis: Understanding collective action dynamics in digitally enabled volunteer networks // Journal of Computer Mediated Communication. 2017. No. 22. P. 248–265. doi: 10.1111/jcc4.12194.

Valentine L., McEnergy C., O'Sullivan S., Gleeson J., Bendall S., Alvarez-Jimenez M. Young People's Experience of a Long-Term Social Media-Based Intervention for First-Episode Psychosis: Qualitative Analysis // Journal of Medical Internet Research. 2020. Vol. 22. No. 6. URL: <http://jmir.org/2020/6/e17570>.

Словари

Словарь русского языка коронавирусной эпохи / Отв. ред. Приемышева М.Н. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2021. 550 с.

Сведения об авторах:

Павлова Наталия Дмитриевна – доктор психологических наук, заведующая Лабораторией психологии речи и психолингвистики Института психологии РАН.

Контактная информация:

129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, к.1.

ORCID: 0000-0002-1516-0977

e-mail: pavlova_natalya@mail.ru, pavlovand@ipran.ru

Гребенщикова Таисия Александровна – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Лаборатории психологии речи и психолингвистики Института психологии РАН.

Контактная информация:

129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, к.1.

ORCID: 0000-0002-1815-4572

e-mail: gretiya@mail.ru, grebenscikovata@ipran.ru

Афиногенова Виктория Алексеевна – кандидат психологических наук, научный сотрудник Лаборатории психологии речи и психолингвистики Института психологии РАН.

Контактная информация:

129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, к.1.

ORCID: 0000-0002-9216-0145

e-mail: viktoriyamail87@mail.ru, afinogenovava@ipran.ru

Для цитирования:

Павлова Н.Д., Гребенщикова Т.А., Афиногенова В.А. Признаки интенций поддержания и развития дискуссии в интернет-дискурсе (на материале обсуждения локдауна 2021 г.) // Вопросы психолингвистики №4(58) 2023, С. 10–25, doi: 10.30982/2077-5911-2023-58-4-10-25

UDC 159.99

LBC 88.26

DOI 10.30982/2077-5911-2023-58-4-10-25

Research article

**TRAITS OF SPEECH INTENTIONS TO SUPPORT
AND DEVELOP DISCUSSION IN DIGITAL DISCOURSE
(A CASE STUDY OF 2021 LOCKDOWN DISCUSSIONS)³**

Natalya D. Pavlova,

Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Taisiya A. Grebenshchikova,

Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Victoriya A. Afinogenova,

Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Abstract

This article continues the series of studies which focused on characterizing the intentional space of internet discourse. The aim is to describe discursive traits of speech intentions related to the speakers' neutral position when they support and develop discussion. News posts on the Lockdown announced in November 2021 due to the increased number of COVID-19 cases and related comments collected from various network resources (326 comments, mean=54, min=46, max=63) were used as a material for our research. Intent-analysis, an expert method of reconstructing communicators' intentions which considers interactive situation and sociocultural context, is used as the methodological basis of the study. We describe 12 categories of neutral intentions related to the commentators' aims to analyze messages, share information, exchange views, etc. Categories «express opinion» and «tell»

---

³ The study was financially supported by RSCF, grant №22-28-01511.

are the most common. Introductory words and expressions, modal and interrogative adverbs, emotive verbs and verbs of thought, indexical particles, etc. and their combinations are the discursive traits of selected intentions' categories. Some neutral intentions have particular discursive traits, and the others have similar speech patterns. The problem of speech intentions' distinction arises both inside the neutral block and out it on the border between neutral and negative blocks. Intentions of the neutral block are realized among discontent, critique and discredit expressions, which shows polyfunctionality. Due to hierarchic organization of digital discourse the neutral intentions were divided into three groups: reasoning and its development («argue», «express opinion», «clarify», «inquire», «specify», «assume», «remind»), inducement or preempting for action («induce for action», «propose», «advise», in official reports «inform»), narration («tell», «inform»). These three groups of the leading intentions in online discussion may be implemented in the elaboration of the criteria for the express evaluation of intentional structure of digital discourse.

Keywords: digital discourse, intent-analysis, speech intentions of web users, neutral intentions to support and develop discussion, discursive traits of intentions

© Pavlova N.D., Grebenshikova T.A., Afinogenova V.A., 2023

Bionotes:

Natalya D. Pavlova – Doctor Sc. of Psychology, Head of the Laboratory of Psychology and Psycholinguistics, Institute of Psychology of Russian Academy of Science.

Contact information:

129366, Yaroslavskaia str., 13/1, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-1516-0977

e-mail: pavlova_natalya@mail.ru, pavlovand@ipran.ru

Taisiya A. Grebenshikova – Ph. D. in Psychology, Sr. research scientist of the Laboratory of Psychology and Psycholinguistics, Institute of Psychology of Russian Academy of Science.

Contact information:

129366, Yaroslavskaia str., 13/1, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-1815-4572

e-mail: gretiya@mail.ru, grebenshikovata@ipran.ru

Victoriya A. Afinogenova – Ph. D. in Psychology, research scientist of the Laboratory of Psychology and Psycholinguistics, Institute of Psychology of Russian Academy of Science.

Contact information:

129366, Yaroslavskaia str., 13/1, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-9216-0145

e-mail: viktoryiamail87@mail.ru, afinogenovava@ipran.ru

For citation:

Pavlova N.D., Grebenshikova T.A., Afinogenova V.A. Traits of speech intentions to support and develop discussion in digital discourse (a case study of 2021 lockdown discussions) // Journal of Psycholinguistics. 4(58), 2023. P. 10–25. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2023-58-4-10-25 (In Russian)

**СТРАТЕГИИ ВОСПРИЯТИЯ ПРЕЦЕДЕНТНОГО ТЕКСТА
В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА
(на материале результатов экспериментальных исследований
2012–2022 гг.)**

Пешкова Наталья Петровна,
Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия
Давлетова Ярослава Александровна,
Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия

Аннотация

В статье представлены результаты сравнительного анализа данных двух психолингвистических экспериментов, проведенных с промежутком в десять лет, с целью выявления особенностей стратегий понимания прецедентного текста в новых условиях коммуникации.

Первый эксперимент был проведен в 2012 г. на материале текста Библии как объекта восприятия и интерпретации в академической аудитории испытуемых, с участием 140 студентов Башкирского государственного университета. Второй эксперимент проводился в 2022 г. с использованием текстов русских народных пословиц в качестве объекта понимания и с расширением экспериментальной аудитории до 260 студентов Уфимского университета науки и технологий.

Целью исследования было изучение стратегий понимания прецедентных текстов (текста Библии и русских народных пословиц), обусловленных: 1) особенностями языкового сознания испытуемых-реципиентов, выявленными с использованием метода «контр-текста», или «встречного текста» А.И. Новикова; 2) спецификой новых условий коммуникации современного цифрового общества. Учитывались различия типов текста с опорой на текстотипологическую модель, разработанную Н.П. Пешковой.

Предмет исследования – письменные индивидуальные «встречные тексты» реципиентов, представляющие собой набор вербальных и невербальных (в форме рисунков, эмодзи и смайлов) реакций. Сравнительный анализ количественных и качественных данных двух экспериментов, проведенный с использованием методики «встречного текста», позволил выявить определенные сходства в вербальных реакциях испытуемых, в частности, преобладание в продуцируемых «контр-текстах» адресатов оценочного компонента; а также и целый ряд различий, связанных с новыми тенденциями в стратегиях понимания и смысловой интерпретации прецедентного текста в изменившихся условиях коммуникации. Среди различий можно назвать такие новые реакции, как особая разновидность реакции «мнение», проявляющая себя в новых формах; использование поликодового или креолизованного текста; привлечение невербальной реакции в виде рисунка; усиление эмоционального фона «контр-текста» путем разнообразных средств, не использованных реципиентами в процессе восприятия всех известных ранее видов текстов в предшествующих экспериментах. В заключение намечаются перспективы дальнейшего исследования

рассмотренных проблем, обусловленных, в том числе, полиэтнической спецификой Республики Башкортостан.

Ключевые слова: стратегии понимания, «встречный текст»/«контр-текст», тип текста, прецедентный текст, новые условия коммуникации, тип коммуниканта

Вводные замечания

Обсуждая проблемы глубоких изменений, произошедших и происходящих в процессах современной коммуникации в условиях информационного общества, исследователи выделяют, прежде всего, такой фактор, как новый образ жизни социума, обусловленный его экономическим и научно-техническим развитием, связанным, в том числе, с распространением и доступностью высоких технологий широким слоям населения. Как известно, новый образ жизни включает в себя и новые формы коммуникации.

Глобальное распространение Интернета обеспечило коммуникантам постоянный доступ к потоку информации, связанной с самыми разнообразными сферами знания, и возможность непрерывного онлайн общения, независимо от географической локации интернет-пользователей. С развитием социальных сетей появились новые возможности не только получения информации, но и повышения образования путем использования образовательных интернет-ресурсов.

Как уже отмечалось, оказывая глубокое воздействие на коллективное сознание общества и отдельной личности, новые условия коммуникации не могли не привести и к формированию нового типа коммуникантов [Пешкова 2022].

При этом, нельзя не отметить, что обострение «непреходящих» проблем языка и общества, вызванных научно-техническим развитием, всегда сопровождалось «вмешательством» как социума в язык, так и языка в отношения социума. И, как показывает опыт, «языковые преобразования формируют и новые этико-моральные взаимоотношения» [Шаховский 2021: 41].

При изучении особенностей коммуникации в условиях информационного общества аспект понимания и адресат информации приобретают особую *актуальность*. Процессы понимания непосредственно связаны как с отдельной личностью, активно воспринимающей предлагаемую ей информацию в форме текста, так и с целым социумом.

Специфика восприятия информации отдельным адресатом, сохраняющим характеристики «виртуальной языковой личности» или «сетевой языковой личности» [Карасик 2021: 58], независимо от формы коммуникации, присуща и обществу в целом. В связи с этим выявление и изучение новых стратегий понимания, а также выявление новых особенностей в использовании уже известных стратегий восприятия и интерпретации текстовой информации отдельным реципиентом, способствуют пересмотру известных и разработке новых интегративных моделей процесса понимания информации в форме различных типов текста.

Более десяти лет назад нами была разработана модель понимания и интерпретации текста Библии как одного из видов прецедентных текстов [Давлетова 2012] с использованием метода «встречного текста» А.И. Новикова» [Новиков 2003], а также текстотипологической модели Н.П. Пешковой [Пешкова 2002].

В настоящей статье будут представлены результаты нового, осуществленного с разницей в десять лет, экспериментального исследования, выявляющего особенности

понимания, присущие современным коммуникантам, в сравнении со спецификой тех же процессов десятилетней давности. Новый эксперимент проводился также с опорой на метод «встречного текста», но на материале текстов пословиц и поговорок как еще одной разновидности прецедентного текста.

В дальнейшем для ссылки на исследования 2012 и 2022 гг. мы будем использовать обозначения Э1 и Э2, соответственно.

Целью исследования, результаты которого представлены в настоящей статье, является, с одной стороны, выявление специфики понимания прецедентного текста (русских народных пословиц и поговорок) адресатом новой формации, а с другой – сравнительный анализ результатов двух экспериментов, проведенных с разрывом в десять лет и, тем самым обеспечивших участие в них испытуемых, принадлежащих разным поколениям молодежного студенческого социума.

Выбор в качестве *объекта* понимания текстов пословиц и поговорок обусловлен одной из особенностей современных коммуникантов, не склонных к восприятию информации большого физического объема. Нужно также отметить, что одной из характеристик современных условий коммуникации выступает механизм конденсирования информации, представления ее в более сжатой физической форме [Пешкова 2022]. В этом смысле объект понимания, пословица и поговорка, представляющая собой конденсированное выражение содержания, как правило, значительного объема, отражает тенденции, присущие новым условиям коммуникации, и соответствует особенностям коммуникантов новой формации. Все это и обуславливает *новизну* полученных результатов исследования.

Актуальность исследования, как уже отмечалось, связана с необходимостью изучения изменений в процессах восприятия и понимания информации в форме текста, вызванных новыми условиями коммуникации в информационном обществе и новым типом коммуникантов.

Результаты сравнительного анализа экспериментальных исследований 2012 и 2022 гг.

Напомним кратко этапы и принципы подготовки и проведения психолингвистического эксперимента 2012 г. и 2022 г.

Подготовительный этап проведения эксперимента

1) Важной задачей подготовительного этапа является, как известно, подбор текстового материала. В Э1 из проанализированных двухсот отрывков Библейского текста был выбран фрагмент о грехопадении людей, в котором Ева, послушав Змея-искусителя, уговорила Адама съесть запретный плод. Люди были изгнаны из Рая и лишены блаженной жизни [Закон Божий 1997]. Отрывок состоял из 13 предложений и представлял собой законченный текст.

Очевидно, что Библия как неотъемлемая часть генетического кода европейской культуры на протяжении столетий оказывала влияние на жизнь, мышление, поведение как отдельного человека, так и целых государств. Значимость прецедентного библейского текста в современных условиях также не вызывает сомнения.

Можно было предположить, что вербальные реакции на содержание текста Библии молодых людей, принадлежащих региональному полиэтническому социуму, позволят сделать некоторые выводы относительно их базовых культурных и этических ценностей, независимо от того, являются ли они верующими людьми или нет.

В качестве материала для проведения Э2 были выбраны 20 русских народных пословиц, также являющихся разновидностью прецедентного текста. Исследователи, занимающиеся изучением различных типов текстов, научно-популярных, медийных, текстов глянцевого журналов, до сих пор не уделяли достаточного внимания этому виду фольклора [Пешкова 2021: 464].

Как уже было сказано выше, наш выбор данного вида прецедентного текста обусловлен тем, что в пословицах сжато представлены содержание и смыслы, имеющие отношение к жизненному опыту и знаниям нескольких поколений. К этому можно добавить следующее. Пословицы, как правило, передают информацию, достаточно известную большинству представителей молодежного социума, и не представляют особых сложностей для понимания. Это дает основание предположить, что «встречные тексты» реципиентов, полученные в процессе восприятия ими пословиц, содержащих жизненный опыт и нравственные ценности нескольких поколений, могут содержать актуальную информацию о жизненных ориентирах и принципах испытуемых-представителей молодежного студенческого социума.

2) Следующей задачей стало определение круга испытуемых, участников нашего экспериментального исследования. В их число вошли студенты Башкирского государственного университета в 2012 г. и Уфимского университета науки и технологий в 2022 г., не имеющие прямого отношения к гуманитарным специальностям, обучающиеся на физико-техническом, математическом и химическом факультетах, в возрасте от 18 до 22 лет.

В Э1 количество испытуемых составляло 140 человек. В Э2 круг участников расширился до 260 человек. Мы предположили, что данные реципиенты обладают достаточными знаниями, полученными в школе, университете и, возможно, в семье, для осмысления предложенных им прецедентных текстов. Следует отметить, что работа с текстом Библии, синтаксически и лексически непростым, была для испытуемых более сложной, чем процесс работы с пословицами.

3) Что касается задачи, связанной с разработкой инструкции для участников эксперимента, нужно сказать, что за ее основу была принята оригинальная инструкция автора метода «встречного текста» А.И. Новикова, адаптированная под нашу аудиторию испытуемых.

Этап проведения эксперимента

Итак, перед участниками Э1 и Э2 была поставлена следующая общая задача. «Читая текст, составьте свой “контр-текст”. Контр-текст – это все то, что возникает в Вашем сознании как результат понимания очередного предложения. Он включает в себя не только то, что прямо сказано, но и то, что подразумевается, дано в неявной форме, опосредованно, в том числе различного рода ассоциации. Составляйте “контртекст” на каждое очередное предложение, не читая последующие» [Новиков 2003: 65].

Форма проведения эксперимента оставалась в обоих случаях групповой при индивидуальном темпе выполнения задач, поставленных перед каждым испытуемым. Техническое выполнение задач полностью соответствовало оригинальной методике: обозначить номер очередного предложения, не записывая само оригинальное предложение, после чего зафиксировать все, что возникает в сознании в ходе прочтения данного предложения, не забегая вперед [цит. раб.: 65].

Этап обработки и анализа полученных экспериментальных данных

В результате проведения Э1 было получено и проанализировано 140 «контр-текстов», или «встречных текстов», порожденных нашими испытуемыми на фрагмент библейского текста [Закон Божий 1997], приведенного ниже (предложения пронумерованы нами).

Грехопадение

(1) Дьявол завидовал райскому блаженству первых людей и задумал лишить их райской жизни. (2) Для этого он вошел в змея и спрятался в ветвях дерева познания добра и зла. (3) И когда Ева проходила недалеко от него, дьявол начал внушать ей, чтобы она поела плодов от запрещенного дерева. (4) Он с хитростью спросил Еву: «Правда ли, что Бог не позволил Вам есть ни от какого дерева в раю?».

(5) «Нет, – ответила змею Ева. – Плоды со всех деревьев мы можем есть, только плодов с дерева, которое среди рая, – сказал Бог, – не ешьте и не прикасайтесь к ним, чтобы вам не умереть».

(6) Но дьявол начал лгать, чтобы соблазнить Еву. (7) Он сказал: «Нет, вы не умрете; но знает Бог, что если вы вкусите, то сами будете как Боги и будете знать добро и зло».

(8) Соблазнительная дьявольская речь подействовала на Еву. (9) Она посмотрела на дерево и увидела, что дерево приятно для глаз, хорошо для пищи и дает знание; и захотелось ей узнать добро и зло. (10) Она сорвала плоды с запрещенного дерева и ела; затем дала мужу своему, и он ел.

(11) Люди поддались искушению дьявола, нарушили заповедь и волю Божию – согрешили, пали в грех. (12) Так совершилось грехопадение людей.

(13) Этот первый грех Адама и Евы, или грехопадение людей, называется первородным грехом, так как именно этот грех потом явился началом для всех последующих грехов в людях.

Далее приведем запись одного из «встречных текстов» наших испытуемых, где количество реакций равно количеству предложений фрагмента библейского текста. Здесь и далее реакции испытуемых выделены курсивом.

1. Зависть вообще плохое чувство. Тот, кто завидует свои силы отдает не на дела, а на бесполезные эмоции. Это как ревность тоже. (мнение+ассоциация+мнение)

2. Я хотела бы увидеть это дерево. Красивое оно наверное, высокое, зеленое, с птичками на ветках. Непонятно правда откуда в таком райском месте такие существа, как змии? (мнение+визуализация+ориентировка)

3. Слабая она женщина. Хотя, как известно все женщины «любят ушами» и могут легко поддаваться внушениям. (оценка+интертекст+мнение)

4. Ой как же всегда хочется того, что нельзя. Просто ужасно. А когда разрешается уже фильмы всякие смотреть, гулять до поздна и всякое такое – то уже и не охота. (генерализация+ассоциация)

5. Ну, вот же. Все правильно говорит. А сама. И как можно было потом передумать. Все же четко объяснили ей. (мнение+оценка+ориентировка)

6. Всегда нужно быть внимательными к словам чужих людей. И вообще мама говорит «с чужими не разговаривай». А ... у нее же мамы не было. (генерализация+интертекст+вывод)

7. Честно говоря, не понимаю зачем людям некоторым хочется какие то божественные навыки приобретать. Кем родился – тем и родился. Где родился – там и пригодился. (мнение+интертекст)

8. Ясно, что подействовала: не в раю мы сейчас все живем. (генерализация+мнение)

9. Ей захотелось – сама бы и отвечала за свои поступки. Везде несправедливость. Почему мы должны отвечать за нее? (мнение+вывод +ориентировка)

10. Он то куда. Подкаблучник. Лучше бы наставил жену на путь истинный. Образумил. (ориентировка+оценка+мнение)

11. Каждый день мы поддаемся каким-то искушениям. Каждый своему. Но голову то надо на плечах иметь. (генерализация+мнение)

12. – (реакция отсутствует)

13. А до этого они прям совсем совсем ничего грешного не делали? Сомневаюсь. (ориентировка+мнение)

Реакции этого испытуемого можно охарактеризовать как достаточно полные, развернутые высказывания, с использованием сложных синтаксических форм. Реципиент сетует на бессмысленный, с его точки зрения, глупый поступок Евы и высказывает сожаление по поводу навсегда утерянной возможности для людей жить в Раю. Нашему вниманию представляется внутренний диалог реципиента, в котором он сам задает вопросы и сам же на них отвечает; у него возникают ассоциации со своей личной жизнью и собственными переживаниями.

Во «встречном тексте» преобладают реакции «мнение», «оценка», в основном, «эмоциональная оценка», «ориентировка», используемая с целью запуска механизма аргументации. Иными словами, испытуемый передает собственное видение события, описанного в тексте, давая ему свою оценку; он ведет диалог с собой с целью подкрепления необходимыми аргументами свою картину происходящего в тексте.

В процессе проведения Э2 было получено всего 260 «контр-текстов» на пословицы, которые были предложены реципиентам для понимания и интерпретации. Ниже мы приводим их перечень и затем пример «контр-текста» одного из реципиентов (количество реакций равно количеству пословиц).

1. Друг познается в беде.
2. Работа дураков любит.
3. Жизнь прожить – не поле перейти.
4. В тихом омуте черти водятся.
5. Седина в бороду – бес в ребро.
6. Любишь кататься – люби и саночки возить.
7. Как аукнется, так и откликнется.
8. Работа не волк, в лес не убежит.
9. Готовь сани летом, а телегу зимой.
10. Глаза боятся, а руки делают.
11. Тише едешь – дальше будешь.
12. Своя рубашка ближе к телу.
13. Муж да жена – одна сатана.
14. Нет худа без добра.
15. На бога надейся, а сам не плошай.
16. Поспешешь – людей насмешишь.
17. Слово – не воробей, вылетит – не поймаешь.
18. В гостях хорошо, а дома лучше.
19. Береги платье снову, а честь смолоду.
20. Терпение и труд все перетрут [Фелицина, Прохоров 1988].

Пример «встречного текста», где номер реакции соответствует номеру поговорки.

1. *Ложь 100 проц.* (мнение)
2. *И это правда. И явно, дураков много...* (мнение+оценка)
3. *ООО...и вы туда же.* (эмоция)
4. *Рисунок: черти водят хоровод.* (рисунок)
5. *Я пока не понимаю о чем эта поговорка.* (констатация отсутствия знаний)
6. *Кататься люблю, а вверх лучше на подъемнике.* (мнение+ассоциация)
7. *Победителей не судят.* 😞 (генерализация+эмоция)
8. *А без нравочений можно?* 😞😞 (ориентировка+эмоция)
9. *Надоели мне эти нотации. Не хочу.* (ассоциация+эмоция)
10. *Ржу не могу.* 😞 (ориентировка+эмоция)
11. *Чем дальше, тем интереснее. Ха* (мнение+эмоция)
12. *Ну, а чья же?* (ориентировка)
13. *...и ребенок у них такой же* 😊 (эмоция)
14. *Совсем запутался я с этими советами.* (мнение)
15. *Быть или не быть. Вот в чееееем вопрос.* (интертекст+эмоция)
16. *Всем на всех все равно.* (генерализация)
17. *Рисунок: птичка.* (Рисунок)
18. *Я хочу чтобы у меня был такой дом.* (ассоциация)
19. *Это еще о чем?* (Ориентировка)
20. *У нас сейчас каждый сам за себя.* (Мнение)

Как можно видеть, вербальные реакции данного испытуемого краткие, лаконичные. Реципиент достаточно четко и точно выражает свое личное мнение, усиливая ответы эмоциональным наполнением, порой озвучивая свои собственные мечты. Этот испытуемый прямо, без стеснения говорит обо всем, в том числе, о нежелании воспринимать определенную информацию (не оставляя пропусков, что имело место в Э1), аргументируя свою позицию отсутствием интереса либо к самому эксперименту, либо к содержанию конкретного текста.

В данном «встречном тексте» преобладают реакции выражения различных эмоций – от неприятия, недовольства, иронической издевки до позитивного отношения. Эмоции выражаются в большей степени через собственные рисунки или эмодзи.

В количественном отношении в Э1 было получено и проанализировано 1820 реакций. Все реакции затем были сведены в «поля», т.е. под каждым предложением были записаны все полученные на него реакции испытуемых согласно принципу, предложенному в оригинальной методике [Новиков 2003]. В целом, в Э1 было зафиксировано 13 полей реакций, что соответствовало количеству предложений в предложенном фрагменте текста.

Приведем пример фрагмента объединения реакций испытуемых в общее «поле», зафиксированный в процессе анализа данных, полученных в Э1.

11. Люди поддались искушению дьявола, нарушили заповедь или волю Божию – согрешили, пали в грех.

1. *Такова природа нас людей. Да, грешные мы. Ну, и что? Яблоки, наверное, вкусные были. И казалось, что всегда будет так. Разве можно их осуждать?* (генерализация+оценка+ориентировка+мнение)

2. *Все люди убогие, слабые, глупые, поэтому и делают... то, что делают. Ради чего променять рай? А мы все теперь страдаем.* (генерализация+оценка+аргументация+вывод)

3. *И все люди, на всей земле после этого типа страдают, мучаются из-зи двух бестолковых... все катится в пропасть.* (генерализация+оценка_прогноз)

4. *Люди горят в ярком пламени, кричат, стонут, страдают. Жалко их глупых.* (визуализация+мнение+оценка)

5. *В голову лезут песни «Короля и Шута». В целом, можно послушать, но мне не нравятся. Наверно, как раз напоминают обо всем плохом в людях.* (ассоциация+мнение+вывод)

6. *Пропасть без дна, в которую падают люди. Так им и надо. А что?* (визуализация+мнение+ориентировка)

7. *Я в Бога не верю и никому не советую. Выдумка для бестолковых. Поэтому и греха нет никакого* (мнение+оценка+вывод)

8. *Со всеми бывает. Надо с пониманием относиться к людям, и тогда и тебя в нужный момент поймут.* (мнение+вывод)

9. *Жалко, конечно, что так получилось. Но не хочу злиться. Что ж теперь делать? Надо жить. Так тоже нормально (не в раю, а на Земле, имею ввиду).* (мнение+ориентировка)

10. *Адам и Ева съели это дурацкое яблоко и жизнь перестала быть райской.* (перифразирование+оценка)

Большинство вербальных реакций реципиентов в этом фрагменте записи данных эксперимента являются «компликативными», все они объединяют в одно целое несколько видов реакций [Кирсанова 2007]. Нужно отметить, что большинство из них включает оценочный компонент.

В ходе количественного анализа данных Э2 было получено 5200 реакций, которые затем были сведены в «поля» по аналогичной методике А.И. Новикова. В Э2 было проанализировано 20 полей, что соответствует 20 предложенным для понимания половицам.

Приведем пример «поля», полученный в ходе обработки данных Э2, где после поговорки представлена часть реакций испытуемых.

9. *Готовь сани летом, а телегу – зимой.*

1. *Все правильно сказано. Лучше подготовиться заранее, чем потом торопиться.* (оценка+мнение)

2. *Грустно. Ничего легко не достается.* (эмоция+генерализация)

3. *Умный человек всегда так и делает* (мнение+оценка)

4. *Любишь отдыхать – люби и поработать (хихикаю)* (перифразирование+эмоция)

5. *Работать, работать, работать... везде одно и то же... печалька* (генерализация+эмоция)

6. *И что дальше? Вся жизнь так? Не хотелось бы.* (ориентировка+мнение)

7. *И будешь тянуть ляжку всю жизнь.* (прогноз+мнение)

8. *Я стараюсь так делать 😊* (ассоциация+эмоция)

9. *Нарисована горка и санки 😊* (Картинка+эмоция)

10. *Мой папа такой мужик. Люблю* (ассоциация)

В Э1 было выявлено 17 видов реакций. Для каждого отдельного вида были получены количественные данные относительно общего числа всех реакций испытуемых. Процентное распределение типов реакций по убыванию представлено в табл. 1.

Таблица №1

Количественные данные видов реакций 2012 г.

№	Вид реакции	%
1	Оценка	18,6
2	Мнение	17,1
3	Генерализация	11,8
4	Констатация	11,3
5	Комплективная	11,1
6	Вывод	4,5
7	Ориентировка	4,2
8	Визуализация	3,9
9	Перефразирование	3,7
10	Перевод	3,1
11	Ассоциация	2,6
12	Инфиксация	2,3
13	Прогноз	2,1
14	«Интертекст»	1,8
15	«Констатация отсутствия знаний»	1
16	Предположение	0,5
17	Аргументация	0,4

Как можно видеть из приведенной выше таблицы, к «ядерным» (по терминологии Н.П. Пешковой и И.В. Кирсановой) относятся реакции «оценка», «мнение», «генерализация», т.е. реакции, предполагающие переосмысление воспринимаемой информации.

В процессе анализа данных Э2 было выявлено 2 новых вида реакций – «картинка» (рисунок) и «эмоция» (реакция, передающая эмоциональное состояние реципиента – см. табл. 2).

Таблица №2

Количественные данные видов реакций 2022 г.

№	Вид реакции	%
1	Мнение	25,5
2	Оценка	24,2
3	Генерализация	15,2
4	Констатация	11,4
5	Комплективная	5,1
6	Ориентировка	3,1
7	Картинка (Рисунок)	2,9
8	Вывод	2,1
9	Перефразирование	1,9
10	Ассоциация	1,5
11	«Интертекст»	1,3
12	Визуализация	0,9
13	Прогноз	0,8
14	Инфиксация	0,6
15	Предположение	0,6
16	Эмоция	0,4
17	Аргументация	0,3

18	Перевод	0,3
19	«Констатация отсутствия знаний»	0,1

Итак, согласно приведенным данным, представляется возможным, прежде всего, сделать вывод о достаточно широком разнообразии и «разбросе» ответов испытуемых. Мы наблюдаем реакции, выражающее мнение и оценку реципиентов, а также реакции «генерализации», «перифразирования», «ориентировки», «вывода», «утверждения», «предположения». Столь широкое разнообразие вербальных реакций испытуемых обусловлено тем фактом, что в основе понимания каждой личности лежит индивидуальная картина мира человека [Залевская 1998]. В связи с этим каждый реципиент извлекает из содержания пословицы отдельные, актуальные именно для него смыслы, заложенные автором, и, одновременно, приписывает содержанию свои собственные смыслы. Иными словами, как и можно было предположить, одни испытуемые соглашались с содержанием и общим смыслом пословицы, усматривая в ней полезный жизненный опыт, другие не принимают ее смыслы, отвергают предлагаемые советы и способы решения жизненных проблем.

Подсчитав суммарный показатель реакций «мнение» и «оценка», мы выяснили, что в 2022 г. он увеличился на 14%: если в 2012 году он составлял 35,7%, то в 2022 году этот показатель составил 49,7% (см. рис. 1).

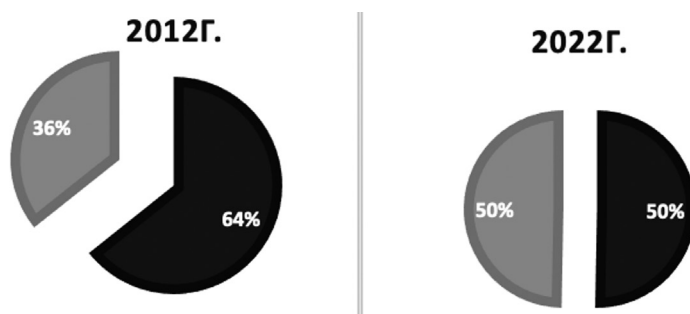

Рис. 1. Процентное соотношение суммарного показателя реакций «мнение» и «оценка» относительно общего числа реакций

Мы полагаем, что повышение количества реакций «мнение» и «оценка» объясняется изменениями в языковом сознании молодых людей, обусловленными, в том числе, новыми условиями коммуникации информационного общества, связанными с особенностями использования в процессах общения новых технологий и широким распространением интернет-коммуникации. Специфические особенности, такие, например, как анонимность и отсутствие непосредственного контакта между коммуникантами, присущие последней, распространились и на все другие виды общения.

Участники эксперимента 2022 г. более свободно, смело, а в некоторых случаях неэтично, выражают личное мнение относительно информации любого характера. Следует также отметить, что порой наши испытуемые настолько сосредоточены на своем внутреннем мире и сконцентрированы на своем «Я», что теряют связь

как с реальностью, так и с воспринимаемой информацией. Это выражается в том, что, продуцируя свои «контр-тексты», они уходят от содержания текста оригинала, высказывая свои мысли и идеи по поводу совсем иных проблем, не имеющих отношения к воспринимаемой информации.

Далее, следуя методике А.И. Новикова, мы распределили все реакции на две группы: релятивные (выражающие отношение реципиента) и содержательные (непосредственно связанные с содержанием текста) [Новиков 2003: 69]. Как известно, к релятивным относят такие реакции, как «мнение», «оценка», «генерализация», «констатация». К содержательным – «перевод», «перефразирование», «прогнозирование», «предположение», «ориентировка», «вывод».

В табл. 3 приводятся данные по процентному соотношению релятивных и содержательных реакций по двум экспериментам соответственно.

Таблица №3

**Соотношение релятивных и содержательных реакций
2012–2022 гг.**

№	Тип реакции	Эксперимент 1	Эксперимент 2
1	Релятивные	69,9%	76,3%
2	Содержательные	30,1%	23,7%

Мы наблюдаем значительное преобладание релятивных реакций, связанных с переосмыслением предлагаемой информации, над содержательными. По данным Э1 релятивные реакции превышают содержательные на 39,8%. Данные Э2 демонстрируют преобладание релятивных над содержательными реакциями на 52,6%. Таким образом, в стратегиях восприятия информации испытуемыми-реципиентами 2022 г. еще больше проявляется тенденция преобладания смысловых реакций. Иными словами, в большей степени наблюдается обращение адресата к смыслам, заложенным автором, т.е. работает стратегия «извлечения» смысла. Одновременно, содержанию приписываются новые собственные смыслы адресата, и в этом случае действует стратегия «приписывания» смысла [Новиков 2007].

Следует также отметить большее стремление реципиентов 2022 г. к формулированию своего собственного оценочного мнения после переосмысления содержания и приписывания ему личностных смыслов. По данным Э2 реакция «мнение»/«оценочное мнение» составляет 25,5% от всех реакций «встречных текстов» реципиентов (по сравнению с 17,1% в Э1), занимает первую позицию среди всех реакций и, соответственно, среди реакций, составляющих «ядро» модели понимания, отражающей особенности восприятия и интерпретации информации современными коммуникантами. То же самое можно сказать и о реакции «оценка», она достигает 24,2% по данным 2022 г., по сравнению с 18,6% в соответствии с данными 2012 г.

Проанализированные выше данные позволяют предположить, что коммуниканты молодежного социума 2022 г. при восприятии информации в еще большей степени склонны к выражению как своей собственной позиции, так и субъективной эмоциональной оценки воспринимаемой информации.

Следует обратить внимание на позицию реакции «констатация отсутствия знаний», которая по данным Э2 сместилась на последнюю строку, составив 0,1%, в то время как,

согласно данным Э1, она составляла 1%. Хотя упоминаемая реакция входит в состав периферийных, уменьшение случаев ее использования в 10 раз, на наш взгляд, может демонстрировать определенную тенденцию, обусловленную не столько сложностью содержания воспринимаемого текста, сколько внутренней позицией уверенности в себе (самоуверенности) современного адресата.

Как уже отмечалось выше, в процессе анализа результатов Э2 были обнаружены реакции в виде картинок, или рисунков. В материалах Э1 подобные реакции отсутствовали. В качестве примера можно привести данные по реакциям на следующие пословицы.

«В гостях хорошо, а дома лучше»

и. Р.К. : *нарисован маленький домик с сердечком в окошке.*

и. И.Я. : *нарисован дом с трубой, дымом, рядом люди.*

и. Ш.А. : *нарисована обставленная комната с окном.*

«Нет худа без добра»

и. Д.Ш. : *нарисовано улыбающееся лучистое солнышко.*

и. К.И. : *нарисовано сердце с черной каплей внутри.*

и. Л.М. : *нарисована бочка, в нее из ложки наливается черная жидкость.*

«В тихом омуте черти водятся»

и. С.О. : *нарисованы плавающие в водоеме чертята.*

и. Р.И. : *нарисованы черти, которые держатся друг за друга в хороводе.*

и. С.В. : *нарисован черт рядом с водоемом.*

Можно отметить также наличие одного «контр-текста», полностью состоящего из рисунков, представляющих собой невербальные реакции на прочитанные пословицы.

Отличительной особенностью Э2 является наличие дополнений к реакциям в виде смайлика. Каждый «встречный текст» в том или ином объеме содержит определенный набор смайлов. Обратимся к примерам:

и. М.Ж. – *Если друг «кинет» – это не друг 😞* (мнение+эмоция)

и. Ю.А. – *Счастливая семья 😊* (мнение+эмоция)

и. А.Р. – *Сначала подумай – потом говори 🗨️* (перефразирование+эмоция)

и. Б.А. – *Чем тупее человек – тем сложнее его работа 😞* (мнение+эмоция)

и. Д.А. – *В наше время главное – деньги 😞* (мнение+эмоция)

и. М.А. – *У нас в группе есть такая девочка 😞😞* (ассоциация+эмоция)

и. М.И. – *В голове картинка: пропасть 😞. Выскакивает друг – крепко держит за руку 🤝* (визуализация+эмоция)

и. Р.М. – 😞😞😞😞 (эмоция)

и. А.В. – ❤️❤️❤️*Люблю папу и маму* ❤️❤️❤️ (мнение+эмоция)

Известно, что язык эмодзи служит либо для выражения, либо для усиления той или иной эмоции. Реципиенты, отразив свои мысли на предлагаемый текст, считают нужным дополнительно сопроводить его конкретным настроением, конкретизировать свои чувства и переживания.

Подчеркнем, что подобные реакции не были зафиксированы при анализе данных не только нашего эксперимента 2012 г., но и в материалах исследований, посвященных изучению понимания других типов текста – от научного до медийного [Пешкова 2021]; исключение составляют лишь интернет-комментарии, широко использующие эмодзи. Новый тип реакции мы обозначили как «картинка». Эти реакции, представляющие

собой либо маленькую схематичную картинку, либо целую зарисовку с действующими персонажами, составили 2,9% от общего числа реакций. Наличие реакции в виде рисунка делает «встречный текст» адресата поликодовым или креолизованным. И эта особенность нового типа «встречного текста», безусловно, отражает одну из характеристик, присущих современной коммуникации.

Можно провести сравнение данной реакции с реакцией «визуализация», составившей 3,9% по данным Э1 и всего лишь 0,9% среди реакций Э2. «Визуализация» представляет собой словесное письменное описание того, что «видится» реципиенту при восприятии текстовой информации. Например, реакции «визуализации», полученные на поговорку «Береги платье снову, а честь смолоду»

и. Д.К. – *Вижу красивое новое выглаженное платье висит на вешалке.*

и. Я.Ф. – *Круглолицый красивый парень кровь с молоком.*

Как мы видим, из тех адресатов, кто склонен к визуализации текстовой информации при ее восприятии в современных условиях, большая часть, а именно 2,9%, предпочитает передавать возникший в сознании визуальный образ непосредственно через рисунок, и меньшая часть, 0,9% реципиентов (ср. 3,9% в Э1), по-прежнему прибегают к использованию языковых средств для описания визуального образа, вызванного прочитанным текстом. При этом общее число реципиентов, склонных к визуализации при восприятии текста, остается практически тем же: 2012 г. – 3,9% и 2022 г. – 3,8%.

Анализируя данные Э2, мы столкнулись с реакциями, передающими различные эмоции и, в большинстве случаев, выраженными односложными предложениями. Например:

и. М.А. – *Смех*

и. Т.К. – *Плачу*

и. С.О. – *Хихикаю*

и. А.Г. – *Улыбка до ушей*

и. У.М. – *Слезы*

и. Я.И. – *Мурашки*

и. А.М. – *Смех сквозь слезы*

В Э1 подобных реакций обнаружено не было. Такой тип реакции мы обозначили общим термином «эмоция». В «контр-текстах» испытуемых «эмоция» в чистом виде, не сочетаясь с другими видами реакций, составляют 0,4% от общего числа реакций.

Как известно, существует мнение о значительном увеличении присутствия эмоций в условиях современного общения, что также подтверждается нашими данными. Эмоции присутствуют в формах выражения и мнения и оценки, как упоминалось выше. Однако, как можно видеть, в «чистом» виде они составляют не самую большую величину среди общего количества вербальных реакций «встречных текстов» испытуемых-реципиентов 2022 г.

Обратим внимание еще на одну особенность в стратегиях понимания испытуемых-реципиентов 2022 г., связанную с выражением эмоций. Она, казалось бы, обусловлена нежеланием испытуемого проявлять свое отношение к прочитанному. При этом отсутствие какой-либо реакции по данным Э1 составляло 19,6% от общего числа полученных реакций и было выражено в форме прочерка. По материалам Э2 количество этих реакций снизилось до 1%, как видно из рис. 2.

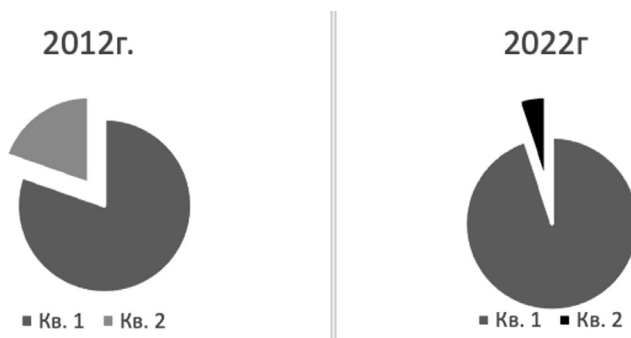

Рис. 2. Процентное соотношение показателя отсутствия реакции относительно общего числа реакций

Однако, как представляется, числовой показатель здесь не столь важен. Следует уточнить, что в Э2 реципиенты также довольно часто проявляли нежелание реагировать на ту или иную пословицу, но выражали это не прочерком, а эмоциональным высказыванием. Приведем несколько примеров:

и. В.Н. – *Я никак не собираюсь реагировать на эту пословицу*

и. О.В. – *Ну, просто без комментариев*

и. А.С. – *С меня хватит на сегодня всякой чепухи*

и. А.В. – *Я вообще домой хочу, а не это вот все*

и. Н.П. – *Ничего не понимаю, ничего писать не буду*

и. Я.А. – *Нет у меня попросту никаких представлений*

и. А.А. – *Лучше бы чем-то полезным занялись, чем эта ерунда*

В Э1 число подобных реакций, открыто выражающих нежелание высказываться по тому или иному предложению из текста, было незначительным. В Э2 их количество достигает 15% от всех реакций. Например, большое количество таких реакций приходится на пословицу «В тихом омуте черти водятся». Очевидно, что здесь испытуемые проявляют больше желания выразить свои чувства и эмоции, нежели показать равнодушие, оставив строку незаполненной.

Об усилении эмоциональности реакций свидетельствуют также ответы испытуемых, сопровождаемые уточнением «степени их согласия или несогласия» с той или иной пословицей. Так, в Э1 испытуемые ограничивались краткими предложениями «Согласен», «Да», «Неправда», в Э2 эта же информация выражается более эмоционально:

и. В.А. – *Возможно 50/50*

и. В.Ю. – *На 100 проц. Да*

и. М.Г. – *Согласна максимально*

и. Л.Е. – *Максимальное Да*

и. Х.А. – *Да, ладно, ни на 1% не верю*

Таким образом, реципиентам важно сказать не просто «да» или «нет», они уточняют свой ответ, принимая или отвергая информацию, шкалируют ее в процентном отношении, в действительности, передавая свое эмоциональное состояние.

Интерес, на наш взгляд, представляет и тот факт, что «контр-тексты» Э1 были полностью написаны с использованием русского языка, а в реакциях участников Э2

можно наблюдать привлечение английского языка. Встречаются и реакции, полностью написанные на английском языке. Например, на пословицу «Жизнь прожить – не поле перейти» были получены следующие реакции:

- и. И.Я. – *Just enjoy it*
- и. З.С. – *Hard hard hard*
- и. Л.Ю. – *Take it easy*
- и. П.И. – *Relax*
- и. Р.В. – *Как говорится Take it or leave*
- и. Д.О. – *Not sleep – work*
- и. К.У. – *Только WORK и больше никак не выжить*

Некоторые испытуемые обыгрывают сходства и различия в написании и произношении некоторых слов на английском языке, иными словами, прибегают к приему контаминации (не имея представления о том, что это такое). В данном случае любопытны реакции на пословицу «Работа не волк – в лес не убежит»:

- и. Ф.Л. – *WORK это тебе не WALK*
- и. С.Т. – *Работа не волк: работа это «ворк», «волк» это бродить*
- и. И.Я. – *Работа не WALK, работа это WORK*

Очевидно, что все большее распространение английского языка, с использованием которого написаны компьютерные программы и приложения для телефонов, на котором проходит общение в социальных сетях, влияет и на использование русского языка. Возможно, в этом усматривается одно из проявлений глобализации, в условиях которой часть реципиентов настолько привыкли к англицизмам, что иногда им проще выразить какую-либо мысль более лаконично на английском языке.

Нельзя не упомянуть и тот факт, что, анализируя данные Э2, мы столкнулись с использованием в ответах наших испытуемых обценной лексики: бранных слов, неэтичных сравнений, отсылок к нецензурным песням и видеофильмам. Подобных реакций также не наблюдалось в материалах Э1. Мы полагаем, что такая ситуация во многом обусловлена влиянием современной интернет-коммуникации, в которой благодаря анонимности, практически, отсутствуют этические ограничения.

Кроме того, нужно упомянуть тенденцию увеличения грамматических ошибок в реакциях участников Э2. Если в реакциях испытуемых Э1 наблюдаются незначительные орфографические ошибки, не заслуживающие особого анализа, то в материалах Э2 оставляют желать лучшего как орфография, так и синтаксис. Можно привести в качестве примеров написание следующих слов: «дАбро», «мАлАко», «Ажидать», «трИсти», «сИдина», «приедИт», «сАгласно» как иллюстрацию значительной степени безграмотности части современного студенческого социума.

Мы считаем важным отметить тот факт, что, в целом, вербальные реакции представителей молодежного студенческого социума 2022 года, участвовавших в нашем экспериментальном исследовании, можно охарактеризовать как более свободные, демонстрирующие уверенность в своей жизненной позиции, в некоторых случаях самоуверенность, при отсутствии реальных знаний и жизненного опыта, необходимых для осмысления предлагаемой информации.

Выражая свою точку зрения, они зачастую не задумываются о выборе слов и выражений, не прогнозируя возможные негативные реакции окружающих. В заключение в качестве иллюстрации к сказанному приведем пример реакций на пословицу «Один в поле не воин»:

- и. Е.О. – *Только не сегодня. Сейчас каждый сам за себя* (мнение)
и. А.Н. – *Человек кричит в бездну и только эхо ему отвечает. Одиночество.*
(ассоциация+мнение)
и. Б.Е. – *Воин, если по-нашему скроен* (мнение+инфиксация)
и. Т.К. – *Только дураки на кого-то надеяться* (мнение)
и. Д.А. – *Себя одного надо ценить и беречь* (мнение)

Выводы

В результате сравнительного анализа двух экспериментальных исследований 2012–2022 гг., осуществленного с целью выявления изменений в стратегиях понимания информации, представленной в форме письменного прецедентного текста, происходящих в условиях информационного общества, мы можем сделать следующие выводы.

Прежде всего, анализ данных, полученных в результате проведения двух экспериментов с промежутком в 10 лет, показывает постоянное увеличение присутствия в «ядре» модели понимания такого типа текста, как прецедентный, реакций «мнение»/«оценочное мнение» и «оценка».

Хотя в экспериментальных данных 2012 г., как и в экспериментальном материале 2022 г., «мнение» и «оценка» лидируют в таблице частотности реакций, во «встречных текстах» испытуемых 2022 г. реакция «мнение» в «чистом» виде поднимается на первую позицию, помимо того, что присутствует в компликативных реакциях в комбинациях с самыми различными видами других реакций.

Участники коммуникации молодежного социума 2022 г. при восприятии информации проявляют еще большую склонность, по сравнению с испытуемыми 2012 г., к выражению своей собственной позиции во всем – от попытки формулирования мнения до мотивированного отказа это сделать. В еще большей степени здесь обнаруживается присутствие и субъективной эмоциональной оценки в отношении воспринимаемой информации. Десятикратное уменьшение количества реакций, констатирующих субъективное отсутствие/наличие знаний (хотя она является и периферийной) можно рассматривать как еще одно проявление тенденции, демонстрирующей внутреннюю позицию субъективной уверенности в себе (самоуверенности) современного адресата.

Сравнительный анализ экспериментальных данных 2012–2022 гг. является также подтверждением мнения исследователей о значительном увеличении эмоциональной составляющей современной коммуникации. Эмоции присутствуют в формах выражения мнения и оценки и в комбинациях с другими реакциями. Например, в случаях выражения нежелания испытуемого проявлять свое отношение к прочитанному или при выражении «степени» согласия адресата с прочитанным – от полного принятия до отказа принять информацию.

Эмоциональная несдержанность характеризует случаи использования обценной лексики в негативных оценках. Наконец, во «встречных текстах» участников эксперимента 2022 г. эмоции, позитивные и негативные, проявляются и в «чистом» виде. Такая форма проявления эмоций не свойственна «контр-текстам» испытуемых 2012 г.

Подобная ситуация во многом обусловлена влиянием современной интернет-коммуникации, в которой, благодаря анонимности, практически отсутствуют этические ограничения. Анонимность общения как распространенная форма интернет-

коммуникации привела к более раскрепощенному выражению своих мыслей, позиций и оценок коммуникантами студенческого социума 2022 г. по сравнению с 2012 г., когда средства массовой интернет-коммуникации еще не получили настолько широкого распространения.

Влиянием интернет-коммуникации можно отчасти объяснить и широкое использование испытуемыми 2022 г. своих реакциях поликодового текста, с привлечением невербальных средств (рисунков, смайлов, зарисовок). Определенная часть экспериментальной аудитории 2022 г. полностью заменяет вербальный текст рисунком, в котором представлены визуальные образы и ассоциации, возникающие в языковом сознании адресата при восприятии текстовой информации.

Отметим, что подобные реакции-рисунки не были зафиксированы при анализе данных ни нашего эксперимента 2012 г. с использованием прецедентного текста Библии, ни в материалах исследований, посвященных изучению понимания других типов текста – от научного до медийного.

Все приведенные выше выводы относятся к содержательно-смысловому аспекту реакций, составляющих «встречные тексты» испытуемых 2022 г. Что касается их внешней формы, здесь следует отметить тенденцию к продуцированию любых видов реакций в краткой, лаконичной форме. Нельзя не отметить, что это сочетается со стремлением к потреблению текстов также небольшого физического объема, отражающих одну из современных тенденций конденсирования информации.

Среди новых особенностей внешней формы «контр-текстов» испытуемых, участвующих в эксперименте 2022 г., нужно назвать и появление отдельных случаев использования английского языка, в одних случаях заменяющего русский язык, в других – в сочетании с русским языком в качестве неосознанного приема контаминации.

Среди негативных аспектов внешней формы следует отметить снижение общей грамотности значительной части испытуемых-участников коммуникации современного студенческого социума.

В заключение в качестве перспективы для дальнейших исследований проблемы, обозначенной в настоящей статье, можно наметить, прежде всего, расширение материала, предлагаемого для восприятия современным коммуникантам, привлечение новых типов текстов, а также расширение экспериментальной аудитории коммуникантов полиэтничного региона, с учетом их возрастного, социального и профессионального статуса.

© Пешкова Н.П., Давлетова Я.А., 2023

Литература

Давлетова Я.А. Психолингвистическое исследование особенностей понимания библейских текстов: дисс. ...канд. филол. наук. Уфа, 2012. 194 с.

Закон Божий: для семьи и школы / сост. прот. Серафим Слободской. Сергиев Посад: Издательство: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1997. 720 с.

Залевская А.А. Психолингвистические аспекты взаимодействия слова и текста. Тверь: Твер. Гос. Ун-т, 1998. 167 с.

Карасик В.И. Сетевая языковая личность // Лингвокультурные аспекты глобализационных процессов: социокультурный контекст и динамика речевых практик: тезисы докладов II Международной конференции, Москва, 25–26 февраля 2021г. М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2021. С. 58–59.

Кирсанова И.В. Многозначность семантики текста как реализация индивидуальных стратегий понимания: дисс. ... канд. филол. наук. Уфа, 2007. 193 с.

Новиков А.И. Текст и «контртекст»: две стороны процесса понимания // Вопросы психолингвистики, 2003. №1. С. 64–76.

Новиков А.И. Текст и его смысловые доминанты / Под ред. Н.В. Васильевой, Н.М. Нестеровой, Н.П. Пешковой. М.: Институт языкознания РАН, 2007. 224 с.

Пешкова Н.П. Типология научного текста: психолингвистический аспект: Монография. Уфа: Изд. Уфимск. гос. авиац. техн. ун-т, 2002. 261 с.

Пешкова Н.П. Уфимское направление исследований в русле «Школы А.И. Новикова»: порождение и восприятие текста; интерактивная модель понимания текстов различных типов // Российская психолингвистика: итоги и перспективы (1966–2021): Коллективная монография. М.: Институт языкознания – ММА, 2021. С. 463–470.

Пешкова Н.П. Продуцирование – Восприятие текста в новых условиях коммуникации // Межкультурная-интракультурная коммуникация: теория и практика обучения перевода: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Уфа: РИЦ БашГУ, 2022. С.175–181.

Фелицина В.П., Прохоров Ю.Е. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения. Лингвострановедческий словарь / Ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина. М.: Русский язык, 1988. 272 с.

Шаховский В.И. М.Н. Эпштейн об экологии текста и ее перспективах // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал, 2021. № 1. С. 141–175.

Сведения о авторах:

Пешкова Наталья Петровна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой иностранных языков естественных факультетов факультета романо-германской филологии, Уфимский университет науки и технологий

Контактные данные:

450076, г.Уфа, ул. Заки Валиди, 32, кафедра иностранных языков естественных факультетов

ORCID: 0000-0003-4611-2887

e-mail: peshkovanp@rambler.ru

Давлетова Ярослава Александровна – кандидат филологических наук, доцент, Уфимский университет науки и технологий

Контактные данные:

450076, г.Уфа, ул. Заки Валиди, 32, кафедра иностранных языков естественных факультетов

ORCID: 0009-0008-5163-6953

e-mail: slavaza@bk.ru

Для цитирования:

Пешкова Н.П., Давлетова Я.А. Стратегии восприятия прецедентного текста в условиях информационного общества (на материале результатов экспериментальных исследований 2012–2022 гг.) // Вопросы психолингвистики №4(58) 2023, С. 26–45, doi: 10.30982/2077-5911-2023-58-4-26-45

UDC 81`23

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2023-58-4-26-45

Research article

**PRECEDENT TEXT PERCEPTION STRATEGIES
OF THE INFORMATION SOCIETY
(based on the results of experimental studies conducted in 2012-2022)**

Natalya P. Peshkova,

Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Russia

Iaroslava A. Davletova,

Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Russia

Abstract

The article presents the results of the comparative analysis of data from two psycholinguistic experiments conducted within an interval of ten years in order to identify precedent text understanding strategies in new communication conditions.

The first experiment was conducted in 2012 based on the material of the Bible text as an object of perception and interpretation in the academic audience of 140 students of the Bashkir State University. The second experiment was carried out in 2022 using the texts of Russian folk proverbs as an object of understanding and with the expansion of the experimental audience, including 260 students of Ufa University of Science and Technology.

The purpose of this study is to identify strategies for precedent texts comprehension in the form of the Bible and Russian folk proverbs, determined by the peculiarities of the linguistic consciousness of the recipients, whose identification is facilitated by the method of “counter-text” developed by A.I. Novikov, and the new conditions of communication in modern digital society. At the same time, such a factor as the specificity of the text type is taken into account, the study of which is based on the text-typological model developed by N.P. Peshkova.

The subject of the study includes written recipients’ individual “counter texts”, which are a set of verbal reactions and their non-verbal varieties in the form of drawings, emojis and emoticons. A comparative analysis of quantitative and qualitative data from the two experiments, carried out using the “counter text” technique, made it possible to identify certain similarities in the verbal reactions of recipients, in particular, the predominance of the evaluative component in the produced “counter-texts” of recipients; as well as a number of differences associated with new trends in the formation and use by recipients of the strategies for understanding and semantic interpretation of precedent text in the conditions of communication that have changed over the last decade. Among the differences there are such new responses as a special type of “opinion” reaction, manifesting itself in new forms; usage of polycode or creolized text; attracting non-verbal forms of reactions in the form of a drawing; strengthening the emotional background of the “counter-text” through a variety of means that were not used by recipients in the process of perceiving all previously known text-types in the previous experiments. In conclusion, the prospects for further research into the problems discussed in this article, including those caused by the multi-ethnic specifics of the Republic of Bashkortostan, are outlined.

Keywords: comprehension strategies, “counter text”, text type, precedent text, new conditions of communication, type of communicator

© Peshkova N.P., Davletova I.A., 2023

Bionotes:

Natalya P. Peshkova – Doctor of Philology, Professor, Ufa University of Science and Technology

Contact Information:

450076, Ufa, st. Zaki Validi, 32, Department of Foreign Languages, Natural Faculties of the Ufa University of Science and Technology

ORCID: 0000-0003-4611-2887

e-mail: peshkovanp@rambler.ru

Iaroslava A. Davletova – Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Ufa University of Science and Technology

Contact Information:

450076, Ufa, st. Zaki Validi, 32, Department of Foreign Languages, Natural Faculties of the Ufa University of Science and Technology

ORCID: 0009-0008-5163-6953

e-mail: slavaza@bk.ru

For citation:

Peshkova N.P., Davletova I.A. Precedent text perception strategies in the conditions of the information society (based on the results of experimental studies 2012–2022) // Journal of psycholinguistics. 4(58), 2023. P. 26–45. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2023-58-4-26-45 (In Russian)

ДИАГНОСТИКА УРОВНЯ ПОНИМАНИЯ ИНОЯЗЫЧНОГО ТЕКСТА В УСЛОВИЯХ УЧЕБНОГО БИЛИНГВИЗМА

Ивонина Анастасия Сергеевна,
Сургутский государственный педагогический университет,
Сургут, Россия

Аннотация

В статье представлен обзор различных подходов к исследованию параметров понимания текста и обосновывается актуальность проблемы поиска эффективных методов диагностики понимания иноязычного текста. Автором предлагается методика диагностики уровня понимания иноязычного текста с использованием совокупности двух инструментов: перевода и опросника. Выделяются ключевые параметры понимания текста: точность и глубина. Диагностика разрабатывается на основе теории Г.И. Богина об уровне понимания текста, исходя из которой, выделяются три уровня понимания иноязычного текста: семантизирующий, когнитивный и распределительный. Для подготовки диагностического инструментария используется метод денотатных графов И. Новикова. Автор также определяет синтаксическую сложность текста как фактор, влияющий на результат понимания. Выдвигается предположение о том, что качество перевода синтагм текста, содержащих смысловые вехи, может быть индикатором понимания текста. При оценке инвариантов перевода предлагается опираться на использованные информантом коммуникативные стратегии преодоления синтаксических трудностей. Коммуникативные стратегии разделяются по типам перевода, где при буквальном переводе применяются стратегии избегания, а при адекватном и вольном переводах происходит более глубокое осмысление текста и применяются продуктивные коммуникативные стратегии. В заключительной части обсуждаются результаты апробации данной методики и перспективы дальнейшего исследования.

Ключевые слова: уровни понимания, семантизирующий уровень, распределительный уровень, глубина и точность понимания, стратегии перевода, коммуникативные стратегии

Введение

Исследование механизмов становления учебного билингвизма, в частности, исследование процессов восприятия и порождения иноязычной речи, является одной из проблем современной психолингвистики и лингводидактики. Для проведения психолингвистического эксперимента с целью изучения механизмов понимания иноязычного текста также необходим инструмент, позволяющий количественно оценить результат понимания. В разных исследованиях диагностируется понимание текста как таковое, а также понимание в зависимости от влияния различных факторов: субъективных, таких как индивидуальная языковая картина мира, мотивация читателя и пр., и объективных, таких как наличие лексических опор в виде ключевых слов,

заголовка, длина текста и пр. Наше исследование основано на предположении, что есть определенная зависимость уровня понимания текста от уровня его синтаксической сложности. Обоснование синтаксической организации иноязычного текста как фактора, влияющего на понимание текста, подробно описано нами в статье «Влияние синтаксической сложности иноязычного текста на его понимание» [Ивонина 2022]. Гипотеза исследования обуславливает необходимость разработки методики, определяющей уровень понимания иноязычного текста в зависимости от его синтаксической организации. Кроме того, разработка такой диагностики может быть использована для определения уровня сформированности читательской грамотности на иностранном языке в условиях учебного билингвизма.

Подходы к измерению понимания текста в лингвистических исследованиях

Анализируя труды лингвистов последнего десятилетия, изучающих механизмы понимания текста, можно констатировать разные подходы к выбору параметров понимания и способов их исследования. И.В. Богословская изучает «степень» и «точность» понимания текста методом пересказа [Богословская 2010]. А.И. Статников применяет метод предъявления картинок, которые испытуемый сопоставляет с прочитанным текстом, исследуя таким образом «точность» понимания [Статников 2016]. Н.П. Пешкова предлагает использовать два варианта перевода – черновой и чистовой – в качестве метода диагностики «глубины» понимания текста [Пешкова 2013]. В.Н. Базылев и В.Г. Красильникова [Базылев, Красильникова 2011] разработали методику измерения компетенции «понимание текста», которая касается двух аспектов: глубины понимания и способности оперировать прочитанной информацией в новом контексте. С помощью экспериментального исследования, направленного на измерение компетенции «понимания текста» В.Н. Базылев и В.Г. Красильникова приходят к выводам о том, что понимание текста является «сложно организованной компетенцией, в структуру которой входят разные интеллектуальные способности, составляющие разные уровни «глубины понимания» [Базылев, Красильникова 2011]. Так, О.Н. Левушкина разработала методику диагностики уровня понимания текста на основе классификации Г.И. Богина [Левушкина 2013: 162]. О.Н. Левушкина составила опросник к текстам, вопросы в котором направлены на диагностику разных уровней понимания: семантического, когнитивного и распредечивающего.

Мы предполагаем, что степень понимания иноязычного текста, как и текста на родном языке, может отличаться по уровням. Согласно теории Г.И. Богина, можно выделить три уровня в зависимости от глубины понимания текста. Первый уровень представляет собой понимание смысла слов и их соединений, то есть *семантизирующее понимание*. Применительно к иноязычному тексту это уровень «буквального» понимания, где читателем устанавливается то, что говорится в тексте и что на самом деле происходит в истории. Второй тип понимания определяется ученым как *когнитивный*. На этом уровне читатель демонстрирует способность к обобщению информации и установлению причинно-следственных связей. Третий тип понимания называется «личностным» или «распредечивающим» пониманием, при котором происходит выработка собственных мнений и идей о тексте. Личностное понимание означает выявление жизненных и ситуативных доминант языковой личности автора, которое возможно благодаря умению встать на позицию автора, умению считывать подтекстовую информацию [Богин 1986].

Таким образом, большинство исследователей подчеркивают «градуальность процессов понимания» [McNeill 1966; Pinker 1989; Щербаква, Обольская 2022] и представляют результат понимания в виде уровневой системы, позволяющей проследить, до какой степени реципиент восстанавливает смысловые связи воспринимаемого текста.

Овладение иностранным языком в ситуации учебного билингвизма характеризуется обработкой обширного учебного текстового материала с целью развития навыков чтения и говорения. Диагностический инструментарий в области понимания иноязычных текстов в условиях учебного билингвизма представлен тестами, определяющими, главным образом, уровень владения иностранным языком. В фокусе дидактических тестов находится правильность понимания основного содержания текста, умение использовать поисковое, просмотровое и изучающее чтение с целью извлечения запрашиваемой информации. Однако такие тесты не учитывают вариативности мнений читателя и вариативности смыслов, заложенных в тексте, поэтому не могут диагностировать глубину проникновения в текст обучающимся. Мы же исходим из следующих положений психолингвистики:

1) текст – это самоорганизующаяся динамическая система, результатом понимания которой становится индивидуальная интерпретация читателем замысла автора [Залевская 2005: 354];

2) индивидуальная интерпретация иноязычного текста формируется при участии ряда взаимосвязанных фильтров (селекторов), среди которых индивидуальный опыт, индивидуальная картина мира, система концептов в индивидуальном сознании коммуникантов [Швейцер 1988: 65];

3) процесс понимания можно охарактеризовать как «взаимодействие объективной денотатной структуры, заложенной автором и субъективной денотатной структуры, возникающей у реципиента при восприятии текста», успешное взаимодействие которых обеспечивает правильность понимания [Новиков 2007: 82].

Следовательно, в диагностике понимания иноязычного текста стоит оценивать два ключевых параметра понимания иноязычного текста: **точность понимания** – параметр, обозначающий, «семантическую адекватность восприятия иноязычного текста, сопоставление значения иноязычного слова с максимально равноценным эквивалентом в родном языке» [Иволина 2023]; **глубину понимания** – параметр, позволяющий установить «степень индивидуальной интерпретации смысла текста, которой удалось достичь индивиду в результате семантически адекватного понимания текста» [там же].

Таким образом, перед нами стояла задача, разработать такую диагностику уровня понимания иноязычного текста в условиях учебного билингвизма, которая учитывала бы психолингвистические положения о понимании текста и могла бы установить не только точность и правильность, но и глубину понимания текста.

Стратегии перевода как критерий понимания иноязычного текста

Перевод иноязычного текста в ситуации учебного двуязычия является естественной формой экспликации понимания. На эту функцию перевода указывают ряд лингвистов, изучающих вопросы переводоведения [Авакян 2009, Нелюбин 2009, Комиссаров 2019]. В отличие от других форм репрезентации иноязычного текста, таких как реферирование, пересказ, адаптация и пр., между текстом оригинала и переводом устанавливается

особый вид отношений, главным признаком которых является коммуникативная равноценность [Комиссаров 2019: 45]. На основании этого признака, перевод можно использовать как инструмент диагностики степени понимания иноязычного текста.

Рассматривая перевод как метод диагностики понимания текста, которое, как мы выяснили, может быть достигнуто на разных уровнях, необходимо определить параметры перевода, которые будут указывать на тот или иной уровень понимания текста. Существуют различные классификации типов перевода, следовательно, и параметры у каждого типа будут разные. Необходимо определиться, какой тип перевода можно исследовать как инструмент диагностики понимания иноязычного текста.

В ситуации учебного двуязычия, когда перевод используется как модель интерпретации иноязычного текста, прагматическая норма перевода является наиболее адекватной, поскольку результатом понимания текста должно стать понимание «сути», «смысла», «цели и замысла автора» текста. Л.С. Бархударов (см. об этом [Комиссаров 2019, 147–148]) предлагает различать три типа перевода:

1) буквальный – нарушающий нормы родного языка, ввиду чего не способный раскрыть содержание текста-оригинала в достаточной мере;

2) адекватный – достаточный для передачи неизменного плана содержания при соблюдении норм языка перевода;

3) вольный перевод – на более высоком уровне, чем адекватный, подстраивающийся под литературную норму родного языка.

Для того чтобы определить, к какому типу перевода относится инвариант перевода иноязычного текста, который продемонстрирует испытуемый, необходимо установить какие стратегии перевода были использованы. Нужно отметить, что умение применять те или иные переводческие стратегии не является предметом диагностики и не предполагает целенаправленного научения. Так, в работе [Cohen 2011] под стратегией понимаются те мыслительные процессы, которые обучаемые осознанно выбирают при выполнении тех или иных учебных задач. Поскольку процесс понимания иноязычного текста включает в себя развертывание текста и построение проекции воспринимаемого текста через его перевод на родной язык во внутренней речи, то в этом процессе обучающийся также применяет «коммуникативные стратегии» для преодоления коммуникативных затруднений восприятия [Залевская 2016].

Предметом нашего исследования являются синтаксические трудности восприятия текста, следовательно, факт использования тех или иных стратегий при переводе иноязычного письменного текста на родной язык, в частности, при переводе сложных синтаксических конструкций, может свидетельствовать о том, какие фрагменты текста представляли затруднение и каким способом обучающийся решал данные затруднения. Синтаксическая интерференция – это перенос в изучаемый язык грамматических правил связывания слов в словосочетания и предложения. Чтобы установить индекс фактора синтаксической интерференции иноязычного текста, необходимо выявить те синтагмы, в которых синтаксис отличается от нормы родного языка, и поделить их на количество слов в тексте. Итак, мы определили, что индекс фактора синтаксической интерференции в иноязычном тексте является критерием степени сложности иноязычного текста. Необходимо установить какие стратегии будут использованы обучающимися для преодоления фактора синтаксической интерференции. Характер тех или иных коммуникативных стратегий выбранных для перевода сложных синтаксических

конструкций текста может показать уровень понимания иноязычного текста читателем. Ниже приведем таблицу стратегий, на основе классификации «коммуникативных» стратегий Р. Эллис [Ellis 1987], использование которых позволит отнести инвариант перевода к одному из трех типов (см. табл. 1).

Таблица №1

Стратегии перевода по его типам (по Р. Эллис)

Буквальный перевод	Адекватный перевод	Вольный (творческий) перевод
<p><i>Стратегии редуцирования:</i> I - стратегии переноса: а) буквальный перевод: говорящий слово за словом переводит высказывание иностранного языка на родной; б) переключение кодов: обучаемый использует слово иностранного языка, не потрудившись даже перевести его на родной. II – стратегии избегания: а) уклонение от темы: обучаемый попросту не переводит фрагмент текста, если не располагает соответствующей лексикой и структурами; б) отказ от перевода высказывания, из-за отсутствия необходимых средств выражения задуманного.</p>	<p><i>Стратегии перефразирования:</i> а) аппроксимация, т.е. использование лексической единицы или конструкции, о которой обучающийся знает, что она неверна, но имеет достаточно общих с искомой единицей семантических признаков, чтобы удовлетворить его; б) словотворчество, т.е. «изобретение» какого-то нового слова для передачи желаемого понятия (например, <i>airball</i> вместо <i>balloon</i>); в) подмена описанием, т.е. говорящий описывает определенные свойства, признаки, элементы некоторого объекта или действия вместо использования нужного слова или структуры.</p>	<p><i>Стратегии достижения цели:</i> обучающийся решает сохранить первоначальный замысел высказывания и ищет для этого средства компенсации недостающих или неподходящих ресурсов (т.е. применяет компенсаторные стратегии, такие как опущение, добавление). <i>Стратегии поиска соответствия:</i> такие как грамматические и лексические трансформации (замена, перестановка, антонимический перевод)</p>

Таким образом, установив зависимость понимания текста от выбора тех или иных коммуникативных стратегий при переводе иноязычного текста, можно утверждать, что буквальный или дословный перевод будет свидетельствовать о семантическом уровне понимания текста, адекватный перевод будет соответствовать когнитивному уровню понимания, и, наконец, чем более творческим / «вольным» получится перевод, тем более глубоким будет понимание текста на критическом / «распредмечивающем» уровне. Для того чтобы установить, какой уровень понимания демонстрирует обучающийся, необходимо определить все синтагмы текста, на перевод которых может воздействовать фактор синтаксической интерференции и установить, какие стратегии использовал обучающийся для перевода выделенных синтагм. Чем больше будет использовано продуктивных стратегий и стратегий достижения прагматической цели, тем более глубоким будет понимание текста.

Выбор и предварительная обработка стимульного материала

В.А. Аверьянова и О.В. Щербакова [2022] в своем исследовании понимания текста дают широкий теоретический обзор того текстового материала, который используется учеными для проведения психолингвистических экспериментов. Так, в качестве стимульного материала могут быть использованы пословицы и притчи [Андрющенко 2020; Никифорова 2009; Щербакова 2017], отрывки поэтических произведений или небольшие законченные тексты о каком-либо одном событии или явлении [Кружилина 2014; Пешкова 2013; Новиков 1997], художественные прозаические тексты [Аверьянова, Щербакова 2022; Залевская 2001; Рафикова 1999]. При этом В.А. Аверьянова и О.В. Щербакова указывают, что перед тем, как исследователь начнет работу с реципиентами, сами тексты обязательно проходят предварительную обработку: в них выделяются те элементы, на основе которых впоследствии будет фиксироваться и оцениваться реконструкция смысла текста читателем [Аверьянова, Щербакова 2022].

Для нашего экспериментального исследования был выбран текст публицистического жанра, что обусловлено учебной ситуацией – большинство учебных текстов, а также текстов, представленных в экзаменационных материалах основного и единого государственных экзаменов по иностранному языку, выполнены в публицистическом научно-популярном жанре.

Выбор тематики текста обусловлен возрастными особенностями испытуемых. Текст представляет собой фрагмент новостной статьи об интернет-поколении и его способности быстро ориентироваться в потоках информации в интернете. Текст не является чисто фактологическим и предлагает читателю поразмышлять на противоречивую тему: с одной стороны, обнаруживается факт сокращения времени концентрации внимания современных подростков, с другой стороны, отмечается их способность за это короткое время определить важность информации и целесообразность дальнейшего чтения. Таким образом, содержание текста допускает вариативность смыслов, позволяет поразмышлять над позицией автора и установить собственную точку зрения на проблему.

Следует отметить, что все испытуемые предварительно прошли тест на установление уровня владения иностранным языком по шкале CEFR; было установлено, что большинство обучающихся старшекласников имеют уровень B1-B2 (intermediate). Эти учащиеся и вошли в состав экспериментальной группы в количестве 72 человек.

Выбранный нами текст соответствует уровню B1-B2 (intermediate), что было установлено с помощью онлайн-программы «Text Analyzer», определяющей уровень сложности текста по шкале CEFR.

1Generation

It is said that the younger generation's attention span has dwindled to just eight seconds. But think of it as less of attention thing and more as a highly-evolved filter.

While an ocean of Internet information is being put at their fingertips, their time is anything but infinite. This means that more than any other generation, the iGen generation has adapted to process and sort through huge amounts of information to find what's important to them.

Once iGen does find something relevant and time-worthy, the breadth of the Internet is dived deep. During these eight seconds, the iGen generation will decide whether or not content has anything to pay their attention for.

В тексте методом денотатных графов были выделены смысловые доминанты текста и их связи.

Как утверждает Т.В. Кружилина [Кружилина 2014: 81], структура текста исследуется по трем критериям: специфика элементов структуры, отношения элементов между собой и характер взаимообусловленного соотнесения структурных элементов текста с планом содержания. Для того чтобы произвести членение текста (который будет использован в нашем эксперименте на понимание) на структурные элементы, мы, вслед за Т.В. Кружилиной, обратимся к концепции денотатной структуры текста А.И. Новикова [Новиков 2007]. Метод денотатного анализа, разработанный А.И. Новиковым на основе теории текста Н.И. Жинкина, отвечает требованиям формализации и операционализации и может быть применен практически к любому тексту. Этот метод многократно апробирован, в частности, в экспериментах на понимание текста [Биева 1984; Кружилина 2011]. Метод денотатного анализа предполагает построение графа денотатной структуры, который имеет вид сети (данный вид графа обусловлен преобладанием в тексте ситуативных отношений). На рис. 1 представлен денотатный граф экспериментального текста.

Рис. 1. Эталонный денотатный граф перевода текста IGeneration

Далее в экспериментальном тексте было выделено 12 фрагментов предложений (синтагм), которые содержат смысловые доминанты текста и которые представляют собой синтаксическую сложность с точки зрения интерферирующего фактора. Таким образом, понимание текста в этих фрагментах может быть затруднено или утеряно в силу объективной трудности. Ранее нами были определены коммуникативные стратегии, как способы преодоления трудностей восприятия текста. Согласно приведенной выше классификации, мы отобрали примеры перевода выделенных

нами синтаксически сложных синтагм текста (см. табл. 2). Установив, каким образом был осуществлен перевод каждой синтагмы, мы сможем определить какой уровень понимания был достигнут испытуемым.

Таблица №2

Примеры перевода синтаксически сложных синтагм текста

Фрагмент синтаксиса, осложняющий понимание текста	Дословный перевод (буквальный)	Адекватный	«Вольный» перевод
<i>It is said that</i>	<i>Это сказано это/что</i>	<i>Говорят, что</i>	<i>Известно, что; установлено, что / многие говорят</i>
<i><u>the younger generation's attention span</u></i>	<i>Молодого поколения внимания концентрация продолжительность</i>	<i>Концентрация внимания молодого поколения</i>	<i>Продолжительность концентрации внимания молодого поколения / молодое поколение способно удерживать внимание...</i>
<i><u>to just eight seconds</u></i>	<i>ко всего восьми секундам</i>	<i>До всего лишь восьми секунд / До каких-то восьми секунд</i>	<i>...всего лишь 8 секунд / за 8 секунд</i>
<i><u>But think of it as less of attention thing</u></i>	<i>Но думайте об этом как о меньшем количестве вещи внимания</i>	<i>Но подумайте об этом не как о внимании / но если подумать об этом</i>	<i>Но подумайте об этом с другой стороны – не как о недостатке внимания, а...</i>
<i><u>more as a highly-evolved filter</u></i>	<i>больше как высоко развитый фильтр</i>	<i>А как о высокоразвитом фильтре</i>	<i>А больше, как о показателе высокого развития / а как о высоко развитой способности фильтровать информацию</i>
<i><u>is being put at their fingertips</u></i>	<i>Океан информации помещается в их кончики пальцев</i>	<i>Океан информации находится в их руках</i>	<i>Им легко доступна любая информация / они имеют в своих руках океан информации</i>
<i><u>time is anything but infinite</u></i>	<i>Время ничего, но бесконечность / что-то, но бесконечность</i>	<i>Их время не бесконечно / не что иное, как бесконечность</i>	<i>Их время ограничено / но у них нет на это времени</i>

<i><u>to process... information to find what's important to them</u></i>	<i>Обработать информацию чтобы найти что важно для них</i>	<i>Обработать информацию, чтобы найти то, что им важно</i>	<i>Просматривать и отбирать информацию, чтобы найти / обнаружить то, что им необходимо / нужно</i>
<i><u>Once iGen does find</u></i>	<i>Как только Айджен находит / Айджен находит</i>	<i>Когда представитель интернет-поколения находит</i>	<i>Когда подросток натывается на ...</i>
<i><u>the breadth... is dived deep</u></i>	<i>Ширина... ныряется глубоко / глубина интернета погружается еще глубже</i>	<i>Он ныряет глубоко в просторы интернета / просторы интернета расширяются</i>	<i>Он погружается и углубляется в источник информации</i>
<i><u>will decide whether or not</u></i>	<i>Решит ли или нет</i>	<i>Решит, есть или нет / будут решать есть ли</i>	<i>Заключит /Поймет / определит, стоит ли /способны решить / решить ... ли</i>
<i><u>has anything to pay their attention for</u></i>	<i>имеет что-либо, чтобы обратить их внимание для</i>	<i>Что-то стоящее его внимания /</i>	<i>Стоит предоставляемый контент их внимания или нет / будет ли контент содержательным или нет / имеет ли контент что-то, чему нужно уделить внимание</i>

Как можно заметить в буквальном / дословном переводе, синтагмы не случайно определены нами как синтаксически сложные с точки зрения интерферирующего фактора, поскольку они действительно отклоняются от нормы русского языка при их дословном переводе без использования переводческих трансформаций.

В выбранных нами синтагмах подчеркнуты денотаты или их отношения, которые были выявлены как смысловые элементы содержания методом денотатных графов А.И. Новикова. Таким образом, очевидно, что большинство синтаксически осложненных фрагментов текста содержат в себе смысловые вехи, неверный перевод которых будет осложнять понимание целого текста.

Для установления числового значения уровня понимания текста методом перевода, мы использовали балльную шкалу. За каждый буквальный перевод синтагмы из числа тех, которые были определены в качестве диагностического материала, устанавливается один балл; за адекватный перевод синтагмы – два балла; за «вольный»/творческий перевод – три балла. В случае, если перевод был лексически неверным, принято было

рассматривать такой перевод как неточный, а значит, он не подлежит диагностике уровня понимания, поскольку какой-либо уровень понимания данного фрагмента текста отсутствует. Таким образом, минимально возможное количество баллов за перевод, которое свидетельствует о понимании текста – 12 баллов, а максимально возможное – 36 баллов. Для оценки глубины понимания текста была установлена следующая шкала баллов:

- 12–19 баллов – семантизирующий уровень понимания текста;
- 20–27 баллов – когнитивный уровень понимания текста;
- 28–36 баллов – распремечивающий (критический) уровень понимания текста.

Как отмечает Т.В. Кружилина [2014], ссылаясь на исследования Д.Б. Эльконина, Л.С. Славиной, Е.Г. Биевой, способность понимания текста развивается раньше, чем способность передавать содержание текста в виде связного рассказа, а именно таковыми, в нашем случае, является текст перевода. То есть понимание может быть правильным, адекватным, но средств, необходимых для выражения понятого, может не хватать. Поэтому, для того чтобы получить более достоверные данные о глубине понимания смысла текста, мы использовали вспомогательный метод постановки вопросов. Нами был составлен опросник, состоящий из семи вопросов, ориентированных на выявление умений, свойственных тому или иному типу понимания.

Предполагаем, что вопросы к тексту установят уровень понимания текста, который будет соотноситься с типом перевода: чем ниже степень понимания иноязычного текста, тем буквальнее перевод и, наоборот, чем глубже проникновение в смысл и суть текста, тем более «вольным» будет перевод (см. табл. 3).

Таблица №3

Вопросы для контроля уровня понимания текста

1	Как вы думаете, о чем данный текст?	1–3 балла
Проверяемые умения		Умение понимать тему текста
Уровни понимания	Семантизирующий	Предметное определение темы – тип ответа, в котором обозначаются предметные категории
	Когнитивный	Обобщенно-смысловое определение темы, не привязанное к конкретным речевым составляющим, но являющееся произведением многочисленных поверхностных смыслов, содержащихся в тексте
	Распремечивающий	
2	Что способны понять люди поколения Ай-джен за 8 секунд? Укажите предложение, из которого это следует.	1 балл
Проверяемые умения		Умение ориентироваться в информационном пространстве текста
Уровни понимания	Семантизирующий	Ответ дан верно и верно указано предложение
	Когнитивный	
	Распремечивающий	
3	О людях какой возрастной категории рассказывается в тексте?	1 балла
Проверяемые умения		Умение правильно отвечать на предметные вопросы
Уровни понимания	Семантизирующий	Ответ дан верно – о молодом поколении
	Когнитивный	
	Распремечивающий	

Теоретические и экспериментальные исследования

4	Напишите ключевые слова текста (Количество слов не ограничено)		1-2 балл
Проверяемые умения		Умение выделять ключевые слова как смысловые вехи текста	
Уровни понимания	Семантизирующий	Выделены не все ключевые слова текста (одно, два слова)	
	Когнитивный	Интернет- поколение, концентрация внимания, фильтр информации, просторы интернета, 8 секунд	
	Распредмечивающий		
5	Какую проблему нового поколения вызывает большое количество информации в Интернете?		2–3 балла
Проверяемые умения		Умение понимать и определять смысл концептуальных для текста понятий, устанавливать логическую связь между смысловыми вехами текста	
Уровни понимания	Семантизирующий		
	Когнитивный	Дан обобщенно-смысловой ответ, показывающий логические связи между основными смысловыми вехами текста. Пример ответа: «Необходимость отсеивать лишнее»	
	Распредмечивающий	Дан обоснованный ответ, в котором проблема обусловлена наличием связи между смысловыми вехами текста / ответ демонстрирует вариативность связей в тексте и их возможных следствий.	
6	Как вы думаете, какова позиция автора в отношении способностей нового поколения?		1-3 балла
Проверяемые умения		Умение работать со смысловым планом текста, умение видеть вариативность ответов на смысловые вопросы	
Уровни понимания	Семантизирующий	Ответ не развернутый, краткий, дан на предметном уровне, не демонстрирует обобщенно-смыслового понимания. Примеры ответов: «автор положительно относится к способностям», «автор рассматривает это как плюс».	
	Когнитивный	Дан обобщенно-смысловой ответ на вопрос, ответ развернутый, подробный, даны аргументы в пользу своего мнения. Пример ответа: «В тексте нет ярко-выраженной позиции автора, но он скорее восхищается этим, нежели считает это минусом».	
	Распредмечивающий	Дан обобщенно-смысловой ответ на вопрос, ответ демонстрирует вариативность позиции автора. Пример ответа: «Автор посвятил свою статью этой способности, поэтому он хочет показать, что это не проблема, а преимущество. Автор хочет показать, что молодое поколение не невнимательно, а наоборот обладает супербыстрым вниманием и поэтому легче ориентируется в большом потоке информации».	
7	Каково ваше мнение по проблеме, которую поднимает автор в тексте?		2-3 балла
Проверяемые умения		Умение давать собственную оценку теме текста на обобщенно-смысловом уровне, критически рассматривать содержание текста	
Уровни понимания	Семантизирующий		
	Когнитивный	Ответ кратко представляет позицию читателя	
	Распредмечивающий	Дан развернутый обобщенно-смысловой ответ, ответ демонстрирует вариативность позиции читателя на проблему текста	

Для оценки глубины понимания текста была установлена следующая шкала баллов:

- 5–7 баллов – семантизирующий уровень понимания текста;
- 8–12 баллов – когнитивный уровень понимания текста;
- 13–16 баллов – распремечивающий (критический) уровень понимания текста.

Таким образом, ответы на вопросы позволят определить, на каком уровне достигнуто понимание иноязычного текста – преобладает ли в нем семантизирующий тип понимания или когнитивный, и осуществилось ли понимание текста на личностном уровне. Поскольку в данную диагностику включен предварительный этап перевода воспринимаемого текста, методика позволит установить, имелись ли затруднения в понимании тех микрофрагментов текста (синтагм), которые в том числе могут содержать смысловые

вехи текста или смысловые связи между текстовыми денотатами. Кроме того, качество перевода выделенных нами синтагм, представляющих собой синтаксическую сложность в части интерферирующего фактора, позволит сделать выводы о том, какие стратегии применялись читателем для разрешения коммуникативной трудности при понимании иноязычного текста. Сравнение результатов перевода и результатов ответов на вопросы к тексту позволит провести параллели между качеством понимания текста и качеством его перевода и установить возможность использования перевода в качестве инструмента диагностики уровня понимания иноязычного текста.

Систематизация и обсуждение результатов

Полученные данные наглядно демонстрируют, что уровень понимания иноязычного текста, выявленный методом перевода в большинстве случаев соотносится с уровнем понимания иноязычного текста, выявленный методом опросника (см. рис. 2).

Далее приводятся средние значения, полученные при сложении баллов двух методик диагностики уровня понимания текста. Учитывались только те результаты, в которых показатели уровня понимания при оценке перевода и опросника совпали.

Рис. 2. Сравнение уровней понимания иноязычного текста по результатам оценки разными методами

Большинство испытуемых (53%) демонстрируют семантизирующее понимание текста. При данном типе понимания в фокусе внимания читателя находятся значения слов. Понимание текста ограничивается предметным определением темы текста и позиции автора. Ответы на вопрос о позиции автора представлены следующими примерами: *«автор просто повествует научную информацию», «автор надеется, что современное поколение еще не потеряно», «автору нравятся способности нового поколения быстро находить информацию», «автор положительно оценивает способности нового поколения»*. Понимание целого текста на этом уровне затруднено, за пределами понимания оказываются индивидуальность автора, культурные смыслы текста, отсутствует представление о вариативности текста. Ответы на вопрос «О чем данный текст?» ограничиваются односложными предложениями: *«о молодом поколении и интернете», «о поколении Ай-джен», «о концентрации внимания»*. Таким образом, на семантизирующем уровне понимание текста испытуемым оставалось константным, не гибким. В переводах информантов наблюдается следующая тенденция: на семантизирующем уровне понимания варианты перевода текста менее разнообразны, чем на когнитивном и распремечивающем уровнях. На семантизирующем уровне в большинстве случаев наблюдается буквальный перевод.

Когнитивное понимание текста демонстрируют 31% испытуемых. На данном уровне информанты давали обобщенно-смысловые ответы, показывающие логические связи между основными смысловыми вехами текста: *«в интернете находится бесконечное количество информации, а потому, новому поколению приходится отсеивать ее и решать, какая информация полезна», «текст о том, что поколение Айджен развитое и стремится развиваться, он более продвинутое так как обрабатывает больше информации»*. Информанты давали аргументы в подтверждение своего мнения: *«этот текст о поколении Ай-джен и их преимуществах и недостатках. Например, эти люди могут хорошо фильтровать информацию, но у них ниже концентрация внимания»*. В переводах наблюдались попытки найти более подходящие эквиваленты слов на родном языке, использовались стратегии переноса или опущения.

Наименьшее количество испытуемых (6%) показали «распремечивающий», наивысший уровень понимания текста. Информанты давали развернутые, вариативные ответы на вопросы к тексту, могли обосновать свою точку зрения, используя средства выразительности и аргументацию, например: *«Я считаю, что суждения автора весьма справедливы, ведь я могу рассматривать проблему с точки зрения человека, которого она непосредственно касается. Лично у меня с детства был доступ к интернету, и это действительно вызвало проблемы с вниманием – я просто не могу воспринимать информацию, которая мне не интересна»*. При переводе текста испытуемые чаще применяли переводческие трансформации, замены, опущения, перевод был «вольным».

В оставшихся 10% случаев были обнаружены расхождения результатов оценки уровня понимания при переводе текста и при ответах на вопросы к тексту.

Выводы

В ходе апробации диагностика обнаружила много неточностей. Так, например, оценка результатов опросника в части когнитивного и личностного уровней понимания, несмотря на попытку подробного описания критерия, остается очень субъективной. Эта проблема обусловлена еще и тем, что сама граница между когнитивным

и личностным уровнем понимания остается размытой и неточной. Трудность для оценки представляли случаи, когда ответ, на первый взгляд, демонстрировал неточность в понимании содержания текста и засчитывался одним экспертом как 0 баллов, а другим как 3 балла. Так, например, один из испытуемых в ответ на вопрос «*Как вы думаете, о чем данный текст?*» написал «*О новейшем поколении людей, способном использовать всемирный ресурс на максимум и выводить что-либо нужное*», и этот ответ был засчитан как распремечивающий, поскольку является попыткой заглянуть глубоко в суть текста. Данный ответ не повторяет слова текста, а является примером дальнейшего развертывания смысла текста, не указанного в тексте автором напрямую, но являющегося подтекстовым смыслом.

Как показал эксперимент, между двумя апробированными способами выявления уровня понимания иноязычного текста возникли незначительные противоречия. Есть случаи (10%), когда перевод текста был буквальным, однако ответы на вопросы к тексту демонстрировали когнитивный уровень понимания информанта. Причины данного расхождения могут быть в трудности поиска эквивалентов синтаксически сложных конструкций, которые отличаются от нормы родного языка. Можно предположить, что если синтаксическая организация текста будет адаптирована, то качество перевода будет выше. Это предположение предстоит проверить в ходе дальнейшего исследования.

Однако использование перевода и опросника в совокупности дает информацию о том, в каких фрагментах текста информант испытывал затруднения, каким способом решал данные затруднения и как эти трудности повлияли на точность и глубину понимания текста.

Подводя итоги, подчеркнем, что разработанная нами методика диагностики понимания иноязычного текста позволила выявить наиболее характерные особенности понимания иноязычного текста в ситуации учебного билингвизма. Поскольку и перевод текста, и ответы на вопросы к тексту были выполнены информантами на родном языке, мы получили значительное представление о степени развитости языковых способностей на родном языке. Это дает нам основания предполагать, что возможность достижения когнитивного и распремечивающего понимания в ситуации учебного билингвизма зависит от уровня понимания текста на родном языке. Вероятно, диагностика уровня понимания на родном языке позволит понять, как 6% и 31% испытуемых удалось достичь глубокого понимания текста, и почему 52% информантов не удалось этого сделать.

© Ивонина А.С., 2023

Литература

Аверьянова В.А., Щербакова О.В. Между текстом и читателем: инструментарий для изучения понимания имплицитных смыслов вербальных текстов. Часть 1 // Вопросы психолингвистики. 2022. №3 (53) С. 42–61.

Базылев В.Н. Красильникова В.Г. Измерение компетенции «Понимание текста» // Вопросы психолингвистики. 2011. №14. С. 42–47.

Богин Г.И. Типология понимания текста: учебное пособие. Калинин: Калининский гос. ун-т. 1986. 86 с.

Богословская И.В. Экспериментальное исследование степени и глубины понимания текста // Известия Самарского научного центра РАН. 2010. №3 (3). С.756–760.

Залевская А.А. Введение в теорию учебного двуязычия: учебник для магистрантов. Тверь: Твер. гос. ун-т. 2016. 269 с.

Залевская А.А. Текст и его понимание. Тверь: Твер. гос. ун-т. 2001. 177 с.

Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. М.: Гнозис. 2005. 543 с.

Ивонина А.С. Влияние синтаксической сложности иноязычного текста на его понимание // Слово и текст: психолингвистический подход. 2022. № 21. С. 81–87.

Ивонина А.С. Точность и глубина понимания иноязычного текста в ситуации учебного двуязычия // Русский лингвистический бюллетень. 2023. № 7 (43). URL: <https://tulb.org/media/articles/6696.pdf> (дата обращения: 14.08.2023).

Комиссаров В.Н. Лингвистика перевода. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ». 2019. 176 с.

Кружилина Т.В. Понимание текста детьми дошкольного возраста с учетом факторов социального окружения ребенка (экспериментальное исследование): Дисс. ...канд. фил. Наук. Курск. 2014. 171 с.

Левушкина О.Н. Диагностика уровня понимания учащимися художественного текста при обучении русскому языку // Проблемы современного образования. 2013. №1. С.159–180.

Нелюбин Л.Л. Переводоведческая лингводидактика: учебно-методическое пособие. М.: Флинта-Наука. 2009. 320 с.

Новиков А.И. Текст и его смысловые доминанты. М: Институт языкознания РАН. 2007. 223 с.

Пешкова Н.П. Психолингвистическая интерактивная модель понимания текста (на материале текстов различных типов) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2013. №5 (25). С. 48–54.

Пешкова Н.П., Авакян А.А., Кирсанова И.В., Рыбка И.Н. Текст и его понимание: Теоретико-экспериментальное исследование в русле интегративного подхода. Уфа: Башкирский гос. ун-т. 2010. 268 с.

Статников А.И. Механизмы понимания логико-грамматических конструкций: данные компьютеризированных тестов // Вопросы психолингвистики. 2013. №17. С. 194–203.

Швейцер А.Д. Языковые и внеязыковые аспекты перевода // Сборник статей Методы сопоставительного изучения языков. М.: Изд-во «Наука». 1988. С. 59–66

Щербакова О.В., Обольская В.А. Между читателем и текстом: инструментарий для изучения понимания имплицитных смыслов вербальных текстов. Часть 2 // Вопросы психолингвистики. 2023. №1 С. 112–127.

Cohen D. Andrew Strategies in Learning and Using a Second Language. New York: Pearson Education Limited. 2011. 440 pp.

Ellis R. Understanding second language acquisition. Oxford: Oxford University Press. 1987. 340 pp.

McNeill D. Developmental psycholinguistics // The genesis of language: A psycholinguists approach. Cambridge. 1966.

Pinker S. Learnability and cognition. The acquisition of argument structure. Cambridge, Mass. London. 1989.

Сведения об авторе:

Ивонина Анастасия Сергеевна – старший преподаватель кафедры лингвистического образования и межкультурной коммуникации, Бюджетное учреждение высшего образования Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Сургутский государственный педагогический университет»

Контактная информация:

628417 Проспект Пролетарский 8/2 кв.7, 628402, г. Сургут, РФ

ORCID: 0009-0005-5420-6375

e-mail: london-london@mail.ru

Для цитирования:

Ивонина А.С. Диагностика уровня понимания иноязычного текста в условиях учебного билингвизма // Вопросы психолингвистики №4(58) 2023, С. 46–62, doi: 10.30982/2077-5911-2023-58-4-46-62

UDC 81

LBC 81.1

DOI 10.30982/2077-5911-2023-58-4-46-62

Research article

**DIAGNOSING THE LEVEL OF FOREIGN LANGUAGE TEXT
COMPREHENSION IN EDUCATIONAL BILINGUALISM**

Anastasiya S. Ivonina,
Surgut State Pedagogical University,
Surgut, Russia

Abstract

This article provides an overview of the various approaches to investigating the parameters of text understanding and justifies the relevance of the problem of finding effective methods of diagnosing the understanding of foreign language text. The author proposes a method for diagnosing the level of understanding of a foreign language text using a combination of two tools: a translation and a questionnaire. The key options for understanding text are precision and depth. Diagnostics are developed on the basis of the theory of G.I. Bogin on the level understanding of the text, based on which three levels of understanding of a foreign-language text are distinguished: semantising, cognitive and distributive. To prepare diagnostic tools, the method of denotate graphs by I. Novikov is used. The author also defines the syntactic complexity of the text as a factor influencing the outcome of understanding. It is suggested that the quality of translation of syntagmas of text containing semantic milestones may be an indicator of understanding the text. When evaluating translation invariants, it is proposed to rely on communicative strategies used by the informant to overcome syntactic difficulties. Communicative strategies are divided into types of translation, where in literal translation avoidance strategies are used, and in adequate and free translations, a deeper understanding of the text takes place and productive communicative strategies are used. The final part discusses the results of testing this method and the prospects for further research.

Keywords: levels of understanding, semantizing level, deobjectifying level, depth and accuracy of understanding, translation strategies, communication strategies

© Ivonina A.S., 2023

Bionotes:

Anastasia S. Ivonina – senior lecturer of the department of linguistic education and intercultural communication, Budgetary institution of higher education of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug - Ugra “Surgut State Pedagogical University”

Contact information:

628402 Prospect Proletarskyi 8/2 apt.7, Surgut, Russia

ORCID: 0009-0005-5420-6375

e-mail: london-london@mail.ru

For citation:

Ivonina A.S. Diagnosing the level of foreign language text comprehension in educational bilingualism // Journal of Psycholinguistics. 4(58), 2023. P. 46–62. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2023-58-4-46-62 (In Russian)

СТРУКТУРА ПРОПОЗИЦИИ И ЕЕ ТРАНСФОРМАЦИЯ
(на материале высказываний детей с первичным недоразвитием речи)

Осетрова Елена Валерьевна,
Красноярский государственный педагогический университет
им. В.П. Астафьева, Красноярск, Россия
Самойленко Марина Анатольевна,
Красноярский государственный педагогический университет
им. В.П. Астафьева, Красноярск, Россия

Аннотация

В центре внимания авторов находится семантическая структура высказывания. **Объектом** исследования является высказывание ребенка с первичным недоразвитием речи, а **предметом** – его семантическая структура.

Цель исследования – исчисление вариантов семантической трансформации данной структуры в высказываниях, авторами которых являются русскоязычные дети с первичным недоразвитием речи (ПНР). На разных этапах исследования, в зависимости от поставленных задач, использовались следующие **общенаучные методы**: анализ, синтез, обобщение, классификация; описание, сравнение, индукция; а также **лингвистические методы** – семантического, стилистического и функционального анализа. В **результате анализа** выявлены шесть вариантов трансформации событийных пропозиций различных типов: редукция, маркирование, субституция, дублирование, дискреция и контаминация. Кроме того, представлены факты восстановления структуры пропозиции, которое осуществляется детьми посредством трех операций: компенсации, сортировки и комплектации. Авторы трактуют это как свидетельство языковой и речевой активности ребенка, когда он, нацеленный на речевое общение и реагирующий на адресата, стремится как можно более точно передать запланированное содержание.

Ключевые слова: детская речь, первичное недоразвитие речи, семантика высказывания, пропозиция, актант

Постановка проблемы

Наблюдения за устной практикой детской речи показывают, что ребенок довольно часто описывает актуальную ситуацию или событие с общим либо частичным нарушением их содержательной структуры и, как следствие, с нарушением структуры высказывания. Одновременно он предпринимает более или менее интенсивные усилия для того, чтобы передать запланированное содержание, даже если арсенал его языковых средств небогат и несовершенен. Это принято описывать в терминах «языковая / речевая ошибка», «языковой / речевой недочет», «языковой / речевой сбой», «языковой / речевой самоконтроль» и т.п., связывать с процессами освоения языка, развития речи, приобретением коммуникативных компетенций, навыков – и исправлять, ориентируясь

на нормированные лексические и грамматические формы. Между тем понятно, что многие формальные недочеты имеют содержательную, или семантическую, природу, без понимания которой невозможно эффективно корректировать и совершенствовать речь ребенка, особенно имеющего те или иные особенности развития.

Для исследования обозначенной проблемы в качестве *материала* выбрана устная речь, включающая высказывания детей с первичным недоразвитием речи (далее – ПНР). С учетом этого для письменной передачи устной речи использованы обозначения, принятые в работах по разговорной речи (см., в частности, [Разговорная речь 1978; Китайгородская, Розанова 1999: 9–12; Китайгородская, Розанова 2010: 37–39]).

Тотальное, или общее, первичное недоразвитие речи у детей представляет собой неоднородную совокупность симптомов, проявляющихся на разных языковых уровнях: фонетическом, лексическом, морфологическом, синтаксическом [Балчиониене, Корнев 2017]. Наблюдаемая в данном случае группа носителей русского языка от 5 до 9 лет вписывается по данному параметру в границы детского возраста, общепринятые в психологии (3-11 лет) [Шаповаленко 2005], что позволяет различать речевые дефекты и варианты возрастной нормы.

В современной онтолингвистике (отрасли языкознания, занимающейся изучением языка ребенка в его становлении) особое место занимают работы, отражающие специфику организации высказываний детей с различными особенностями речевого развития. Интерес для лингвиста представляет уже не только своеобразие речевого материала, полученного от детей, развивающихся в ситуации многоязычия [Вихрова, Лыпкань 2023; Елисеева 2021; Ликари, Перотто 2021 и др.], но и высказывания детей с различными вариантами речевого и психического дизонтогенеза [Абросова 2022; Сизова 2022 и др.].

Для проведения исследования использованы расшифрованные аудиозаписи индивидуальных бесед логопеда с детьми с первичным недоразвитием речи (личный архив М.А. Самойленко); период сбора материала – сентябрь 2019 г. – ноябрь 2022 г.; объем материала – 718 текстов бесед; число информантов – 187. Тексты различны по объему и включают от 3 до 57 самостоятельных высказываний ребенка (среднее число таких высказываний в тексте – 23).

В ходе анализа выявлены содержательные и структурные особенности построения высказываний, продуцированных детьми с ПНР в процессе педагогических бесед с логопедом; эти особенности в разной степени проявляются у каждого ребенка – участника исследования.

С учетом вышесказанного, в качестве *объекта* лингвистического исследования определена содержательная (семантическая) структура высказывания, точнее, структура пропозиции; а *целью* анализа становится исчисление вариантов семантической трансформации данной структуры – в высказываниях, авторами которых являются русскоязычные дети с первичным недоразвитием речи.

Метод исследования

В качестве основного метода здесь применен семантический, точнее, семантико-синтаксический метод, используемый в когнитивной лингвистике, в границах логического анализа языка, реконструкциях языковой картины мира – исследованиях, направленных на описание содержательного устройства языка. Одной из основных

единиц и одновременно инструментом соответствующего анализа становится понятие пропозиции, введенное в широкую научную практику Н.Д. Арутюновой [Арутюнова 1976; 1999], определяемое как языковое воплощение некоего положения дел в действительности, как языковой аналог ситуации или события, оформленный в границах высказывания [Шмелева 1994: 7–12].

Выделяются логические пропозиции, предьявляющие ту или иную умственную операцию как понимание носителем языка характера связи между процессами, событиями, ситуациями (далее – ЛП), и событийные пропозиции (далее – СП), на которых и сосредоточено основное внимание в данном случае, поскольку именно они преобладают в исследуемом материале: среднее число пропозиций, используемых ребенком в высказываниях в течение одной беседы – 27 событийных и 11 логических пропозиций.

Событийная пропозиция не просто отражает какое-либо явление действительности, но портретирует его, интерпретируя происходящее с его участниками и создавая языковые модели событий. Основным средством выражения пропозиции является глагольный предикат, однако она может иметь и другие формы выражения: существительное, прилагательное, наречие – более того, может быть дана имплицитно. Один из сводных списков событийных пропозиций (существование, действие, движение и др.), специфицированных по сферам (физическая, психическая, ментальная, социальная), предложен в [Шмелева 1994]. При этом важно учитывать то, что классификация и содержание пропозиций, во-первых, во многом остаются предметом свободных толкований (см., в частности, [Кошкарева, Бакайтис 2021; Осетрова 2010; 2012: 40–41]), а во-вторых, определяются и детализируются а) внутренним составом их элементов – актантами (языковые аналоги участников ситуации), сирконстантами – локативом и темпоративом (языковые аналоги реальных обстоятельств), квалификативами (языковые аналоги характеристик и свойств элементов ситуации) и, кроме того, б) факультативными припропозитивными категориями – квантитативностью, негацией, фазисностью и интенсивностью (аналоги типичных аспектов осмысления ситуации).

Результаты исследования

Стандартная реализация структуры пропозиции

Варианты семантической трансформации пропозиции рассмотрены здесь на фоне стандартной реализации пропозиции в высказываниях детей с ПНР.

Под стандартной реализацией пропозиции в данном случае понимается реализация конкретной пропозиции в типичном, ожидаемом наборе ее элементов и форм – собственно пропозитивном, внутрипропозитивном (актанты, сирконстанты, квалификативы) и припропозитивном. При этом важно соответствие пропозитивной структуры не только содержанию описываемой ситуации (в том числе – в случае сложной ситуации – соответствие числу составляющих ее более элементарных ситуаций и их взаимосвязям), но и соответствие высказывания естественным обстоятельствам общения.

Стандартная реализация событийной пропозиции отмечена, когда ребенок оформляет пропозицию уместно, учитывая предыдущие реплики и пользуясь набором «обязательного минимума» семантических элементов; см. примеры:

(1) *Кошка на окошке сидела* // (Кристина, 6 лет) [СП физического местоположения – с экспликацией самой пропозиции (*сидела*), субъекта местоположения (*кошка*) и локатива (*на окошке*)];

(2) Логопед. *Расскажи про кошку* //

Ребенок. *Она умеет кусаться / драться* // (Кристина, 6 лет) [СП физического агрессивного действия как способности – с экспликацией самой пропозиции (*умеет кусаться, драться*) и субъекта действия (*она*)];

(3) *Кошечка... Хочу / чтобы она здесь жила* // (Аня, 6 лет) [модальная пропозиция волеизъявления с инкорпорированным в структуру предиката автором-субъектом волеизъявления (*хочу*), ЛП цели (*чтобы*) и СП физического существования – с экспликацией самой пропозиции (*жила*), субъекта существования (*она*) и локатива (*здесь*)];

(4) *Маркиз поел* // *Съел сосиски / и выпил молоко* // (Вова, 7 лет) [СП восприятия пищи интегрирующего типа (*Маркиз поел*), и две пропозиции, детализирующие первую за счет описания способов и объектов восприятия (*Съел сосиски / и выпил молоко* //)].

Трансформации содержательной структуры пропозиции

Трансформация пропозиции, как показал исследованный материал, может происходить, во-первых, с разной степенью изменения ее стандартной структуры и, во-вторых, с использованием разных вариантов такого изменения. Детализируем этот тезис, используя примеры из собранной картотеки.

Выделены три степени изменения стандартной структуры пропозиции.

1. Трансформация частных характеристик или параметров не выходит за границы семантики того или иного элемента, при том что сам элемент сохранен в структуре высказывания. Такие случаи можно соотнести с квалификацией языкового недочета в системе традиционной оценки языковых компетенций. С позиций семантических подобные трансформации заметны, например,

· когда изменена актантная роль языкового участника ситуации:

(5) Логопед. *Кого ты видела в цирке?*

Ребенок: *Мартышки / слоны // змея* // *И это... Кошке шапку надели* // (Лиза, 7 лет) [реконструированный стандартный вариант: *Мартышек / слонов / змею* // <...>].

Видно, как ребенок реализует актантную роль субъекта в именительном падеже – некий языковой инвариант для описания и называния живых и неживых предметов окружающего мира – вместо использования более сложной для оформления актантной роли перцептива как объекта восприятия в винительном падеже, заданного вопросом педагога (*Кого <...> видела <...>?*);

· когда изменена актуальная характеристика пропозиции – соотнесение действия, в ней представленного, – с ситуацией речи по параметру времени:

(6) Логопед. *Почему он [мальчик] грустит?*

Ребенок. *Потому что котенок нет* // (Богдан, 6 лет) [реконструированный стандартный вариант: *Потому что котенка не будет* //].

2. О более существенном изменении структуры пропозиции можно говорить, когда в результате происходит замена семантического элемента в целом, то есть когда в определенной позиции на месте ожидаемого элемента использовано нечто другое. Как показывает анализ, дети реализуют несколько типичных вариантов такой трансформации.

Редукция элемента является наиболее кардинальным способом изменения ребенком языковой модели ситуации в обозначенных границах и состоит в удалении того или иного элемента из пропозитивной структуры; см. примеры:

(7) *Кошка смотрела-смотрела // Потом ... упала //* (Кристина, 6 лет) [редуцирована актантная позиция объекта; реконструированный стандартный вариант: *Потом кактус упал //*];

(8) Ребенок (пишет букву «И»). *Тут еще один ... еще вот тут // Надо еще один ... букву «И» //* (Даник, 7 лет)

Логопед. *Еще один крючок / да? //* [редуцирована актантная позиция объекта; реконструированный стандартный вариант: *Тут еще один крючок ... еще вот тут // Надо еще один крючок к букве «И»//*];

(9) Логопед. *Расскажи / кого в какой домик / ты поселишь?*

Ребенок. *Жираф ... тут //* (Даник, 7 лет) [редуцирована событийная пропозиция физического существования; реконструированный стандартный вариант: *Жираф будет жить тут //*].

Маркирование позиции элемента – без его прямой номинации – достигается через использование местоимений, местоименных наречий или других слов в подобной функции. Это демонстрируют следующие примеры, в которых определенная «клетка» как будто фиксирована в структуре пропозиции, но не заполнена:

(10) *Собака спала / возле котика дома // А кошка хотела уронить... Она уронила... Она уронила его //* (Аня, 6 лет) [маркирована, но не номинализована актантная позиция объекта; реконструированный стандартный вариант: *Она уронила цветок //*];

(11) *Теперь шкаф // Потом я спрятались уголок // Теперь я спрятались туда //* (Богдан, 6 лет) [маркирована, но не номинализована сирконстантная позиция локатива; реконструированный стандартный вариант: *Теперь я спрятался под кроватью //*];

(12) *Киса сделала ...* (Таисия, 5 лет) [маркирована, но не названа конкретная СП физического действия с объектом; реконструированный стандартный вариант: *Киса сбросила кактус //*]. Здесь глагол *делать* как указывающий на некое действие, на совершенный акт, но не называющий его, фактически выполняет функцию глагольного местоимения.

Субституция как вариант изменения содержания пропозиции наблюдается в случае подстановки на одну из ее структурных позиций элемента, имеющего по сравнению с искомым сходную часть значения и/или сходную функцию, но не совпадающего в референтном отношении либо в аспектах семантической интерпретации. Этот способ трансформации на репрезентативном уровне языка фиксируется при замещении слова *альбом* на слово *книжка*, *фломастеры* – на *карандаши*, *шорты* – на *штаны*; *табурет* – на *стул*; *налево* – *направо*, *вчера* – *завтра*; *ползти* – *идти*, *рисовать* – *красить*; *слабый* – *легкий*; и т.п.; например:

(13) (на рисунке, который описывает ребенок, изображена река) *Утка и петух пошли пить в бассейн воду и плыть на другой берег //* (Даня, 6 лет) [заменен сирконстант – локатив; реконструированный стандартный вариант: *Утка и петух пошли пить из реки воду <...> //*];

(14) Логопед. *Какой у арбуза запах?*

Ребенок. *Сочный* (Илья, 6 лет) [заменен квалификатив; реконструированный стандартный вариант: *сладкий / свежий*];

(15) *Он был тяжелый / а ветка была слабая / а воробешки слабые // (Лиза, 7 лет)* [заменен квалификатив; реконструированный стандартный вариант: <...> *а воробушки легкие*];

(16) Логопед. <...> *Или с ней [с кошкой] что-то случилось?*

Ребенок. ... *Палка бил лицо // (Илья, 6 лет)* [реконструированный стандартный вариант: *Грбли ударили ее по мордочке*]. В данном случае заменен комплекс элементов: СП физического воздействия (*ударить*) на СП целенаправленного воздействия (*бить*), а также актантные позиции инструмента (*грбли* – на *палка*) и партитива (*мордочка* – на *лицо*).

3. Наконец, наиболее кардинальная трансформация затрагивает общую структуру пропозиции.

Регулярно в этом случае воспринимающий высказывание наблюдает процесс распада целостной семантической, и отсюда – формальной структуры высказывания, на отдельные составляющие – процесс, названный здесь дискрецией; см. пример:

(17) *Потом уже ... потом упала ... кактус ... кошка разбила // (Кристина, 6 лет)* [разделена на элементы СП деструктивного (физического) воздействия; реконструированный стандартный вариант: *Потом кошка разбила кактус //*].

Ребенок, как видно, представляет событие через его отдельные составляющие: сначала фиксирует его причинно-следственную связь с предыдущим событием (ЛП следствия, выраженная наречием (*потом*)); затем дополняет ее описанием падения (СП физического движения (*потом упала*)); далее обозначает падающий предмет (актантная роль объекта (*кактус*)) и, наконец, концентрирует усилия на описании деструктивного действия (актантная роль субъекта и СП деструктивного действия (*кошка разбила*)).

Другой пример обращения ребенка с еще более сложным пропозитивным комплексом демонстрирует следующий фрагмент:

(18) *Я еще написать не знал / что тут написать нужно ... в телефоне // (Богдан, 6 лет)* [смешаны и затем разделены на элементы две СП интеллектуального состояния и речевого действия; реконструированный стандартный вариант: *Я еще не знал / что нужно написать в телефоне //*].

В данном случае наблюдается сначала процесс контаминации двух пропозиций в пределах одной структуры, при том что пропозиция речевого действия в форме инфинитива поставлена на позицию делибератива – объекта интеллектуального обладания (*Я еще написать не знал*; ср.: *Я еще Машу не знал*), затем еще раз, но уже в автономных границах обозначена пропозиция речевого действия, осложненного модальностью необходимости (*что тут написать нужно*) и в завершение как результат дискреции репрезентирован локатив (*в телефоне*).

Таким образом, выявленные варианты общей трансформации пропозитивной структуры высказывания, хотя и связаны с дополнительным временем и усилиями, затрачиваемыми на формирование высказывания, дают ребенку возможность передать содержание события.

Трансформации языковых форм пропозиции

Представляется, что не все отклонения от реализации стандартного варианта пропозиции и высказывания в целом связаны с его семантической базой. Наблюдаются трансформации, в основе которых лежит реакция прежде всего на языковую форму.

Это демонстрирует следующий фрагмент беседы, в границах которого ребенок, предпринимая дублирование падежного окончания предыдущего существительного и не учитывая параметр склонения, допускает ошибку в окончании следующего слова:

(19) *Мишка будет жить / вместе с тигром и собаком* // (Аня, 6 лет) [реконструированный стандартный вариант: *Мишка будет жить / вместе с тигром и собакой* //].

К формальной трансформации следует отнести и те случаи, когда очевидна редукция одного из элементов грамматической формы, например:

(20) *Бабочка кружился маком* // (Костя, 6 лет) [реконструированный стандартный вариант: *Бабочка кружилась над маком* //].

В приведенном высказывании удален предлог *над* из аналитической формы творительного падежа, которая таким образом явно конструктивно упрощена, однако, легко восстанавливается до нормы.

Восстановление структуры пропозиции

Важно отметить, что наряду с многочисленными вариантами семантической и формальной трансформации собранный материал демонстрирует случаи регулярного восстановления детьми с ПНР структуры стандартного высказывания, ориентированного на языковую норму, по крайней мере, их устойчивое стремление двигаться в этом направлении. Это подтверждает и многолетняя практика одного из авторов статьи, работающего с такими детьми.

В данной связи формулируется проблема условий восстановления структуры содержания высказывания, а именно, структуры пропозиции, рассмотренная здесь в двух аспектах: речевой режим, в границах которого проходит данный процесс, и направления его реализации, которые представлены списком совершаемых ребенком операций.

Что касается режимов, организующих речевые рамки корректировки структуры высказывания, следует иметь в виду «реактивный» и «инициативный» варианты.

Первый из них – «реактивный» (с позиции ребенка) – состоит в стимулировании такой корректировки со стороны взрослого, а потому ее результат более прогнозируем. Взрослый, используя своеобразную «подсказку», наводящие вопросы, а по сути, маркируя позицию элемента без его прямой номинации, с помощью вопросительных местоимений, «открывает» семантические «клетки», которые должны быть заполнены ребенком; см. фрагмент обучающего диалога:

(21) Логопед. *Что дед попросил?*

Ребенок: *Испеки!*

Логопед. *Что «испеки»?*

Ребенок: *Испеки колобок!* (Костя, 6 лет).

В примере выше видно, как пошагово идет восстановление событийной пропозиции физического действия: сначала ребенок, реагируя на вопрос педагога, называет само действие (*Испеки!*), а затем и его объект (*Испеки колобок!*).

Второй режим – «инициативный» со стороны ребенка – имеет в основе внутренний стимул, когда он, понимая несовершенство собственного высказывания, самостоятельно восстанавливает содержание, стремится к реализации его более совершенного варианта, корректируя неверную структуру и элементы, либо достраивая их с помощью разных способов, типовых операций. Материал демонстрирует использование, по крайней мере, трех таких операций.

Наиболее простой способ восстановления содержания до необходимого представляет операция дополнения отдельного элемента к уже оформленной части пропозиции, которую ребенок в первоначальном виде, видимо, ощущает как содержательно не совсем полноценную. Это возмещение, уравнивание семантической структуры за счет присоединения сирконстанта, актанта или реже – предиката – названо компенсацией; см. пример компенсации локатива в пропозиции физического действия:

(22) *Ира взяла юбку... из ящика* // (Костя, 6 лет).

Другой случай реконструкции можно наблюдать, когда ребенок как будто начинает осуществлять сортировку имеющихся у него сходных элементов, пытаясь подобрать наиболее точный с его точки зрения. Здесь мы видим уже не единичный акт-результат успешного, хотя и произведенного с небольшой заминкой, языкового подбора (как выше), а процесс эксплицитного языкового поиска; см. два примера: в одном из них очевидна двухэтапная сортировка ролевых характеристик актанта, а в другом трехэтапная сортировка собственно пропозитивных элементов, когда первоначальные варианты заменяются на более точные:

(23) Логопед. *А это что за рисунок?*

Ребенок (показывает на рисунок). *Это семья делали ... Семейю ... [рисовали]* (Богдан, 6 лет) [актантная роль субъекта меняется на роль объекта];

(24) *Киса сделала... толкнула... двинула* // (Таисия, 5 лет) [СП неопределенного физического действия сначала модифицирована в пропозицию направленного интенсивного воздействия, а затем в пропозицию перемещения].

Наконец, еще одна операция, обеспечивающая восстановление структуры пропозиции, определена здесь как комплектация. Она, как говорилось выше, может реализоваться, в частности, в реактивном режиме как ответ на поставленную педагогом игровую задачу – распределить трех игрушечных героев в кукольном домике и описать каждую из созданных ситуаций, мотивируя такое распределение:

(25) [1] *Киска третий / потому что...* [2] *Слона / потому... потому что он хочет жить на втором этаже* // [3] *Хрюшку в третью / потому что он хочет тоже жить на третьем этаже / вместе со слоном и котенком* //.

Видно, что на первом этапе реализации сложной структуры, которая должна включать пропозицию местоположения, пропозицию желания (содержание которого – обретение некоего местоположения) и объединяющую их логическую пропозицию причинности, частично реализованы только элементы местоположения (*Киска третий*) и причинности (*потому что*). При повторном описании аналогичной ситуации обозначенными, хотя и с погрешностями, оказываются уже все три искомые пропозиции. Причем пропозиция желания, полностью отсутствующая в первом случае, на этот раз выражена содержательно и конструктивно полноценно (*он хочет жить на втором этаже*). Наконец, на третьем этапе ребенок, в целом полно, редуцируя лишь предикат местоположения (*Хрюшку в третью*), комплектует структуру пропозиции, восстанавливает ее.

Выводы

В результате анализа лингвистического материала выявлены шесть вариантов (способов) трансформации пропозиции как содержательной структуры высказывания

(редукция, маркирование, субституция, дублирование, дискреция и контаминация) и три степени «глубины» такого изменения (затрагивающего отдельный семантический параметр, элемент пропозиции либо структуру пропозиции). Замечено, что трансформация пропозиции в высказываниях детей 5–9 лет с ПНР идет в направлении упрощения ее содержания и оформления и, как следствие, в направлении упрощения высказывания. Кроме того, проявляется комплексная трансформация семантических элементов в границах высказывания, когда, по сравнению с его стандартной реализацией, изменения идут в нескольких направлениях (например, дискреция и редукция), одновременно затрагивающих несколько элементов пропозиции. Все это можно трактовать не только как результат более или менее затрудненного обращения детей с языковой структурой высказывания, но и как результат их языковой адаптации.

В том же материале обнаружены факты восстановления структуры пропозиции, которое организовано в рамках «реактивного» либо «инициативного» речевого режима и реализуется детьми посредством трех операций (компенсация, сортировка и комплектация). Это является свидетельством языковой и речевой активности, готовности совершать языковые усилия и представлении о некоем языковом стандарте, когда ребенок, во-первых, стремится как можно более точно передать запланированное содержание, а во-вторых, учитывает своего собеседника, будучи нацеленным на общение и коммуникацию.

© Осетрова Е.В., Самойленко М.А., 2023

Литература

Абросова Е.В. Сравнительные конструкции с союзом «как» в речи ребенка с ОНР / Е.В. Абросова // Проблемы онтолингвистики – 2022: речевой мир ребенка (универсальные механизмы и индивидуальные процессы): Материалы ежегодной международной научной конференции, Санкт-Петербург, 19–21 апреля 2022 года. Санкт-Петербург: Издательство «ВВМ», 2022. С. 160–165.

Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. М.: Наука, 1976. 384 с.

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.

Балчиюниене И.Й., Корнев А.Н. Анализ нарративов у детей с недоразвитием речи // Специальное образование. 2017. № 3. С. 32–43.

Вихрова А.Ю., Лыткань Т.В. Время начала озвончения взрывных смычных согласных в устной речи монолингвов в России // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. №9. С.2740–2751.

Елисеева М.Б. Макартуровский опросник как инструмент диагностики лексики детей-билингвов // Вестник Череповецкого государственного университета. 2021. №2 (101). С. 33–46. Doi: 10.23859/1994-0637-2021-2-101-3

Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Речь москвичей: Коммуникативно-культурологический аспект / Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова. М., 1999. 396 с.

Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Языковое существование современного горожанина: На материале языка Москвы. М.: Языки славянских культур, 2010. 496 с.

Кошкарёва Н.Б., Бакайтис И.И. Изосемические высказывания с семантикой качественной характеристики и их неизосемические экспрессивные синонимы // Сибирский филологический журнал. 2021. № 1. С. 293–307.

Лицари К., Перотто М. Специфика речи двуязычных детей из семей русских немцев, живущих в Германии // Русистика. 2021. №2. С. 180–190.

Осетрова Е.В. Статус пропозиции в русской и английской грамматике: типы существования и обладания // Лингвистические идеи В.А. Белошапковой и их воплощение в современной русистике: Коллективная монография. – Тюмень: Мандр и Ка, 2010. С. 150–155.

Осетрова Е.В. Манифестация факта в русском высказывании, или Событие выражения / Сибир. федерал. ун-т. Красноярск, 2012. 275 с.

Русская разговорная речь: Тексты. М.: Наука, 1978. 306 с.

Сизова О.Б. «Два по цене одного»: одна (или две?) модели порождения лексических инноваций в детской речи / О.Б. Сизова // Проблемы онтолингвистики – 2022: речевой мир ребенка (универсальные механизмы и индивидуальные процессы): Материалы ежегодной международной научной конференции, Санкт-Петербург, 19–21 апреля 2022 года. Санкт-Петербург: Издательство «ВВМ», 2022. С. 166–174.

Цейтлин С.Н. Язык и ребенок: Лингвистика детской речи: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Гуманит. издат. центр «ВЛАДОС», 2000. 240 с.

Шаповаленко И.В. Возрастная психология (Психология развития и возрастная психология). М.: Гардарики, 2005. 349 с.

Шмелева Т.В. Семантический синтаксис: Текст лекций из курса «Современный русский язык» / Краснояр. гос. ун-т. Красноярск, 1994. 47 с.

Сведения об авторах:

Осетрова Елена Валерьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка и методики, ФГБОУ ВО КГПУ им. В.П. Астафьева

Контактная информация:

660060 г. Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89

e-mail: osetrova@yandex.ru

Самойленко Марина Анатольевна – аспирант кафедры современного русского языка и методики, ФГБОУ ВО КГПУ им. В.П. Астафьева

Контактная информация:

119334 г. Москва, Ленинский пр-т, 45, кв. 395

ORCID: 0000-0002-7213-0109

e-mail: samoylenko.marina@yandex.com

Для цитирования:

Осетрова Е.В., Самойленко М.А. Структура пропозиции и ее трансформация (на материале высказываний детей с первичным недоразвитием речи) // Вопросы психолингвистики №4(58) 2023, С. 63–74, doi: 10.30982/2077-5911-2023-58-4-63-74

UDC 811.161.1

LBC 141.12

DOI 10.30982/2077-5911-2023-58-4-63-74

Research article

**THE STRUCTURE OF A PROPOSITION AND ITS TRANSFORMATION
(based on the statements of children with primary speech underdevelopment)**

Elena V. Osetrova,

Krasnoyarsk State Pedagogical University,
Krasnoyarsk, Russia

Marina A. Samoilenko,

Krasnoyarsk State Pedagogical University,
Krasnoyarsk, Russia

Abstract

The article is devoted to the semantic structure of the utterance. The aim of the study is to analyze the variants of semantic transformation of this structure in utterances, whose authors are the children with primary speech underdevelopment (PSU). The analysis has revealed six variants of transformation of event propositions of various types: reduction, labeling, substitution, duplication, discretion, and contamination. In addition, there are presented the facts when the structure of proposition is restored by the children through three operations – compensation, sorting, and picking. The authors believe the registered phenomena are the evidence of language and speech activity of the children, when they try to convey the content as accurately as possible, and simultaneously take care of the addressee.

Keywords: children's speech, primary speech underdevelopment, semantics of utterance, proposition, actant

© Osetrova E.V., Samoilenko M.A., 2023

Bionotes:

Elena V. Osetrova – Doctor of Philology, Professor of the Department of Modern Russian Language and Methodology, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

Contact information:

660060 Ady Lebedevoy St., 89, Krasnoyarsk, Russia, 660049

e-mail: osetrova@yandex.ru

Marina A. Samoilenko – Postgraduate student of the Department of Modern Russian Language and Methodology, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

Contact information:

Leninsky Prospekt, 45, apt. 395, Moscow, Russia, 119334

ORCID: 0000-0002-7213-0109

e-mail: samoilenko.marina@yandex.com

For citation:

Osetrova E.V., Samoylenko M.A. The structure of a proposition and its transformation (based on the statements of children with primary speech underdevelopment) // Journal of Psycholinguistics. 4(58), 2023. P. 63–74. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2023-58-4-63-74 (In Russian)

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО АНАЛИЗА
ДАНЫХ ДЛЯ СВОБОДНОГО АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА
(НА ПРИМЕРЕ ЦЕННОСТИ *ВОЛЯ*)**

Казаченко Оксана Васильевна,

Московский городской педагогический университет,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Россия

Шмалько Светлана Петровна,

Кубанский государственный университет,
Краснодар, Россия

Дорошенко Ольга Валерьевна,

Кубанский государственный университет,
Краснодар, Россия

Аннотация

Фокус современных как лингвистических, так и методических исследований сместился в направлении изучения человека как развивающейся языковой личности, что органически встраивается в антропоцентрическую и аксиологическую парадигмы развития научной мысли XXI века. Анализ статистически обработанных ассоциативных полей носителей русского языка необходим для рассмотрения изменений в языковом сознании личности, для понимания современной системы личностных ценностей, что может способствовать ценностно-ориентированному воспитанию подрастающих поколений носителей языка и культуры.

В качестве материала исследования выступили результаты свободного ассоциативного эксперимента на большой выборке испытуемых, проживающих в Российской Федерации. Подобный широко используемый эксперимент позволяет исследователю выделить ядро изучаемого стимула, характеризующего общепринятые ассоциации испытуемых, и периферию, указывающую на индивидуально-личностные ассоциации. При помощи статистических методов обработки массивов данных авторами предпринята попытка выделения главных ассоциатов, определяющих понимание изучаемой ценности воля в форме концептов.

Ко всем полученным реакциям на ценность воля был применен интеллектуальный анализ текстовых данных или Text Mining (TM) для определения оптимального числа концептов. С его помощью было осуществлено сингулярное разложение матрицы, заключающееся в нахождении SVD-коэффициентов. Важна интерпретация положительных и отрицательных знаков этих коэффициентов, значимых с точки зрения смысла ценности. Так, один из концептов ценности воля, получивший два наибольших коэффициента с противоположными знаками, интерпретируется нами как *сила*, но с противоположным знаком к *свободе*, т.е. воля как безволие / не желание действий. Далее авторами был использован метод латентно-семантического индексирования для кластеризации ассоциатов, который позволил описать восприятие ценности-стимула воля различными группами респондентов.

Статистические методы все чаще используют в прикладных филологических исследованиях, но содержательно интерпретировать числовые (положительные и отрицательные) результаты для анализа языковых единиц достаточно сложно. В нашем исследовании дается пример подобной интерпретации.

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент, воля, интеллектуальный анализ данных, концепты, SVD-коэффициенты, ценности

Введение

Современные лингвистические исследования согласуются с общей научной антропологической парадигмой, изучающей человека не как объект, а как субъекта деятельности. Основы этого подхода были заложены в XX веке Л.С. Выготским в его теории речевой деятельности. Важно подчеркнуть, что развитие, обучение человека (безусловно, с разной степенью интенсивности) не прекращается всю его жизнь. Особенно это актуально для ранних периодов развития ребенка, поскольку обучение представляет собой внутренне необходимый и всеобщий момент в процессе развития у ребенка исторических особенностей человека, вызывающий к жизни ряд таких процессов, которые без него возникнуть не могут [Выготский 2001]. Те же самые тенденции определяют и развитие речемыслительных процессов.

При активном участии индивида, то есть в процессе деятельности, в сознании человека возникают представления об окружающем его мире (физическом, биологическом, социальном), объединенные при помощи различных связей в целостный образ мира, называемый лингвистами языковой картиной мира, языковым сознанием. Эти связи и отношения на сегодняшний день экспериментально выявляются посредством методики ассоциативного эксперимента, что позволило создать не только ряд ассоциативных словарей, но и проводить работу над тезаурусами различных языков.

Однако сложность языка как живого средства общения состоит в том, что любая фиксация языка в форме слов отражает его прошлое состояние, поскольку речь, а значит и язык, изменяется постоянно. Таким образом, даже зафиксировав какое-то состояние языка, мы можем судить только об определенном отрезке его существования и развития. Тем не менее, изучение динамики содержания слов в языковой картине мира современного человека важно для прогнозирования тенденций ее развития, ее культурной составляющей, а также для понимания степени значимости определенных понятий, номинированных словами языка. Понимание типов связей и отношений позволяет строить предположения о сходных процессах при изучении иностранных языков. Важно подчеркнуть, что для улучшения освоения иностранного языка необходимо изучить пути и тенденции формирования ассоциаций обучающихся на родном языке и их влияние на изучаемые языки. Это особенно существенно при исследовании ценностей, поскольку они вербализованы в речи в форме абстрактных существительных, представления о которых в полной мере складываются в позднем подростковом возрасте и являются моделью поведения личности.

Ценности как особый объект исследования были выделены в философии в 60-х годах XIX века. Это способствовало появлению в философской науке нового направления – аксиологии, определявшего ценности как значимости предмета или явления в противовес их онтологии или качественным характеристикам.

Проблема субъективности и объективности ценностей стояла для ученых с давних времен и, собственно, пока далека от своего решения и в настоящее время. Личность представляет собой источник ценностей. Важно то, что, будучи абстрактными сущностями, ценности существуют только в человеке, и только человек наделяет предметы или феномены значимостью. Убеждения и ценности лежат в основе оценки всех явлений человеческой жизни, что «придает оттенок субъективности всему, созданному человеком» [Федосюткина 2005: 4]. Эту же мысль подтверждает и М. Рокич, рассматривая ценности как положительные или отрицательные «абстрактные идеи», не связанные с определенным объектом или ситуацией, но содержащие убеждения личности о приемлемом поведении и предпочтительных целях [Rokeach 1973: 3].

Ценности локализируются в сознании и принадлежат двум уровням его структуры: уровню значения (знака) и уровню смысла, поскольку они обусловлены «эмоционально-переживаемым, потребностно-пристрастным отношением субъекта» [Каширский 2014]; таким образом, их исследование возможно осуществить при помощи изучения значений слов.

Кроме того, ценности неразрывно связаны с культурой этноса, в которой они функционируют. Культура обуславливает не только набор, но и иерархию ценностей, выделенных и выверенных в течение истории конкретного этноса. Это позволяет ценностям воспроизводиться в каждом конкретном человеке, что в совокупности обеспечивает выживание нации. Интересным представляется исследование К. Ситорама и Р. Когделла, в котором на основе анализа различных культур ценности распределены на первичные, вторичные, третичные и несущественные [Ситорам, Когделл 1992]. Разделив все культуры на несколько групп, включающих западные, восточные, американские и мусульманские, авторы ранжировали избранные ими ценности (материнство, спасение, мужественность и другие) и выяснили, что некоторые ценности более значимы для одних культур и менее значимы для других. Так, например, деньги как ценность более значимы в рамках западно-американской культуры, в то время как их релевантность для мусульманской культуры крайне низка.

Таким образом, поскольку ценность совмещает в себе разнопорядковые сущности и связана со многими феноменами человеческой жизни, то понятию ценности довольно сложно дать исчерпывающее определение. Ценности имеют множество дефиниций и смыслов, а потому эти определения в основном лишь указывают на область научного знания. Изучение ценностей довольно затруднительно, что создает дополнительную проблему выбора методики исследования.

Обзор литературы

Представляется, что анализ сущности ценностей необходимо проводить, используя междисциплинарные исследования, в том числе с лингвистической, психолингвистической и математической точек зрения, что было доказано в пилотном исследовании И.А. Бубновой [Бубнова 2021]. Поскольку ценности выражены вербально, они номинируют некую осознанную часть действительности, которая в языковом сознании человека представлена сложными образами.

Проблемой психолингвистических исследований является сложность обработки и последующей интерпретации полученных данных. Среди основных подходов различают качественный (квалитативный) и количественный (квантитативный) анализ данных лингвистических экспериментов; каждый из этих видов анализа обладает

своими преимуществами и недостатками [Rasinger 2008: 9]. Однако современная лингвистика уже на протяжении десятилетий все чаще оперирует количественными данными и реализует квантитативные методы при помощи специальных компьютерных программ [Johnson 2008, Алиакберова 2021]. Язык программирования R для статистической обработки данных с открытым исходным кодом выступает сильным инструментом для анализа текстов за счет широкого спектра специализированных пакетов [Ивин 2018; Kwartler 2017; Feinerer 2022].

Тестовые данные являются неструктурированным типом данных, для которых разработана технология интеллектуального анализа данных для преобразования их в пригодный для компьютерного анализа структурированный вид [Albright 2004: 13]. Выделяются следующие типичные задачи интеллектуального анализа текста или Text Mining (далее – ТМ): категоризация, кластеризация, извлечение концепта / сущности, создание детализированных таксономий, анализ настроений, обобщение документов и моделирование отношений элементов [Han et al. 2012]. Кроме того, существует латентно-семантическое индексирование или Latent Semantic Indexing (далее LSI), которое с помощью методов линейной алгебры пытается уловить скрытую структуру в данных [Papadimitriou et al. 1998].

Основными понятиями в ТМ и LSI являются «документы», «термины» и «концепты». Весь массив экспериментальных лингвистических данных рассматривается как коллекция документов, которыми могут быть фразы, предложения, абзац или просто набор слов. В зависимости от токенизации термин может быть просто словом, но также может относиться к таким элементам, как пунктуация, фразы или другие элементы, состоящие из нескольких слов. Концепты являются совокупностью терминов, взятых с определенным весом. В зависимости от целей исследования либо документы представляются наблюдениями, а термины – переменными, либо наоборот. Реализуются ТМ и LSI через сингулярное разложение матрицы или Singular Value Decomposition (SVD) терминов-документов или документов-терминов [Albright 2004; Papadimitriou et al. 1998]. ТМ использует метод SVD для обнаружения шаблонов в коллекции документов, а LSI, с другой стороны, предназначен для возврата подмножества документов, связанных с конкретным запросом.

Материалы и методы

Традиционно при эмпирическом подходе используется несколько методов или их групп в исследовании ценностей, таких как метод ассоциаций, метод ранжирования, методы субъективного шкалирования и парного сравнения, а также проективные методики. Метод ассоциаций заключается в том, что респондентам предлагается слово-стимул и они отвечают, не задумываясь, первыми пришедшими в голову ассоциациями. Ранжирование позволяет построить модель личных ценностных предпочтений. В проективных методиках испытуемых помещают в заданные экспериментатором проблемные ситуации, и они реагируют выбором типичного для них поведения. На основе такого выбора делаются выводы о ценностных приоритетах личности.

Довольно часто в качестве отправной точки для показа динамики ассоциативных полей, а значит и изменения языкового сознания используются различные ассоциативные словари. Так, например, наиболее частотными реакциями на стимул *воля*, согласно РАС, являются следующие: *вольная* 9; *свобода*, *сила*, *сильная* 8;

неволя 6; железная 5; ваша 4; Божья, доля, к победе, моя 3; земля, к жизни, твоя 2 [РАС 2002: 107].

Указание на ассоциативный эксперимент как на наиболее объективный метод выявления культурной спецификации лексики встречаем в работах А.А. Леонтьева [Леонтьев 1977: 14]. Этот метод в прошлом веке был усовершенствован для психолингвистических исследований А.Р. Лурией и О.С. Виноградовой и до сих пор остается успешным экспериментальным методом в психологических, социологических и лингвистических исследованиях. Например, метод ассоциативного эксперимента показал свою состоятельность в качестве эффективного психолингвистического метода для определения языковой картины мира [Андреева, Усейнова 2021]. Ассоциативный эксперимент применялся также в социопсихолингвистическом исследовании для анализа концептуальных образов, проявляющихся в языковом сознании [Богданович 2018: 10–16]. В работе [Levchenko et al. 2020] авторы визуализируют результаты ассоциативного теста и строят сеть словесных ассоциаций, которая является идеографическим словарем и тезаурусом. Поэтому в качестве рабочей методики в исследовании сущности ценностей был выбран ассоциативный эксперимент с последующей обработкой результатов статистическими методами.

Рассмотрим подробнее SVD как метод ТМ [Albright 2004]. Пусть в множестве данных имеется n документов, каждый из которых состоит не более чем из m терминов. Тогда каждый документ можно представить вектором, координаты этих векторов соответствуют терминам, а их значения равны числу вхождения терминов в документ. Другими словами, для любого документа в векторном представлении i -я координата является частотой i -го термина из рассматриваемых m терминов. Вектор для каждого документа, как правило, очень разрежен (содержит большую долю нулей), потому что немногие из терминов в коллекции в целом содержатся в каком-либо отдельно взятом документе. В результате получается разреженная матрица «термины–документы» A_{mn} размера $m \times n$ в которой термины представляют строки, а документы – столбцы. Для любой матрицы существует единственное разложение вида 1:

$$A_{mn} = U_{mm} \Sigma_{mm} V_{mn}^T, \quad (1)$$

где матрица Σ_{mm} – диагональная матрица сингулярных значений матрицы A_{mn} , записанных по убыванию. Тогда матрицу A_{mn} можно аппроксимировать с различной степенью точности, выбрав любое $r \leq m$ и урезав матрицу Σ до ранга r , то есть справедлива формула 2:

$$A_{mn} \approx U_{mr} \Sigma_{rr} V_{rn}^T, \quad (2)$$

Здесь матрица U_{mr} состоит из m терминов и r концептов, матрица V_{rn} состоит из r концептов и n документов, а элементы матрицы Σ_{rr} определяют «силу» соответствующего концепта. Обычно значение r выбирается намного меньше, чем m . Конечной целью применения SVD является размещение документов (или терминов) в пространстве гораздо меньшей размерности, чем определено пространством терминов (или пространством документа). Ортонормированные матрицы U_{mr} и V_{rn} образуют m -мерные ортогональные базисы пространств терминов или документов соответственно.

Любой документ d_m , представленный как m -мерный вектор терминов и состоящий из частот полной коллекции терминов в документе, может быть спроецирован на подпространство терминов более низкой размерности с помощью формулы 3:

$$\hat{d}_r = U_{mr}^T d_m \quad (3)$$

Таким образом, – это r -мерный вектор, i -й элемент которого формируется путем взятия линейной комбинации частот исходных терминов с i -м сингулярным вектором (столбцом) U_{mr} . Записи в столбцах U_{mr} можно рассматривать как веса, применяемые к отдельным терминам в коллекции. Заметим, что термины также можно проецировать в уменьшенное пространство. При последующей нормализации множества векторов $\{\hat{d}_r\}$ евклидово расстояние можно использовать как меру близости между документами.

Выбор количества используемых измерений может r быть важным аспектом многих решений интеллектуального анализа текста. При слишком малом количестве измерений модель не сможет объяснить заметные взаимосвязи в тексте. С другой стороны, использование слишком большого количества измерений добавит в модель ненужного шума и сделает построение эффективной модели практически невозможным. В некоторых случаях можно сделать выбор, основываясь на графике кумулятивных сингулярных значений, который строится на основе критерия информативности (4):

$$I(r) = \frac{\sum_{i=1}^r S_i}{\sum_{j=1}^n S_j} \quad (4)$$

Здесь S_i – сингулярные значения, взятые из матрицы Σ . Если этот график показывает, что скорость изменения сингулярных значений начинает выравниваться, то это указывает на величину r , при которой будет сохранено достаточное количество сингулярных значений. Если же график кумулятивных сингулярных значений не имеет уровня сглаживания, то размерность урезанной матрицы Σ выбирается согласно целям исследования. Заметим, что размерность матрицы Σ берется как минимум на порядок меньше, чем число рассматриваемых терминов.

Поскольку столбцы матрицы U_{mr} состоят из весов, которые применяются к записям в матрице частотности документа, то индивидуальный вес по его значению говорит о том, насколько «важен» соответствующий термин в данном столбце. Если есть несколько терминов с более высоким весом для данного измерения, и эти термины соответствуют одному понятию, то само понятие может использоваться как ярлык для данного измерения. Однако для интеллектуального анализа текста проблема интерпретации измерений усугубляется огромным количеством входных переменных, что обычно затрудняет интерпретацию. В результате в ТМ чаще всего используется SVD только для аспекта уменьшения размера. Любая интерпретация выполняется в конце процесса путем анализа частотности терминов, встречающихся в данном кластере или категории.

Результаты исследования

Для анализа ценностей, формирующих значение в языковом сознании, нами использовался метод свободного ассоциативного эксперимента, предусматривающий спонтанные ответы респондентов. Участники эксперимента не были ограничены во времени и количестве ответов, им предлагалось реагировать на стимул любым количеством слов, которые первыми приходят им в голову, без каких-либо ограничений в формальных или семантических особенностях ответа. Существует возможность искажений в представлении реальных связей в ментальном лексиконе,

поскольку последующая реакция может даваться уже не на стимул, а на предыдущую реакцию. Однако в работе [Яковлев 2018: 16] показано, что количество таких реакций не превышает 1% из общего количества, чаще возникает реакция смешанного типа – на стимул и предыдущую реакцию.

Стимулами в эксперименте были исследуемые слова-ценности, на которые респонденты предлагали свои ассоциации, называемые реакциями или ассоциатами. В эксперименте приняли участие 444 человека в возрасте 15–80 лет из разных регионов России; в результате были получены ответы 393 респондентов и 51 отказ. Выбор нижнего возрастного порога обусловлен концепцией Л.С. Выготского, согласно которой полноценные понятия формируются у человека в среднем подростковом возрасте, до этого осознание и оперирование абстрактными категориями невозможно [Выготский 2001]. В эксперименте участвовали 214 мужчин, что составляет около 55% от общего числа респондентов, и 179 женщин, то есть 45%, соответственно.

Территориальный признак проживания испытуемых представлен в исследовании весьма широко. Для последующего анализа вводятся 4 условных региона:

- 1) столицы (г. Москва и г. Санкт-Петербург) – 24%;
- 2) центральная часть России (г. Нижний Новгород, г. Липецк, г. Саранск, г. Брянск, области Московская, Новгородская, Владимирская и пр.) – 26%;
- 3) юг России (г. Ростов-на-Дону, г. Краснодар, г. Ставрополь, Республики Адыгея, Северная Осетия, Дагестан и пр.) – 30%;
- 4) Дальневосточный регион (г. Оренбург, г. Иркутск, Республика Бурятия, Алтайский край, Тюменская область и пр.) – 20%.

Среднее значение по территориальному признаку проживания составляет 2,47, что обозначает довольно ровное распределение респондентов по 4 условным классам регионов.

Возрастной диапазон респондентов представлен следующим образом: 43% юношества в возрасте от 17 до 22 лет; 36% молодежи до 35 лет; 14% взрослых людей до 50 лет и 7% людей более старшего поколения.

Проанализируем результаты ассоциативного эксперимента – реакции, полученные на слово-стимул воля. Всего было получено 1349 реакций.

Ассоциативное поле представлено следующими реакциями (см. табл. 1).

Таблица №1

Ассоциативное поле ценности воля

Частота реакции	Реакция
162	<i>свобода</i>
134	<i>сила</i>
31	<i>желание</i>
30	<i>победа</i>
26	<i>стремление</i>
25	<i>характер</i>
24	<i>выбор, упорство</i>
23	<i>Павел, терпение</i>
22	<i>дух, разум</i>
17	<i>власть</i>
16	<i>жизнь</i>

13	<i>простор, ветер</i>
12	<i>независимость, поле, счастье</i>
11	<i>мужество</i>
10	<i>усилие</i>
9	<i>дом, воля, смелость, спорт, степь, твердость, труд, честь</i>
8	<i>выдержка, кулак, небо, полет, старание, цель</i>
7	<i>вера, земля, интернет, раздолье, слава, сталь, стойкость</i>
6	<i>бог, испытание, мужчина, народ, неволя, преодоление, рабство, решимость, уверенность, успех, целеустремленность, человек</i>
5	<i>выносливость, горы, дружба, закалка, кремень, ограничение, отношение, порыв, правда, право, природа, стержень, ум, энергия</i>
4	<i>воздух, горе, мощь, отвага, песня, птица, решение, семья, тяга, харизма</i>
3	<i>боль, деньги, добро, достижение, качество, концентрация, машина, мир, напор, наслаждение, отпуск, слабость, слово, сложно, солнце, страсть, страх, уважение, усердие</i>
2	<i>бег, брат, время, гражданка, движение, действие, доля, доброта, дума, железо, железная воля, карандаш, колос, конь, контроль, легкость, могущество, море, мысли, необходимо, несгибаемая воля, ночь, обеспеченность, освобождение, осознание, отдых, откровение, подавление, подвиг, покой, путь, путешествие, радость, развитие, результат, родина, сдержанность, справедливость, статуя, тюрьма, увольнение, удовольствие, храбрость, чувство</i>
1	<i>авторитет, Бакунин, безграничность, беззаботность, безнаказанность, бесконечность, беспечность, благородство, большая, борьба, братство, будущее, веселье, воздержание, возможность, воин, война, вольность, воспитывать, вперед, герой, горький, граница, дело, делаю и говорю что хочу, держать, доблесть, добиваться, доблесть, доказательство, дорога, доступ, жажда, животные, воля к жизни, зависимость, заключение, законность, заставить, заточение, значимость, изъятие, исполнитель, казачество, камеди-клуб, каменный, клетка, к победе, край, красота, кругозор, крылья, кумир, лидер, любовь, место, мило, молодость, мотивация, мотоцикл, мощь, мудрость, мужественный, музыка, мышцы, надежда, непоколебимая, несгибаемая, несломимая, Ницше, нож, нужно, облегчение, обязанности, оковы, опыт, орел, ответственность, ответственная, отвлечение, политика, понимание, поступки, потребность, похоть, президент, преодоление трудностей, прижать, принуждение, принцип, прогулка, работа, равенство, ракета, раскрепощение, рвение, река, релакс, решительность, родная, русский, рыбалка, самодисциплина, самообладание, саморазвитие, самостоятельность, сверхчеловек, светлый, сердце, сильная, ситуация, сказка, скала, слабая, служба, смекалка, смех, снежок, совесть, сознание, сопротивление, способность, стойкий, страдание, страна, судьба, ТВ, театр, телевизор, терпимость, титаны, ТНТ, традиции, тренировка, трудно, трудолюбие, указ, упрямство, условие, утес, участие, хобби, холостяк, хочу, царская, цепи, честный, честность, Шопенгауэр, will.</i>

Ядро ассоциативного поля составляют частотные реакции в количестве 99, а обширную периферию – единичные реакции (набравшие три и менее голосов), они составили 294 единицы. Таким образом, четверть (25%) реакций являются общими для носителей русского языка и культуры, а остальные две трети (75%) характеризуются индивидуальными представлениями человека. На рис. 1 представлен частотный график десяти наиболее часто встречающихся ассоциатов.

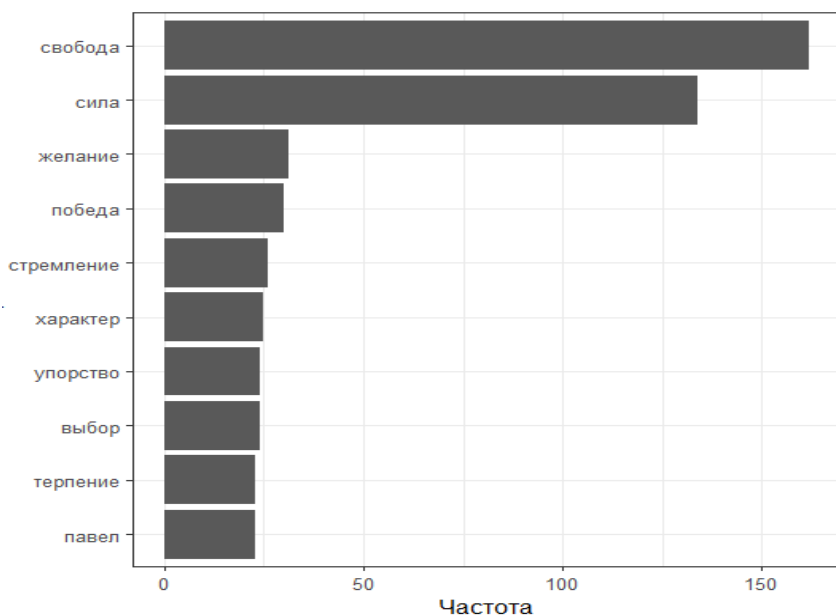

Рис. 1. Столбчатая диаграмма наиболее частотных ассоциатов к слову-стимулу *воля*

Как видно на графике, наиболее часто встречаемыми реакциями являются *свобода* (N=162) и *сила* (N=134). Все остальные реакции встречаются реже в несколько раз, например, реакция *желание* имеет всего 31 голос.

При анализе ассоциативного поля обращает на себя внимание преимущественно положительная окраска ассоциатов, таких как *счастье*, *победа*, *доброта*, *вера*, *успех*. Важно отметить также и наличие в ядре ценности прецедентного имени – *Павел*, обозначающего современного комедийного актера разговорного жанра Павла Волю, что подкрепляется присутствием таких единичных ассоциатов в периферии ассоциативного поля, как *камеди-клуб*, *снежок*, *ТВ* и *ТНТ*.

Распределения ядерных реакций свободного ассоциативного эксперимента в зависимости от пола, возраста или региона проживания респондентов представлены на рис. 2 и 3.

Из рис. 2 видно, что некоторые ассоциаты практически одинаково распределены у мужчин и женщин – это *свобода*, *сила*, *стремление* и др.; а есть ассоциаты с гендерным предпочтением – это, например, *желание* у женщин и *победа*, *дух*, *терпение*, *власть*, *разум* у мужчин. Выявленные ассоциаты носителей русского языка и культуры вполне соотносятся с данными этимологических словарей, подчеркивающих процессуальную

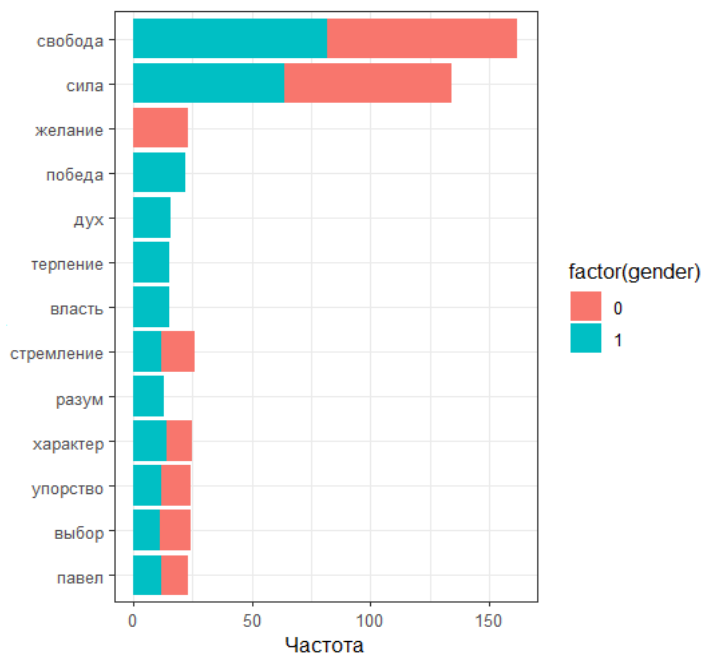

Рис. 2. Столбчатая диаграмма наиболее частотных ассоциатов в зависимости от пола респондента

семантику, тесно связанную с глаголом *велесть*, где ядерным смыслом ценности *воля* выступает «направленное желание», а производными являются *власть*, *сила*, *выбор*, *желание* [Вахненко 2018]. Эти совпадения говорят о преемственности поколений в понимании смысла ценности *воля*.

Из диаграмм рис. 3а и 3б можно заключить, что наиболее частотные реакции *свобода* и *воля* присутствуют у представителей всех возрастных категорий и во всех регионах. А далее наблюдаются некоторые различия. Например, *победа* наиболее часто встречается у юношества из Центральной части России, а *характер* и *выбор* у юношества Юга России. Для более тщательного анализа необходимо провести кластеризацию ответов-реакций.

Ко всей коллекции документов был применен интеллектуальный анализ текста. И первой задачей, рекомендации по решению которой достаточно обширны, было определение оптимального числа концептов. В настоящей работе мы опирались на сравнение с общей дисперсией, которое реализуется через критерий информативности. Рассмотрим график критерия информативности, рассчитанный по формуле (4), на рис. 4.

Для того чтобы описать 25% общих реакций для носителей русского языка и культуры на слово-стимул *воля* достаточно 8 концептов, что совпадает с общими рекомендациями выбора от 10 до 250 измерений [Albright 2004: 13]. Таким образом, 99 терминов было спроектировано на 8 концептов. В табл. 2 представлены SVD-коэффициенты, подтверждающие выбранные концепты.

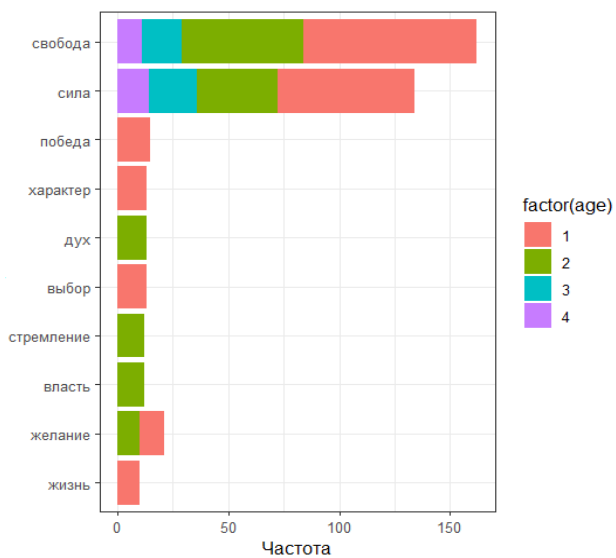

Рис. 3а. Столбчатая диаграмма наиболее частотных ассоциатов в зависимости от возраста респондента

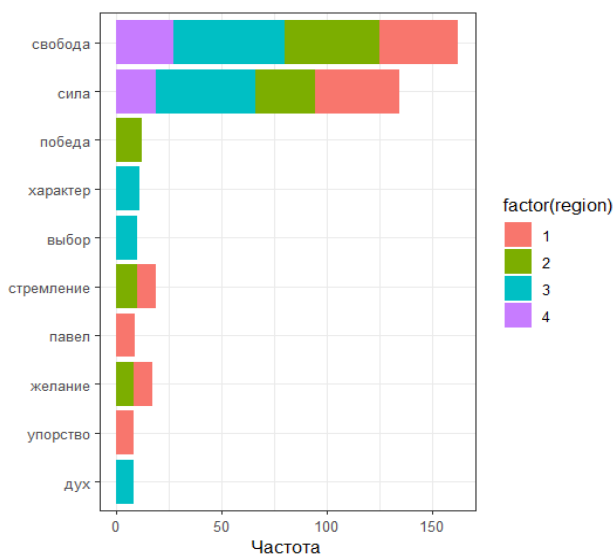

Рис. 3б. Столбчатая диаграмма наиболее частотных ассоциатов в зависимости от региона проживания респондента

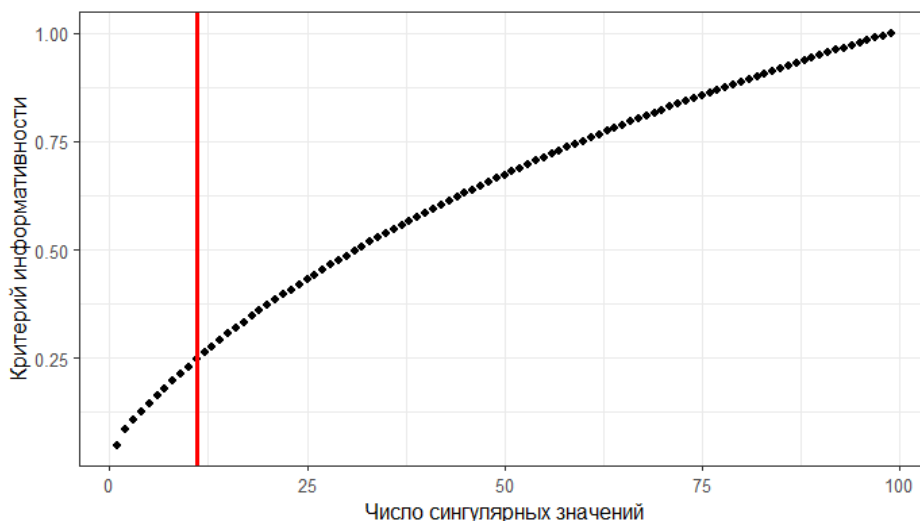

Рис. 4. График критерия информативности

Таблица №2

Фрагмент матрицы концептных нагрузок на стимул воля с выбором наибольших SVD-коэффициентов

Ассоциаты на стимул воля	Коэффициенты сингулярного разложения							
	Concept 1	Concept 2	Concept 3	Concept 4	Concept 5	Concept 6	Concept 7	Concept 8
желание	0,083	-0,024	0,642	-0,505	0,097	0,136	0,081	0,016
победа	0,046	0,078	0,456	0,735	0,072	0,143	-0,121	-0,165
разум	0,075	-0,005	-0,009	-0,041	0,598	0,191	-0,040	-0,264
свобода	0,566	-0,585	-0,049	0,051	-0,111	0,007	-0,026	0,041
сила	0,782	0,764	0,170	-0,097	0,066	-0,028	-0,048	-0,096
характер	0,068	0,114	-0,053	0,016	0,190	0,605	0,221	0,487
выбор	0,110	-0,054	-0,031	-0,059	0,658	-0,205	-0,036	-0,136
Павел	0,049	0,031	0,107	-0,046	-0,103	0,160	0,737	0,030
терпение	0,061	0,073	0,085	0,114	0,257	-0,516	0,255	0,518
стремление	0,063	0,115	0,438	-0,181	-0,112	0,058	-0,404	0,195
власть	0,032	0,013	0,003	0,062	-0,007	0,098	-0,007	0,357

Термины с более высокими значениями в матрице $U_{99,8}$ формулы 2 могут интерпретироваться как ярлык для данного концепта, которые представлены в столбце ассоциатов ценности воля в табл. 3. В правом столбце данной таблицы представлена интерпретация каждого концепта признакового поля.

Таблица №3

Ассоциаты и интерпретации концептов табл. 2

№ концепта	Ассоциаты ценности воля	Интерпретация ценности воля
Concept 1	{+свобода, + сила}	свобода действий, опирающаяся на силу, т.е. активная/агрессивная свобода
Concept 2	{+сила, – свобода}	сила без свободы, т.е. безволие/нежелание действий
Concept 3	{+желание, + победа, + стремление}	желание в сочетании с победой и стремлением, т.е. активно-осознанная свобода
Concept 4	{+ победа, – желание}	победа без желания, т.е. мечтательность
Concept 5	{+ выбор, + разум}	выбор, опирающийся на разум, то есть осуществление осознанного выбора
Concept 6	{+ характер, – терпение}	характер без терпения, т.е. проявление упрямства
Concept 7	{+ Павел, – стремление}	Павел (стендап-комик) без стремления, т.е. открытость, безнаказанность, беспечность
Concept 8	{+ терпение, + характер,+ власть}	терпение в сочетании с характером и властью, т.е. постепенное восхождение на пьедестал

Далее, пользуясь переменными признакового пространства – концептами, произведем кластеризацию документов, которая позволит описать восприятие ценности воля различными группами респондентов.

Множество документов представим 8-мерными векторами подпространства согласно формуле (3) в ортогональном базисе $u_1, u_2, \dots, u_8$. Проекция данного множества документов на векторы u_1 и u_2 отчетливо демонстрирует разбиение на четыре кластера (рис. 5). Поэтому на следующем этапе проводится процедура кластеризации методом k средних [Kwartler 2017].

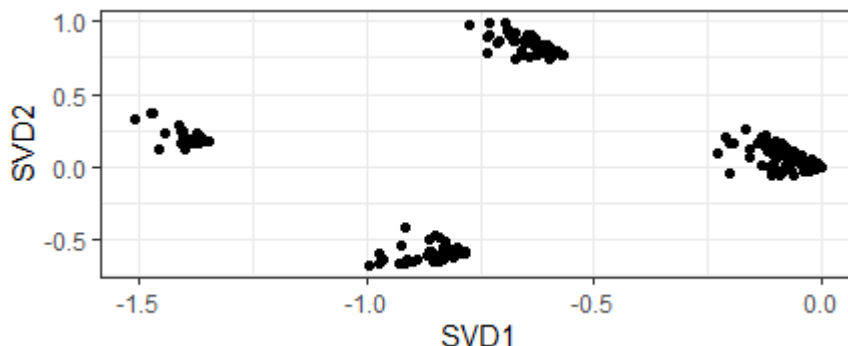

Рис. 5. Проектирование документов на u_1 и u_2 для определения числа кластеров

В результате кластеризации получилось четыре кластера с количеством документов 209, 126, 36 и 22 и количеством терминов 226, 138, 42 и 34 соответственно. Анализируя матрицу средних значений по результатам кластеризации, которая представлена в табл. 4, можно сделать вывод об однородности кластеров по таким признакам, как возраст респондента, пол и регион проживания. Это говорит о применимости предлагаемых выводов ко всей популяции России. Небольшое смещение наблюдается в третьем и четвертом кластерах в более взрослую группу населения и в третьем кластере в сторону женщин.

Таблица №4

Матрица средних значений признаков

№ кластера	Респонденты		
	возраст	пол	регион проживания
1	28,19	0,57	2,48
2	26,57	0,52	2,42
3	30,67	0,44	2,47
4	31,36	0,55	2,55

Наиболее частотными ассоциатами в первом наиболее многочисленном кластере является термин *сила* (N=85), который поддержан терминами *победа* (N=25) и *стремление* (N=23), во втором – свобода (N=126). В третьем кластере, который представляет собой более «женскую» группу населения, наиболее выражены ассоциаты *свобода* (N=36) и *сила* (N=36) с большим отрывом по частоте от остальных. В четвертом более «взрослом» и самом малочисленном кластере по частоте лидером является *характер* (N=22).

Таким образом, в современном русском языковом сознании в понимании ценности воля значимыми элементами являются вышеупомянутые кластеры, которые характеризуют волю как одну из важных ценностей русской культуры, подчеркивая положительные черты характера человека, обладающего целеустремленностью, мужеством, героизмом (кластер 1 и 3), свободой (кластер 2 и 3), а также настойчивостью (кластер 4).

Важно отметить, что ценности свобода и воля содержательно близки и, как доказано в диссертационном исследовании О.В. Казаченко [Казаченко 2021], определяются

посредством друг друга, объединяясь в диаду, что экспериментально подтверждает положение о систематичности ценностей, их тесной связи и взаимозависимости. У данной выборки респондентов наиболее частотными ассоциатами к слову свобода являются *воля* (N=69) и *независимость* (N=57).

Дискуссия

Выбор наиболее частотных реакций на стимул *воля* в языковом сознании носителей русского языка и культуры – *свобода, сила, победа, стремление, характер и желание* – может быть объяснен следующими факторами. Во-первых, лексема *воля* объясняется в толковых словарях через набор сем, которые включают *свободу, свободу действий, независимость, отсутствие всякого стеснения или принуждения, запретов в чем-либо, неподвластность, простор в действиях, самоволие, произвол, свободу от рабства, от крепостного состояния*. При этом отметим, что данная сема не является основной, а расположена на 3–5 местах после таких компонентов значения, как «способность осуществлять свои желания, поставленные перед собой цели» и «сознательное стремление к осуществлению». Тем не менее, связь словарной семы и компонента значения слова *воля* налицо.

Во-вторых, *воля* подразумевает под собой некую внутреннюю силу, стремление, которые выражены в словосочетании *сила воли*. Она является двигателем внутреннего настроя человека, направленного на выполнение каких-либо целей и задач. То есть в данном случае ценность *воля* способствует действию, а значит и поведению. Заметим также, что это важно для нашего исследования, поскольку ценности отличаются от других явлений человеческой жизни тем, что они направляют деятельность, поэтому обладают определенным прогностическим потенциалом.

В-третьих, появление реакции *победа*, как ключевой в понимании ценности *воля*, характеризуется, с нашей точки зрения, двумя взаимосвязанными причинами. Первая состоит в том, что при успешной реализации воли постигается результат, который можно назвать победой над собой (обстоятельствами, препятствиями и т.д.). Вторая, как нам представляется, связана с победой в Великой отечественной войне 1941–1945 гг., поскольку реализация воли народа в борьбе за свободу своей страны закончилась победой над фашизмом. В первом случае *воля* реализуется как личностное качество, а во втором – как чувство сопричастности к этносу.

В-четвертых, *желание* и *стремление* также являются важными ассоциатами, поскольку *воля* представляет собой целенаправленное действие и без осознанного желания и стремления к достижению определенной цели не осуществима.

И, наконец, *воля* связана с такой важной реакцией ассоциативного поля, как *характер*, поскольку, только имея сильный характер, человек может выступить против обстоятельств, обнаруживая *силу воли*, т.е. волен поступать в соответствии со своими принципами.

Резюме

При анализе результатов ассоциативного поля ценности *воля* были получены следующие результаты: самыми частотными реакциями являются *свобода* и *сила*. Эти ассоциаты вместе со *стремлением* практически одинаково распределены по гендерному признаку; но есть ассоциаты с гендерным предпочтением – *желание* у женщин и *победа, терпение, власть, разум, дух* у мужчин. Выявленные ассоциаты вполне соотносятся с данными этимологических словарей, подчеркивающих процессуальную семантику исследуемого стимула.

Изучая территориальное разнообразие, мы пришли к выводу, что все регионы также представлены в наиболее частотных реакциях *свобода* и *сила*, но что касается менее частотных ассоциатов, то здесь наблюдаются некоторые различия: *победа* наиболее часто встречается у юношества из Центральной части России, а *характер* и *выбор* у юношества Юга России. Для более тщательного анализа была проведена кластеризация реакций.

Кроме того, можно заключить, что использование количественных методов в анализе результатов свободных ассоциативных экспериментов помогает исследователю, во-первых, автоматизировать процесс анализа больших массивов данных; во-вторых, выявлять гендерную, возрастную и территориальную особенности ответов респондентов, пригодных для дальнейшего качественного анализа; в-третьих, строить ассоциативные поля изучаемой ценности с выделением ядра и периферии с интерпретацией числовых (положительных и отрицательных) результатов для анализа языковых единиц. А это уже поле действий для работы психологов и педагогов, которые корректируют программы по воспитанию подрастающих поколений.

© Казаченко О.В., Шмалько С.П., Дорошенко О.В., 2023

Литература

Алиакберова Л.Ф. Современные программные продукты для анализа данных // Молодой ученый. 2021. № 37 (379). С. 13–17. URL: <https://moluch.ru/archive/379/83970/> (дата обращения: 10.10.2023).

Андреева С.В., Усейнова Л.С. Понятие «любовь» как компонент языковой картины мира // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т.1. Вып.3. С. 272–276. URL: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-3-272-276> (дата обращения: 09.10.2023).

Богданович Г.Ю. Ассоциативный эксперимент как прием интерпретации дискурса // Дискурс-Пи. 2018. №1 (30). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/assotsiativnyy-eksperiment-kak-priem-interpretatsii-diskursa> (дата обращения: 09.11.2023)

Бубнова И. А. Ценности и образ будущего поколения Z: специфика системы // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsennosti-i-obraz-budushego-pokoleniya-z-spetsifika-sistemy> (дата обращения: 18.10.2023).

Вахненко А.П. Концепт «воля» и его отражения в абстрактном существительном // Вопросы науки и образования. 2018. №27 (39). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-volya-i-ego-otrazheniya-v-abstraktnom-suschestvitelnom> (дата обращения: 13.10.2023).

Выготский Л.С. Мышление и речь: Психика, сознание, бессознательное. М.: Лабиринт, 2001. 366 с.

Ивин В.В. Применение языка R и среды RStudio для статистического анализа данных // Педагогический опыт: от теории к практике. 2018. С. 47–53. <https://interactive-plus.ru/e-articles/568/Action568-473126.pdf> (дата обращения: 30.10.2023).

Казаченко О.В. Структура и содержание аксиологической сферы русского образа мира в XXI веке: дисс...д-ра филол. наук. М., 2021. 399 с.

Каширский Д.В. Психология личных ценностей: дисс... д-ра психол. наук. М., 2014. 550 с.

РАС – Русский ассоциативный словарь: [В 2 т.] / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева [и др.]. М.: АСТ: Астрель, 2002. 781 с.

САНРЯ – Леонтьев А.А. Словарь ассоциативных норм русского языка. Изд-во Моск. Ун-та, 1977. 192 с.

Ситорам К., Когделл Р. Основы межкультурной коммуникации // Человек. 1992. № 4. С. 106–116.

Федосютина Н.С. Слова-ценности как средство доступа к ценностной картине мира: Экспериментальное исследование: дисс... канд. филол. наук. Курск, 2005. 160 с.

Яковлев А.А. Об одном методологическом изъеме при проведении свободного ассоциативного эксперимента // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Т.16. Вып. 4. С. 16–25. DOI 10.25205/1818-7935-2018-16-4-16-25 (дата обращения 13.10.2023)

Albright R. Taming text with the SVD. SAS Institute Inc, Cary. 2004. 17 p.

Feinerer I. Introduction to the tm Package Text Mining in R. 2022. Available at: URL: <https://cran.r-project.org/web/packages/tm/vignettes/tm.pdf> (дата обращения: 10.10.2023).

Han J., Micheline K., Jian P. Data mining trends and research frontiers. In: Data mining, 3rd edition. Morgan Kaufmann, 2012. P. 585–631.

Johnson K. Quantitative method in linguistics. Malden, MA: Blackwell, 2008. 277 p.

Kwartler T. Text mining in practice with R. John Wiley & Sons, 74, 2017. 307 p.

Levchenko O., Tyshchenko O., Dilai M., Gajarsky L. A model of the information system of the associative verbal network presentation // Advance in Intelligent Systems and computing. 2020. Vol. 1293. P. 71–83.

Papadimitriou C.H., Raghavan P., Tamaki H., Vempala S. Latent semantic indexing: a probabilistic analysis. In: Proceedings of the 17th ACM Symposium on Principles of Database Systems (PODS). 1998. P. 159–168.

Rasinger S.M. Quantitative research in linguistics: an introduction. Research methods in linguistics. Bloomsbury Academic, 2008. 305 p.

Rokeach M. The Nature of Human Values. N.Y.: Free press, 1973. 322 p.

Сведения об авторах:

Казаченко Оксана Васильевна – доктор филологических наук, доцент, профессор департамента филологии ГАОУ ВО МГПУ; доцент департамента английского языка и профессиональной коммуникации ФГБОУ ВО Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,

Контактная информация:

129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, дом 4; 125167, Москва, пр-кт Ленинградский, д. 49/2,

ORCID: 0000-0001-9208-6785

e-mail: kazachenko_07@mail.ru

Шмалько Светлана Петровна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры информационных образовательных технологий ФГБОУ ВО КубГУ,

Контактная информация:

350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149.

ORCID: 0000-0002-6456-9648

e-mail: shmalko_sis@mail.ru

Дорошенко Ольга Валерьевна – кандидат физико-математических наук, научный сотрудник института математики, механики и информатики ФГБОУ ВО КубГУ

Контактная информация:

350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149

ORCID: 0000-0002-8037-2976

e-mail: oldorosh@mail.ru

Для цитирования:

Казаченко О.В., Шмалько С.П., Дорошенко О.В. Использование методов интеллектуального анализа данных для свободного ассоциативного эксперимента (на примере ценности **ВОЛЯ**) // Вопросы психолингвистики №4(58) 2023, С. 75–93, doi: 10.30982/2077-5911-2023-58-4-75-93

UDC 81'(23+27)

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2023-58-4-75-93

Research article

**TEXT MINING METHODS FOR A FREE ASSOCIATIVE EXPERIMENT
(ON THE VALUE *WILL*)**

Oksana V. Kazachenko,

Moscow City University

Financial University

Moscow, Russia

Svetlana P. Shmalko,

Kuban State University

Krasnodar, Russia

Olga V. Doroshenko,

Kuban State University

Krasnodar, Russia

Abstract

The focus of modern linguistic and methodological research has shifted towards the study of a person as a developing linguistic personality, which is organically integrated into the anthropocentric and axiological paradigms of the development of scientific thought in the 21st century. Statistically processed analysis of the associative fields of Russian speakers is necessary to consider changes in the linguistic consciousness of the individual; to understand the modern system of personal values, which can contribute to the value-oriented education of the younger generations of native speakers of the language and culture.

The material of the study was the results of a free associative experiment on many people living in the Russian Federation. This widely used experiment allows the researchers to identify the core of the studied stimulus, which characterizes the generally accepted associations of people, and the periphery, indicating individual-personal associations. Using statistical methods for processing data, the authors attempted to identify the main associates that determine the understanding of the studied value *will* in the form of concepts.

Text Mining (TM) was applied to all reactions to the value *will* to determine the optimal number of concepts. With its help, a singular value decomposition of the matrix was carried out, which consists in finding the SVD coefficients. It is important to interpret the positives and negatives of these coefficients, which are significant from the point of view of the meaning of value. So, one of the concepts of the value *will*, which received the two largest coefficients with opposite signs, is interpreted as a force, but with the opposite sign to freedom, i.e. will as lack of will / not desire for action. Further, the authors used the method of Latent Semantic Indexing for the clustering of associates, which made it possible to describe the perception of the value-stimulus *will* by various groups of respondents.

Statistical methods are increasingly used in applied philological research, but it is rather difficult to meaningfully interpret numerical (positive and negative) results for the analysis of language units. Our study provides an example of such an interpretation.

Keywords: associative experiment, will, data mining technology, concepts, SVD-coefficients, values

© Kazachenko O.V., Shmalko S.P., Doroshenko O.V., 2023

Bionotes:

Kazachenko Oksana V. – Doctor of Philology, Associate Professor, Moscow City University; Financial University under the Government of the Russian Federation

Contact information:

4 Vtoroy Selskohoziaystvenny proezd, Moscow, 129226, Russia

ORCID: 0000-0001-9208-6785

e-mail: kazachenko_07@mail.ru

Shmalko Svetlana P. – Candidate of Pedagogy, Associate Professor, Department of Information Technologies, Kuban State University.

Contact information:

350040 ul. Stavropolskaya, 149, Krasnodar, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-6456-9648

e-mail: shmalko_sis@mail.ru

Doroshenko Olga V. – Candidate of Physics and Mathematics, research officer, Institute of Mathematics, Mechanics and Computer Sciences, Kuban State University

Contact information:

350040 ul. Stavropolskaya, 149, Krasnodar, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-8037-2976

e-mail: oldorosh@mail.ru

For citation:

Kazachenko O.V., Shmalko S.P., Doroshenko O.V. Text mining methods for a free associative experiment (on the value WILL) // Journal of Psycholinguistics. 4(58), 2023. P. 75–93. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2023-58-4-75-93 (In Russian)

ВНУТРЕННЯЯ РЕЧЬ ПРИ ВЕРБАЛЬНОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ

Кружилина Татьяна Владиславовна,
Юго-Западный государственный университет
Курск, Россия

Аннотация

Цель исследования состоит в анализе феномена внутренней речи в процессе реконструирования экспериментальной ситуации возникновения эффекта вербальной интерференции в ходе решения экспериментальных задач, требующих участия внутренней речи. Для реализации цели и задач исследования автором была применена экспериментальная методика по созданию эффекта вербальной интерференции, включающая 4 этапа: прослушивание текста с мысленным проговариванием записанного стихотворения; прослушивание текста с мысленным порядковым счетом; прослушивание текста с параллельным внутренним воспроизведением заученного наизусть стихотворения; контрольное прослушивание текста для сверки. В эксперименте участвовало 22 человека, студенты первого курса Юго-Западного государственного университета. Результаты свидетельствовали в пользу снижения показателей воспроизведения при введении дополнительного задания в перерыве между запоминанием и воспроизведением. Эффект интерференции действительно присутствует при предъявлении схожих заданий. Восприятие текстов на слух в условиях вербальной интерференции является затруднительным, но возможным, особенно в случаях с возрастанием автоматизации артикуляции. Внутренняя речь может иметь как развернутую, так и редуцированную форму. Механизм внутренней речи характеризуется скрытой вербализацией, которая является результатом всего онтогенетического развития индивидуальной языковой системы с интериоризацией как языка, так и других знаковых систем. Продуктом интериоризации выступает качественно новая когнитивная архитектура, в которой протекание большей части процессов становится возможным благодаря непосредственному участию внутренней речи. В процессе восприятия и наглядно-образного мышления элементы внутренней речи фиксируются в редуцированной форме, в отсутствие эксплицитной вербальности все равно имеет место постоянная речевая обработка сенсорного материала.

Ключевые слова: когнитивная архитектура мозга, речевая способность, когнитивная деятельность, внутренняя речь, вербальная интерференция

Введение

Работа развивает тему исследования, посвященного психолингвистическим аспектам порождения и понимания текстового сообщения. В этой связи изучается роль метакогнитивной и метаязыковой деятельности в процессах формирования когнитивной архитектуры мозга, в частности, рассматривается феномен внутренней речи (далее

ВР – Т.К.), которую многие исследователи условно называют «центральным игроком» мыслительного процесса (см. труды Л.С. Выготского, Н.И. Жинкина, А.Н. Соколова, А.Н. Леонтьева, А.А. Леонтьева, А.Р. Лурии, П.Я. Гальперина, П.П. Блонского, Т.В. Ахутиной). В современных исследованиях изучается роль обозначенного феномена в когнитивных процессах при мышлении и запоминании; сенсомоторные стимулы и реакции, определяющие данный процесс; степень вербальной интерференции и пр. Детальное изучение вопроса с применением научного инструментария – методов психологии – началось в двадцатом веке, когда представители советской академической школы провели целый ряд экспериментальных исследований с целью определить механизмы и функции ВР [Выготский 2019; Лурия, Юдович 1956; Соколов 2007]. Ученых интересовало, какова роль обозначенного феномена в когнитивных процессах при мыслительных операциях; какие сенсомоторные стимулы и реакции определяют данный процесс; какова роль вербальной интерференции при выполнении похожих заданий. Полученные результаты только «приоткрыли завесу тайны», они были очень общими и предварительными, но уже можно было утверждать со всей очевидностью, что 1) качество мышления изменяется при вербальной интерференции; 2) ВР почти всегда сопутствует мускульная активность.

Первые успехи в изучении ВР дали начало целому направлению в отечественной психологии. Л.С. Выготский в своей новаторской работе «Мышление и речь» представил революционный для того времени подход к вопросам детского развития и речевого онтогенеза [Выготский 2019]. Был затронут вопрос структуры и этапов формирования ВР. Л.С. Выготский констатировал отличие структур ВР и обычного высказывания, особо отметив, что онтогенез ВР коррелирует с развитием высших психических функций индивида, и она проходит тот же путь – от интерпсихического – к интрапсихическому. По своей форме ВР является бессвязной и отрывочной; она фонетически редуцирована до начальных фонем исходных слов; синтаксически она предикативна, семантически – идиоматична и перегружена. В речемыслительной деятельности, согласно Л.С. Выготскому, ВР крайне функциональна – она участвует в извлечении информации, ее анализе и запоминании; при порождении речи включаются функции планирования и саморегуляции. Таким образом, ВР обеспечивает качественное усложнение когнитивной деятельности.

Идеи Выготского были развиты учеными отечественной лингвистической, психологической, психолингвистической и философской школ. Так, обзор основных идей и выводов по накопленной базе исследований предложен С.Ю. Бородаев в его монографии «Язык и познание: Введение в пострелятивизм» [Бородай 2019]. Генезису ВР, ее функциям, структуре и роли в когнитивной деятельности также посвящена работа А.Н. Соколова «Внутренняя речь и мышление» [Соколов 2007], в которой развивается идея Выготского о том, что ВР есть продукт интериоризации речи внешней. Согласно его теории, высшие когнитивные функции социально обусловлены и проявляются изначально во внешнем экстракогнитивном контексте – структуры памяти, внимания, воли, способность к категоризации и образованию концептов проходят поэтапную интериоризацию, путь от внутреннего индивидуального к внутреннему индивидуальному более высокого порядка через внешнее. Другими словами, внешняя ситуация через эмоциональную реакцию ребенка и аффективный отклик его ментальных структур вплетается во внутреннюю когнитивную архитектуру сначала

как эмоциональный отпечаток, а затем как продукт метакогнитивной переработки, который впоследствии становится элементом индивидуального опыта и конструктом «живого знания». На «выходе», в процессе речевой деятельности, такие «элементы» превращаются в продукт метаязыковой переработки [Залевская 2007; Мягкова 2018; 2022; Кружилина 2016]. В этом контексте можно сделать вывод о поэтапном формировании ВР через речь эгоцентрическую, появляющуюся как результат обработки ребенком внешних инструкций окружающих его взрослых людей. Период эгоцентрической речи очень подробно исследован и описан, поскольку получение экспериментального материала не требует создания особых экспериментальных условий, лишь фиксирование речи ребенка для последующего психологического анализа [Ощепкова 2020; Фотекова, Ахутина 2007]. Роль этапа эгоцентрической речи в онтогенезе невозможно переоценить, так как она (эгоцентрическая речь) выступает драйвером развития речемыслительной деятельности, выполняя регулирующую, контролирующую и исполнительную функции, обеспечивая формирование процессов метаязыковой и метакогнитивной деятельности, осознания своего внутреннего и чужого внешнего, понимания и планирования деятельности с движением от одной задачи к другой [Сергиенко и др. 2009]. Таким образом, возникновение эгоцентрической речи иллюстрирует процесс формирования качественно новой когнитивной архитектуры [Величковский 2006]. ВР формируется в раннем детстве, но существует в форме, которую П.П. Блонский охарактеризовал как «симультанная репродукция», или «эхолоалия» [Блонский 2017].

Отметим, что основные представления о ВР, существующие на сегодняшний день в психолингвистике, были заложены Л.С. Выготским. Между тем, некоторые его идеи подвергаются вполне обоснованной критике. Отмечается, например, что Выготский преувеличил степень предикативности и редуцированности ВР [Бородай 2019]. Далее, как констатировал Б.Г. Ананьев, «формы внутренней речи, их механизмы и фазы процесса всегда своеобразны в зависимости от того, в какой речевой деятельности они формируются» [Ананьев 1960: 367]. Согласно точке зрения Б.Г. Ананьева, структура ВР зависит от вида познавательного задания. Она бывает и предикативной, и субстантивной: «Предикативной является внутренняя речь, уже опирающаяся на известную предметность мысли. Напротив, когда предмет еще не опознан или не узан в восприятии, не намечен в мысли, внутренняя речь субстантивна» [цит. раб.: 336]. Согласно этой идее, можно рассматривать ВР как «систему нулевых синтаксических категорий» [там же].

Б.Г. Ананьев также отметил, что разные виды ВР характеризуются разным уровнем редуцированности: от начальных малодифференцированных форм до полного внутреннего говорения. Данное явление разделения имплицитной вербализации на два полюса было развито в последующих работах Б.Г. Ананьева и других исследователей (например, в модели порождения речи А.А. Леонтьева и Т.В. Ахутиной, в работах А.Н. Соколова).

Функции ВР определяются согласно рассматриваемому типу деятельности. В отечественной и зарубежной когнитивной психологии и когнитивной лингвистике накоплена обширная база исследований по теме функционирования когнитивной архитектуры индивида (см. труды Е.С.Кубряковой, Б.М. Величковского, В.З. Демьянкова, Н.Н. Болдырева, Ю.Г. Панкраца, В.В. Петрова, И.А. Стернина,

В.И. Карасика, Ч. Филлмора, Р. Лэнкекера, Л. Талми, Дж. Лакоффа, М. Джонсона, М. Тернера, Г. Раддена и мн. др.). Отмечается, что ВР принимает участие почти во всех когнитивных процессах. Так, она необходима при решении логических и наглядно-образных задач, при использовании математического счета, при запоминании как концептуальной, так и вербальной информации. Далее, ВР является главным «исполнителем» метакогнитивной и метаязыковой деятельности. Анализируя достояние советской психологии в этой предметной области А. Верани замечает: «Внутренняя речь является инструментом мышления и инструментом регуляции. Регуляция относится к таким аспектам, как ориентировка, апперцепция, рефлексия, регуляция поведения, планирование и решение задач. Кроме того, внутренняя речь влияет на все аспекты обработки языка (продуцирование и восприятие). И, наконец, внутренняя речь является ответственной за формирование сознания, волевых актов и личности» [Верани 2010: 15].

Роль ВР в когнитивной архитектуре также подробно рассматривается в классической работе А.Н. Соколова [Соколов 2007]. Именно эта работа, несмотря на то, что написана она была более полувека назад (но не потеряла при этом своей новизны и актуальности), стала прототипом нашего исследования ВР.

Материалы и методы

Исходя из цели данной работы, которая состоит в анализе феномена ВР в процессе реконструирования экспериментальной ситуации возникновения феномена интерференции в ходе решения экспериментальных задач, требующих участия ВР, нами был инициирован психолингвистический эксперимент на создание ситуации возникновения интерференции.

Эффект интерференции, который описывается в психологии как «феномен снижения показателей эффективности нового поведения после выполнения дополнительной задачи» [Созинов и др. 2013], предположительно, был впервые представлен в работе Г. Мюллера и Ф. Шуманна в 1894 году (см.: [Stroop 1935]). Результаты описанных в работе экспериментов свидетельствовали в пользу снижения показателей воспроизведения при введении дополнительного задания в перерыве между запоминанием и воспроизведением. Это явление было названо ретроактивным торможением (действующее в отношении прошлого торможение – снижение ассоциативности ответов, сформированных до этого). Ч. Осгуд отмечал, что термином «интерференция» более правильно обозначать феномен поведения (эффекта), а торможение – это процесс, лежащий в его основе [Osgood 1946]. Такое же значение дается автором настоящей работы понятию «интерференция», под ним подразумевается «эффект интерференции», интерпретируемый согласно показателям поведения.

Изучение эффекта интерференции сопряжено с трудностями, так как этот процесс как таковой скрыт от непосредственного наблюдения. Исходя из этого эффект данного феномена рассматривается как средство для изучения различных психологических (памяти, внимания, поведения) и психолингвистических (в нашем случае – внутренней речи) процессов и конструктов. Эффект интерференции «подсвечивает» внутренние процессы, происходящие в ситуациях многозадачности или при наличии противоречащих друг другу требований. С содержательной стороны интерференция показывает уровень структурированности психического и становится очевидной

при похожих интерферирующих формах поведения [Созинов и др. 2013]. Исходя из этого, данный феномен принято рассматривать в качестве признака субъективного сходства заданий [Cocchini et al. 2002; Tong, Flanagan 2003]. Следует отметить, что психологические и нейробиологические исследования, проводимые с рассмотрением эффекта интерференции, практически не имеют точек соприкосновения, так как предметом изучения выступают абсолютно разные явления [Wixted 2004]. Именно поэтому интерференция чаще рассматривается как методика, нежели как предмет исследования. Это объясняет тот факт, что процессы, находящиеся в основе данного феномена, не вызывают исследовательского интереса. Нас заинтересовали вопросы, почему новый сформированный опыт, который очень схож с предшествующим, может затруднять проявление последнего, почему обучение способно вызывать забывание, как проявляется феномен ВР при интерференции.

В работах, описывающих эффект интерференции, отмечается, что при отсутствии сходства между заданиями данный эффект не обнаруживается [Смирнов 1966; Anderson, Neely 1996; Tong, Flanagan 2003]. Для его возникновения необходимым условием является сходство заданий, они должны быть похожими с точки зрения субъекта. Исходя из этого, в экспериментальной ситуации используется формальное сходство, заранее определенное известными отношениями объектов в предметной области.

Задачей нашего эксперимента было проверить теорию о невозможности понимания речи без ее воспроизведения во внутреннем ментальном пространстве, другими словами, является ли восприятие речи слуховым процессом или оно предполагает моторное действие.

Для реализации нашей цели и задач автором было создано задание на вербальную интерференцию, состоящее из четырех пунктов. В эксперименте участвовало 22 человека, студенты двух групп первого курса Юго-Западного государственного университета. На первом этапе проводилось прослушивание текста с мысленным проговариванием стихотворения. На втором этапе прослушивание текста сопровождалось параллельно порядковым счетом. На третьем этапе прослушивание текста сопровождалось параллельным внутренним воспроизведением заученного наизусть стихотворения. На четвертом этапе текст прослушивался для контрольной сверки. Для эксперимента были отобраны как описательные, так и дискурсивные тексты. В результате было собрано 176 протоколов респонсов экспериментатора и интроспекции испытуемых.

Дискуссия

Прокомментируем этапы эксперимента. При прослушивании текста (в качестве экспериментальных текстов были выбраны: письмо 46 «Пути доброты» из «Письма о добром и прекрасном» Д.С. Лихачева, «И снова весна» И.В. Долгополова) с параллельным произнесением стихотворения Р. Рождественского «Человеку надо мало...», представленного в виде текста на бумаге, у всех участников наблюдались сложности с восприятием в процессе артикуляции. Наблюдалось раздвоение внимания между воспринимаемым текстом и произносимым стихотворением. Имела место так называемая «сенсорная афазия», когда слова превращаются в непонятный звуковой шум, их слышат, но смысл остается неясен. Но в отдельные моменты

автоматизированной артикуляции при чтении стихотворения участники эксперимента могли понимать смысл отдельных фраз. На следующих сессиях при частичной автоматизации испытуемые были способны одновременно слушать речь и частично воспринимать смысл того, о чем сообщалось в прослушиваемом тексте. Запоминание слышимого при этом было практически невозможно, появлялся эффект «мгновенной амнезии», когда фраза воспринимается на слух и понимается, но почти мгновенно забывается.

На втором этапе участники эксперимента прослушивали текст при одновременном порядковом счете. Это задание было выполнено без особых затруднений всеми испытуемыми. Восприятие текста было адекватным, имела место даже некоторая рефлексия над услышанным.

На третьем этапе участники эксперимента слушали читаемый текст и одновременно произносили заученное до автоматизма стихотворение, которое выбиралось каждым испытуемым индивидуально. Накануне эксперимента студенты получили задание повторить стихотворение, которое они хорошо знают наизусть. Отмечалась определенная зависимость уровня понимания от «качества» помехи на этапе параллельного воспроизведения стихотворения. Как показал анализ результатов этого этапа эксперимента, были выбраны, как правило, стихотворения школьной программы. Среди них оказались такие произведения, как «Бородино» М.Ю. Лермонтова, «Белая береза» С.А. Есенина, «А что у вас?» С.В. Михалкова, «Я пришел к тебе с приветом...» А.А. Фета. Один участник эксперимента, испытуемый №5 согласно нашей кодировке испытуемых (И5), проговаривал стихотворение собственного сочинения. Вызвал удивление тот факт, что для некоторых испытуемых задание заранее повторить знакомое стихотворение оказалось трудновыполнимым, т.к. они не знают стихов наизусть. Получив задание экспериментатора, одни реагировали иронично («Нам что, специально его учить?»), другие расписывались в бессилии («Значит, я пас...»), третьи отмечали повышенную сложность задания («Ну кто сейчас помнит стихи наизусть?»). Во время эксперимента эти испытуемые либо повторяли одно и то же четверостишие по кругу (И2, 9, 13, 15), либо и вовсе крутили в уме зарифмованные строчки рекламного ролика «От Парижа до Находки «Омса» – лучшие колготки» (И21). И10 использовал стихотворение Владимира Орлова «Родина моя», знакомое ему по кинофильму «Брат 2». Данный этап эксперимента оказался показателен в отношении некоторых аспектов онтогенеза речевой деятельности. Отсутствие в индивидуальной базе знаний испытуемых заученного стихотворения и неспособность воспроизвести стихотворение по памяти может говорить как о непродуктивной учебной деятельности в школьный период, так и о дизонтогенезе высших психических функций, в частности памяти, которая является важнейшим звеном когнитивной архитектуры индивида, поскольку процессы хранения и извлечения информации составляют основу психических процессов [Пищальникова 2018]. Базовые функции речемыслительной деятельности, заложенные в дошкольный период и развитые в школьный, обеспечивают качественное функционирование речемыслительного аппарата при выполнении самого разного рода задач, в частности, восприятия текста на слух. Возвращаясь к эксперименту, отметим, что, учитывая все возникшие у испытуемых сложности на данном этапе эксперимента, результат был положительным: большая часть испытуемых смогла воспринять прослушанный текст адекватно и передать его основное содержание.

Четвертый этап был контрольным прослушиванием текста. Испытуемые смогли сравнить восприятие текста «в чистом виде» и с помехами.

Анализ результатов опроса испытуемых и их интроспективных наблюдений позволил сделать вывод о том, что эффект интерференции действительно присутствует при предъявлении схожих заданий. Восприятие текстов на слух в условиях вербальной интерференции является затруднительным, но возможным, особенно в случаях с возрастанием автоматизации артикуляции. Мы, вслед за другими учеными, предполагаем, что привычка работать и отдыхать, находясь в условиях многозадачности, у современных молодых людей, коими являлись испытуемые, формируется в сегодняшних условиях информационного перенасыщения, когда им приходится отслеживать большие объемы информации, поступающие одновременно из разных источников (например, в ситуации, когда одновременно работают и отслеживаются компьютер, телефон со множеством «активных» чатов, работающий фоном телевизор и пр.) [Бутова 2021; Пищальникова 2018]. Эффект интерференции, возникающий при выполнении схожих заданий, показательно «подсвечивает» общее состояние речемыслительной способности и уровень сформированности способности понимания в частности. Этот эффект сильнее проявляется в процессе выполнения сложноорганизованной деятельности. Полнота его проявления имеет индивидуальную обусловленность и в немалой степени зависит от уровня развития речемыслительной деятельности. У нас не было возможности оценить эту обусловленность статистическими методами, но мы вправе опираться на собственные интроспективные заключения и выводы, базирующиеся на лонгитюдных наблюдениях студентов (эксперимент проводился в группах, где автор статьи была преподавателем). Уровень языковой подготовки участников эксперимента, как по иностранному языку, так и по родному, русскому, был вполне очевиден. Предшествующий опыт исследования речевого онтогенеза, отраженный, в частности, в работе [Кружилина 2016], позволял нам предположить, что должна существовать связь между общей языковой подготовкой, способностью понимания текста и выполнением сложно-организованной деятельности в ходе нашего эксперимента на создание условий для возникновения эффекта интерференции, т.к. высокий уровень языковой способности, как правило, всегда свидетельствует в пользу развития высших психических функций в норме. Эффект интерференции, как показало сопоставление реальных языковых личностей и результатов эксперимента, проявляется по-разному; степень этого проявления обусловлена. Так, испытуемые, имевшие сложности с пониманием текста даже при его контрольном прослушивании, отмечали наибольшие сложности и неудобства восприятия при выполнении параллельных заданий.

Одновременное выполнение похожих заданий предполагает постоянное переключение. Процессы запоминания и воспроизведения информации являются деятельностью разного плана, они противоположно направлены. Как показано в [Созинов и др. 2013], обширный поток новой информации препятствует припоминанию, в то время как воспроизведение даже большого объема сведений значительно меньше влияет на процесс восприятия. Переключение – это смена деятельности, и отмечается, что если мы резко меняем виды деятельности или же деятельность одного плана на другую такого же плана, то первая деятельность как бы имеет определенную инерцию, она мешает поначалу выполнять новые действия.

Это переключение может лишать нас до 18% времени по сравнению с тем, как если бы мы делали эти дела по отдельности, не переключаясь с одного на другое [цит. раб.]. Так, несмотря на то, что изначально установка была дана на автоматическое проговаривание стихотворения и порядковый счет, которые позиционировались по умолчанию как деятельности вспомогательные (требующие меньше усилий), в ходе эксперимента обе деятельности «проявили» себя равноправными участниками, в равной степени «пострадавшими» от эффекта интерференции. Особенно показательным это было при проговаривании стихотворения. Например, Иб при проговаривании «Бородино» запнулся на начале 4 куплета, на строчке, где запинался всегда и раньше. Стараясь припомнить стихотворение, Иб потерял смысловую нить текста. При этом звучащий параллельно текст также оказал свое воздействие – припомнить забытую строчку стихотворения оказалось невозможно, и Иб начал стихотворение сначала еще дважды.

Анализ экспериментального материала позволил отметить и другие особенности. Как показали экспериментальные сессии, речевые помехи действительно осложняют понимание воспринимаемого на слух текста. Впоследствии текст воспроизводится неполно и неточно. Отдельные денотаты и денотатные связи текста провоцируют смысловые искажения, т.к. испытуемые строят догадки и «додумывают» смысловые пробелы самостоятельно. Это напоминает ситуации сенсорной и моторной афазий, когда воспринимаются отдельные слова, но не смысловые блоки текста и текст целиком. В некоторых случаях на третьем этапе (при прослушивании «Пути доброты») наблюдалась моторная интерференция – сложный текст влиял на темп воспроизведения стихотворения, провоцируя паузы и остановку артикуляции. Это объясняется тем, что для понимания требовалась определенная сосредоточенность, которой мешал процесс артикуляции. Далее, по результатам интроспекции была отмечена отрывочная и сокращенная артикуляция слов при угнетении речевых движений. Испытуемые комментировали свою деятельность понимания, обращая внимание на быструю беззвучную артикуляцию слов из слышаемого текста, которая имела место в паузах между проговариванием контрольного задания. Некоторые испытуемые сообщали о визуальном представлении того, что они слышали, всплывающие образы также помогали впоследствии воссоздать содержание текста, выступая в роли мнемонических знаков. Отдельные слова, воспроизводимые внутренне, имели сокращенную, обрывочную форму, а некоторые и вовсе представляли собой лишь «намеки» на слово, выраженный каким-то элементом артикуляции. Роль таких слов, воспроизводимых во внутреннем пространстве, была достаточно велика – они являлись конденсированным выражением отдельных смысловых образований. Иногда эту роль на себя брали возникающие образы, не обладающие фиксированным конкретным значением, но приобретающие оное в связи со слышимым текстом. Это значит, что расширение значения во ВР может носить почти неограниченный характер, границей в данном случае является лишь конечность «строительного материала», определяемая ограниченностью базы индивидуального опыта и знаний. Но и здесь конечность и ограниченность – понятия относительные, поскольку эвристичность как когнитивная способность имеет поистине неограниченные возможности в обращении с ограниченным количеством индивидуального когнитивно-языкового материала. Этот процесс описал еще Н.И. Жинкин, подтвердил его валидность и Н.И. Соколов:

То, что воспроизводится в нашей внутренней речи, есть не более как очень сокращенная речевая схема, элементы которой, являясь носителями обобщенного смысла, становятся, метафорически говоря, как бы «квантами» – сгущенными частичками языка – мысли. Благодаря такому сокращенному выражению мыслей во внутренней речи имеется возможность быстро сближать и сопоставлять различные группы мыслей, а из сопоставления и обобщения их могут возникать в одно «неуловимое» мгновение новые мысли, новые смысловые комплексы. Внезапность и быстрота появления мыслей, обычно кажущаяся столь загадочной, становится возможной именно благодаря наличию у нас больших комплексов мыслей, выражаемых незначительными намеками речи... Мысль может предшествовать устной или письменной речи, так как та и другая развертываются сравнительно медленно, она может опережать внутреннюю речь – рассуждение, но никогда не опережает той сокращенной формы внутренней речи, которая выражает описанные здесь комплексы [Соколов 2007: 100–101].

То есть мысль совершается в сокращенных элементах, символах внутренней речи, и только при наличии волевого умственного усилия на удержание этой речевой схемы, когда мы «думаем» эту мысль, она обретает привычную словесную форму, готовая затем излиться во внешний мир.

Мы не проводили серию дополнительных экспериментов на вербальную интерференцию, описанную в работе А.Н. Соколова «Внутренняя речь и мышление» [цит. раб.]. Поэтому для полноты картины приведем данные результатов экспериментов ученого из указанного источника. А.Н. Соколов экспериментально доказал, что этот эффект отрицательно влияет на математический счет, чтение и перевод текстов на иностранном языке, на запоминание ассоциаций, слов, отдельных слогов, изображений. Объяснением называется зависимость структуры и функций ВР от вида задания. А.Н. Соколов считает оправданным выделить два типа внутренней речи. В случае, когда необходимо запомнить уже известную информацию, «зафиксировать концепты», ВР становится редуцированной, и вербальная интерференция не служит препятствием. В случае, когда необходима качественная внутренняя трансформация, переработка воспринимаемого материала (анализ, подключение баз данных – знаний и опыта, математические и логические операции и пр.), ВР имеет развернутую форму, при этом вербальная интерференция «мешает» функционированию механизма ВР.

Проанализировать эффект словесной интерференции можно также электромиографическими методами, которые позволяют отследить едва уловимое напряжение в артикуляционной мускулатуре во время умственной активности. Такая скрытая работа речевого артикуляционного аппарата присутствует во время чтения про себя, в деятельности перевода, при решении математических задач, в момент слушания и припоминания информации. Возбуждение мускульной активности происходит при повышении сложности задания либо при возникновении необходимости закрепить воспринятый материал. Автоматизация процесса ведет к затуханию скрытой артикуляционной активности [там же].

Приведем пример из серии экспериментов Н.И. Соколова, касающийся арифметического счета. С началом счета на машинном оборудовании фиксировались мощные всплески речедвигательных потенциалов, которые постепенно затухали. При сопоставлении картины артикуляционного напряжения с интроспективными данными испытуемых становится понятно, что первоначальная интенсивная всплеска

приходится на момент получения задания и фиксирования его вниманием. Задание, содержащее арифметический пример на деление 216 на 3, было мысленно проговорено испытуемым несколько раз: «216 на 3». Дальнейшее увеличение амплитуды колебаний соответствовало последовательному рассуждению с применением индивидуальной схемы вычисления (которая является, впрочем, наиболее подходящей схемой, упрощающей процесс деления): «21 на 3...7...70...6 на 3...2...72». Дискретный ход рассуждения в данном случае очевидно согласуется с прерывистыми мускульными напряжениями губ, наиболее отчетливыми в момент фиксирования задания, вычисления и мысленной формулировки ответа.

В этом эксперименте очень показательно проявляются индивидуальные различия испытуемых. Уровень их математической подготовки определяет степень автоматизации процесса счета, что подтверждают данные миографической аппаратуры – быстро считающие участники эксперимента показали слабую артикуляционную импульсацию или полное отсутствие оной при решении совсем простых задач, тогда как медленно считающие испытуемые показывали всплески речевой активности на протяжении всего процесса решения задачи.

Электромиограммы артикуляционных напряжений также ясно показывают зависимость припоминания от качества ранее сформированных связей. Чем эти связи слабее, тем больше времени занимает припоминание и тем больше когнитивных усилий оно требует. Очевидно, что при недостаточно устойчивых связях припоминание – это довольно долгий процесс восстановления некогда усвоенной информации, сопровождаемый часто элементами рассуждения.

Артикуляционная активность фиксируется также в заданиях на наглядно-образное мышление, например, в экспериментальной сессии Н.И. Соколова с использованием прогрессивных матриц Равенна. Матрица представляла собой рисунок с недостающим элементом и набор из нескольких фрагментов, один из которых являлся недостающим элементом рисунка. Матрицы варьировались по уровню сложности, этих уровней было пять. При выполнении задания на составление целого рисунка испытуемые использовали внутреннюю вербализацию (кроме простейших уровней), которая отражалась в артикуляционной активности, растущей по мере усложнения задания. Вербализация наблюдалась при опознании признаков фигур, фиксации промежуточных результатов отбора необходимого фрагмента и окончательного решения относительно гармоничности составленного рисунка. Здесь Н.И. Соколов делает очень важный вывод о наличии вербального компонента в невербальном задании. По его мнению, это позволяет классифицировать наглядно-образное мышление как наглядно-образно-словесное:

...реальный процесс мышления в любом случае – будет ли это решение вербальных или наглядных задач – всегда связан с языком, хотя в отдельные моменты, или фазы, этого процесса речевые действия и могут отсутствовать (быть заторможенными). Однако у нас нет никаких оснований отрывать одну фазу мышления от другой и делать вывод о наличии безязыкового мышления. Такой вывод был бы ничем не оправданным допущением, так как нельзя подменять процесс мышления в целом одной какой-либо его фазой. По этой же причине нельзя и идентифицировать мышление с речью, так как мышление содержит в себе не только речевую, но и неречевую (наглядную или оперативно-предметную) фазу действия, которая обычно сопровождается некоторым торможением речевых процессов [цит. раб.: 208].

В результате анализа миографических данных Соколов отмечает еще одну важную особенность. Как показали эксперименты, напряжение артикуляционной мускулатуры во время умственной деятельности не является постоянным, усиливаясь или ослабляясь под действием различных факторов. Электромиограммы констатируют «квантовый» характер артикуляционной импульсации. В момент умственной активности отмечаются «всплески» импульсации, разделенные определенными интервалами. Общий тонус артикуляционной мускулатуры при этом постоянно увеличивается. Ученый считал это свидетельством наличия двух связанных между собой фаз электроактивности: тонической, которая не сопровождается речедвигательными фиксациями; фазической, которая сопровождается речевыми движениями. Тонический компонент имеет все основания рассматриваться как фоновый, а фазический имеет отношение к беззвучной артикуляции слов. Идея ученого состояла в том, что тонический компонент является отражением корреляции словесных раздражителей и раздражителей из блока восприятия, итогом которой является словесная классификация последних. Другими словами, при восприятии сенсорного материала и наглядном мышлении происходит имплицитная словесная категоризация этого материала. Согласно Соколову, «...здесь дело не просто в речевых кинестезиях самих по себе и не в простом проговаривании слов вслух, шепотом или про себя, а в образовании обобщенных межанализаторных связей на речевой кинестетической базе» [цит. раб.: 227].

Факт наличия двух компонентов речевой активности (тонического и фазического) может свидетельствовать, считает ученый, в пользу существования двух видов ВР: «...относительно развернутой, характеризующейся частыми вспышками речедвигательной импульсации, и относительно свернутой, или редуцированной, характеризующейся преимущественно тонической речедвигательной импульсацией с редкими фазическими вспышками. При таком взаимодействии тонической и фазической электроактивности редукция внутренней речи относится только к фазическому компоненту, тогда как тонический компонент остается постоянно действующим фактором, исключающим всякие основания для теорий «чистого» мышления, или мышления «чистыми значениями», которые, с этой точки зрения, являются не больше чем заблуждениями интроспекции» [там же].

Резюме

В результате нашего исследования феномена ВР были подтверждены постулаты отечественной психолингвистической школы о том, что ВР характеризуется разнообразными формами и реализуемыми возможностями в повседневной деятельности – от когнитивного контроля до решения мелких интеллектуальных задач. Не вызывает сомнения, что ВР связана с когнитивными операциями, как то анализ, синтез, запоминание, извлечение информации, рассуждение и пр., а глобальность реализуемых ВР функций определяется осуществлением волевого контроля.

Экспериментальное исследование автора позволило сделать вывод о зависимости ВР от уровня сложности и характера решаемой задачи: ВР может иметь как развернутую, так и редуцированную форму. Механизм ВР характеризуется скрытой вербализацией, которая является результатом всего онтогенетического развития индивидуальной языковой системы с интериоризацией как языка, так и других знаковых систем. Продуктом интериоризации выступает качественно новая когнитивная архитектура,

в которой протекание большей части процессов становится возможным благодаря непосредственному участию ВР. В процессе восприятия и наглядно-образного мышления элементы ВР фиксируются в редуцированной форме, то есть в отсутствие эксплицитной вербальности все равно имеет место постоянная речевая обработка сенсорного материала.

В заключение необходимо отметить, что структура ВР исследована на настоящий момент недостаточно, когнитивные процессы – это закрытая территория (несмотря на современные прорывные исследования в области нейробиологии и нейролингвистики, в частности). Остается много вопросов и тем, открытых для обсуждения. Можно ли согласиться с тезисом Выготского о совпадении структур ВР и речи эгоцентрической? Какова зависимость ВР от экстралингвистических факторов, таких, как общий уровень когнитивной нагрузки, уровень грамотности и образованности? Является ли необходимым условием исследования ВР изучение оной в контексте проявления в разных аффективных состояниях, принимая во внимание эмоциональную природу слова, эмоциональную нагрузку слова, эмоциональность ситуации и рождаемого отклика на эту ситуацию (опираясь на концепцию отечественной психологии, согласно которой формирование аффективно-потребностной сферы проходит тот же путь, что и познавательные процессы, а главным фактором языкового развития признается интеграция познания, эмоции и социальных связей с другими людьми)? Как реализуются категории предикативности и субстантивности в механизмах ВР? От чего зависит степень редуцированности ВР, варьирующаяся от первичных малодифференцированных языковых образований до полного внутреннего проговаривания? Зависит ли уровень смысловой насыщенности от степени редуцированности? Каково специфическое участие ВР в различных видах деятельности, например, при выполнении интеллектуальных задач – логических, наглядно-образных, математических? Насколько структура ВР обусловлена типом познавательного задания и зависят ли механизмы и фазы ВР от вида речевой деятельности? Какова специфическая функция ВР в формировании сознания, волевых актов и личности в целом?

Мы полагаем, что ответы на эти вопросы описывают многогранное явление одного плана, плана имплицитной вербальности, проявляющейся в разнообразных словесных реакциях, и изучение лингвоспецифичности этих реакций и порождаемых ими эффектов требует дополнительных междисциплинарных исследований.

© Кружилина Т.В., 2023

Литература

Ананьев Б.Г. Психология чувственного познания. М.: Акад. пед. наук РСФСР, 1960. 486 с.

Блонский П.П. Память и мышление. М.: URSS: ЛЕНАНД, 2017. 204с.

Бородай С.Ю. Язык и познание: Введение в пострелятивизм. М.: Общество с ограниченной ответственностью «Садра», 2019. 800 с.

Бутакова Л.О. Языковая способность, речевая компетенция, речевая деятельность представителей поколения Z // Русский язык в школе. 2021. Т. 82. № 4. С. 61–74. doi: 10.30515/0131-6141-2021-82-4-61-74.

Величковский Б.М. Когнитивная наука. Основы психологии познания. М.: Academia: Смысл, 2006. 405 с.

Верани А. Роль внутренней речи в высших психических процессах // Культурно-историческая психология. 2010. № 1. С. 7–17. URL: <https://psyjournals.ru/kip/2010/n1/29152.shtml> (дата обращения: 25.07.2023).

Выготский Л.С. Мышление и речь. Санкт-Петербург: Питер, 2019. 431 с.

Залевская А.А. Введение в психолингвистику. М.: РГГУ, 2007. 559 с.

Кружилина Т.В. Понимание текста в онтогенезе. Курск: Юго-Западный государственный университет, 2016. 152 с.

Лурия А.Р., Юдович Ф.Я. Речь и развитие психических процессов у ребенка: Эксперим. исследование. М.: Изд-во Акад. Пед. наук РСФСР, 1956. 94 с.

Мягкова Е.Ю. Навык чтения и проблемы понимания текста // Языковое бытие человека и этноса. Вып. 20. Материалы XV Березинских чтений. М.: ИНИОН РАН, 2018. С. 83–95.

Мягкова Е.Ю. Язык – эмоции – сознание – культура в теории А. Дамасио // Вопросы психолингвистики. 2022. № 4(54). С. 72–85.

Ощепкова Е.С. Оценка развития речи у детей: обзор зарубежных методик // Вопросы психолингвистики. 2020. № 2(44). С. 110–123.

Пищальникова В.А. Новые когнитивные структуры в цифровой информационной среде // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. № 13(807). С. 192–201.

Сергиенко Е.А., Лебедева Е.И., Прусакова О.А. Модель психического как основа становления понимания себя и другого в онтогенезе человека. Москва: Институт психологии РАН, 2009. 416 с.

Смирнов А.А. К вопросу об условиях ретроактивного торможения. М.: Просвещение, 1966. 423 с.

Созинов А.А., Крылов А.К., Александров Ю.И. Эффект интерференции в изучении психологических структур // Экспериментальная психология. 2013. Т. 6. № 1. С. 5–47.

Соколов А.Н. Внутренняя речь и мышление. М.: URSS, 2007. 248 с.

Фотекова Т.А., Ахутина Т.В. Диагностика речевых нарушений школьников с использованием нейропсихологических методов: методическое пособие. М.: Айрис-Пресс: Айрис-Дидактика, 2007. 172 с.

Anderson M.C., Neely J.H. Interference and inhibition in memory retrieval // Memory // Handbook of perception and cognition / Carterette E., Friedman M. San Diego: Academic Press. 1996. P. 237–313.

Cocchini G., Logie R.H., Sala S.D. Concurrent performance of two memory tasks: Evidence for domain-specific working memory systems // Memory and Cognition. 2002. Vol. 30. N. 7. P. 1086.

Osgood C.E. Meaningful similarity and interference in learning // Journal of Experimental Psychology. 1946. V. 36. N 4. P. 277–301.

Stroop J.R. Studies of interference in serial verbal reactions // Journal of Experimental Psychology. 1935. V. 18. N 6. P. 643–662.

Tong C., Flanagan J.R. Task-specific internal models for kinematic transformations // Journal of Neurophysiology. 2003. V. 90. P. 578–585.

Wixted J.T. The Psychology and Neuroscience of Forgetting // Annual Review of Psychology. 2004. Vol. 55. P. 235–269.

Сведения об авторе:

Кружилина Татьяна Владиславовна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»

Контактная информация:

305040, Курск, 3-й Запольный переулок, дом 1

ORCID: 0000-0001-5714-146X

e-mail: t.kruzhilina@yandex.ru

Для цитирования:

Кружилина Т.В. Внутренняя речь при вербальной интерференции // Вопросы психолингвистики № 4 (58) 2023, С. 94–108. doi: 10.30982/2077-5911-2023-58-4-94-108

UDC 81`23

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2023-58-4-94-108

Research article

INTERNAL SPEECH IN VERBAL INTERFERENCE

Tatiana V. Kruzhilina

Southwest State University

Kursk, Russia

Abstract

The purpose of the research is to analyze the phenomenon of internal speech when reconstructing the experimental situation of the verbal interference effect in the course of solving experimental problems requiring the participation of internal speech. To reach the purpose and objectives of the research, the author made up an experimental technique for creating the effect of verbal interference, which includes 4 stages: listening to the text accompanied by the mental pronunciation of the poem; listening to the text accompanied in parallel by an ordinal score; listening to the text accompanied by a parallel internal reproduction of the poem memorized by heart; listening to the text for control verification. The experiment engaged 22 people, first year students of the South-west State University. The results of the experiment were in favor of a decrease in reproduction rates in situation of introducing an additional task in the break between memorization and playback. The interference effect takes place when similar tasks are presented. Internal speech depends on the level of complexity and the nature of the problem being solved: internal speech can have both expanded and reduced forms. The internal speech mechanism is characterized by latent verbalization, which is the result of the complex ontogenetic development of an individual language system with the interiorization of both language and other sign systems. In the process of perception and visual-imaginative thinking, the elements of internal speech are fixed in a reduced form and there is still a constant speech processing of sensory material.

Keywords: cognitive architecture of the brain, speech ability, cognitive activity, internal speech, verbal interference

© Kruzhilina T.V., 2023

Bionotes:

Tatiana V. Kruzhilina – Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Foreign Languages, South-West State University

Contact Information:

1, 3d Zapolny Pereulok, Kursk, 305040

ORCID: 0000-0001-5714-146X

e-mail: t.kruzhilina@yandex.ru

For citation:

Kruzhilina T.V. Internal Speech in Verbal Interference // Journal of Psycholinguistics. 4(58), 2023. P. 94–108. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2023-58-4-94-108 (In Russian)

УДК 811.111

ББК 81.23

DOI 10.30982/2077-5911-2023-58-4-109-123

Научная статья

ЦЕННОСТНЫЙ АСПЕКТ РУССКОЙ И СИНГАЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ (НА ПРИМЕРЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СПРАВЕДЛИВОСТИ В ШРИ-ЛАНКЕ И РОССИИ)

Васкадуве Сири Сарана Тхеро,

Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия

Харченко Елена Владимировна,

Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия

Аннотация

Целью этой статьи является сопоставление образа справедливости в языковом сознании носителей русской и сингальской лингвокультур. В основе исследования лежит теория языкового сознания, разработанная в Московской психолингвистической школе. Основным методом сбора материала является свободный ассоциативный эксперимент, при анализе полученных реакций использовался семантический гештальт, предложенный Ю.Н. Карауловым, а также сопоставление ассоциативных полей на двух языках (сингальском и русском). В качестве дополнительных методов использовался метод словарных дефиниций и анализ интернет-ресурсов. Анализ позволил выявить универсальное и специфическое в представлении о справедливости у носителей изучаемых лингвокультур. Проведенное исследование показало, что в языковом сознании носителей двух лингвокультур справедливость ассоциируется с правом и судебной системой, но в сознании носителей сингальской лингвокультуры справедливость в большей степени связана с политикой, а в сознании носителей русской лингвокультуры – с религией. Особый интерес вызывает персонификация представления о справедливости в сингальской лингвокультуре.

Ключевые слова: психолингвистика, свободный ассоциативный эксперимент, образ мира, сингальский язык, русский язык, справедливость

Введение

Обсуждение понятия справедливости началось еще во времена Древней Греции, концепция справедливости была в центре внимания таких областей научных знаний, как право, политика, философия, языкознание, психология и культурология. По мнению Аристотеля, «справедливость – величайшая из добродетелей, более удивительная и яркая, чем вечерняя или утренняя звезда» [Аристотель 1998]. Платон выделил пять добродетелей – мудрость, мужество, благоразумие, благочестие и справедливость – и утверждал, что «справедливость – это качество души, которое отбрасывает иррациональное желание людей наслаждаться каждым удовольствием и извлекать эгоистичное удовлетворение от каждого объекта и приспособливаться к выполнению одной функции для общего блага» [Платон 2023: 59]. Всеобъемлющим этическим

понятием в системе Платона служит справедливость, которая является высшей среди других добродетелей государства и личности. Она относится «к самому прекрасному из всех видов благ, которое и само по себе, и по своим последствиям должно быть ценным для человека, если он стремится к счастью» [Там же: 325–326].

О значимости справедливости для русских писал еще Ф.М. Достоевский: «Высшая и самая резкая характерная черта нашего народа – это чувство справедливости и жажда ее» [Достоевский 2021: 125]. Это подтверждается и в работе «Базовые ценности россиян», которая была написана по результатам опросов 2001 – 2002 гг. [Рябов, Курбангалеева 2003]. И.А. Воробьева утверждает, что «концепт «справедливость» является одним из центральных понятий русской языковой картины мира» [Воробьева 2020: 7]. В последние годы вышло много научных публикаций, с разных сторон рассматривающих феномен справедливости ([Быстрицкая 2016], [Воркачев 2011], [Воробьева 2020], [Гармаш 2022], [Исаева 2014], [Колесов 2016], [Кряхтунова 2009], [Макурова, Хизик 2018], [Печерская 2001], [Прохоров, Стернин 2007], [Руженцева 2022], [Стефанский 2012], [Фролова 2018]), что также подтверждает важность этого понятия в русской культуре.

Проанализируем трактовку понятия справедливости в толковых словарях: «Справедливость – 1. см. справедливый. 2. Справедливое отношение к кому-н., беспристрастие. Чувство справедливости. Поступить по справедливости. Отдать справедливость кому-чему (книжн.) – признать за кем-чем-н. какие-н. достоинства, правоту, отдать должное» [Ожегов 2005]. В тематическом философском словаре указывается, что «справедливость может выступать в самых разных формах: нравственного идеала и морального требования к миру и человеку, цели человеческой деятельности и меры поступков человека и т.д. Она касается абсолютно всех сфер жизни людей – политики, экономики, права, семейных отношений и др., являясь основанием общественного идеала» [Некрасова 2008: 140–141]. Согласно сингалскому словарю, «справедливость – это 1. Равноправие; правильная вещь. 2. Право, теория. Причина, которая помогает понять точку зрения. 3. Практика. 4. Случай (1. සාධාරණය; හරි දෛය, නිවරදි දෛය; 2. නීතිය, නියාය; කල්පණක් අවබෝධ කරවීමට ඉවහල් කරගන්නා හේතුව; 3. වියවහාරය 4. නඩුව¹)» [විජයතුංග 1984].

На наш взгляд, очень точное определение справедливости в понимании русских дают в своей работе И.А. Стернин и Ю.Н. Прохоров: «Справедливость русский менталитет трактует как фактическое равенство для всех, как потребность в общей уравнительности... Для традиционного русского сознания характерно стремление к равенству для всех... идея об обязательном равенстве доступа к материальным благам, материальным правам для всех, постоянная борьба с привилегиями отдельных людей и групп людей, устойчивое стремление к тому, чтобы у всех все было, но ни у кого не было бы больше других... Любое богатство русский менталитет считает нажитым нечестно – его справедливо отнять и отдать бедным и обиженным, т.е. тем, у кого богатства нет» [Прохоров, Стернин 2007: 115]. В.В. Колесов обращается к истории этого понятия и приходит к похожему выводу о том, что для русских справедливость выражается в равенстве: «Справедливость – решение или действие, принимаемые согласно праву по чувству долга; “долг и право” в отношениях между

---

¹ Здесь и далее перевод с сингалского Васкадуве С.С.Т.

людьми, “правда-истина” в связях человека с обществом – все это нерасторжимо слито в двоичных единствах. Семиотически С. – это совместное (приставка с-) право, устремленное к правде в достижении праведности – цепь производных, отражающих становление категории в общественном бессознательном. Старорус. (1537) от *справедливый* ‘сделанный по правде, по правоте, по совести’ (1438) при наличии синонима *справедливство* (1504). В XVIII в. термин стал результатом переосмысления латинского, заменяя исконное русское сочетание “долг и право” (правда), что отчасти скрыло за формулой взаимные соотношения между долгом (обязанность) и правом (справедливость). – Совр. ‘соответствие житейской практики общим законам, обычаям и нормам’; диал. ‘верность, искренность’, справедливый ‘честный’, ‘правильный’, ‘настоящий’, ‘здоровый’. <...> Мы говорим о справедливости, основывающейся единственно на сознании людей, на справедливости, которую вы найдете у каждого человека... и суть которой передается одним словом: равенство» [Колесов 2016: 58].

Выделенные особенности трактовки понятия «справедливость» в той или иной культуре можно выявить только при сопоставлении с другой культурой. Эту мысль подтверждают разные исследователи: «Справедливость как основной принцип распределения добра и зла в обществе и “нравственно приемлемая мера конфликтности человеческих взаимоотношений” не может не отражать культурные традиции этого общества и не быть отмеченной этнокультурной спецификой» [Воркачев 2011]. Д.А. Гармаш при анализе фразеологизмов со значением «справедливость» в языковой картине мира английского и русского народов также делает вывод о том, что выявленные как универсальные, так и национально специфичные особенности обусловлены «особенностями национального менталитета, историческими реалиями и спецификой образа жизни каждого этноса» [Гармаш 2022: 27]. В данной статье мы приводим результаты сопоставления представлений о справедливости в сингальской и русской лингвокультурах.

Методы исследования

Целью данной статьи является сопоставление образа справедливости в языковом сознании носителей русской и сингальской лингвокультур, выявление универсального и специфического в представлениях о справедливости.

Основной метод этого исследования – свободный ассоциативный эксперимент, проведенный в Шри-Ланке (возрастная группа испытуемых – 17-25 лет, среди которых были представители как мужского, так и женского пола). Для анализа было отобрано 500 анкет (250 мужских и 250 женских). В данной статье мы проанализируем данные, полученные на стимул **справедливость**. Результаты свободного ассоциативного эксперимента мы сравнили с данными Славянского ассоциативного словаря [САС]. Поскольку количество респондентов в нашем эксперименте и в САС было разным (500 и 592), при анализе мы использовали процентное соотношение.

Основным методом анализа был семантический дифференциал, предложенный Ю.Н. Карауловым [Караулов 2000]. Ученый полагал, что «семантический гештальт представляет собой одну из структур, с помощью которых можно упорядочить состав ассоциативного поля» [Там же: 107–108]. Гештальт – это структура поля, выстраивающаяся на основе семантического анализа (классификации) входящих в поле реакций и состоящая из семи (плюс/минус двух) семантических зон,

«каждая из которых является характеристикой некоторого существенного признака соответствующего референта. Из совокупности этих признаков и складывается интенционал ассоциируемого стимула, обобщенный образ частички мира, стоящей за данным словом» [Там же]. Сам автор метода семантического дифференциала так объясняет его суть: «От словного сопоставления одноименных ассоциативных полей естественно перейти к сравнению их семантических структур. Дело в том, что большинство ассоциативных полей обнаруживает особую внутреннюю семантическую организацию своего состава, названную мною “семантическим гештальтом” и характеризующую поле как единицу знания о мире, соотнося его строение с отраженной в нем структурой реальности» [Караулов 2000: 194]. Следовательно, использование данного метода при анализе предполагает разделение на семантические группы всех реакций на определенный стимул. В нашем исследовании мы выделили группы: КТО, ЧТО, КАКОЙ, ЧТО ДЕЛАЕТ, ГДЕ и ДРУГИЕ. К последней мы отнесли все реакции, которые не вошли в иные группы.

Результаты и дискуссия

Далее приведем анализ ассоциативных полей на стимул **справедливость**, распределенных в соответствии с семантическим гештальтом.

Таблица №1

Семантический гештальт на стимул *справедливость*: группа КТО

Сингальская лингвокультура 500+147+42+98	Русская лингвокультура
<p>විජය කුමාරතුංග (Виджая Кумаратунга) 6; දේශපාලනය (политик) 4, නාන්තා (папа), නීතිඥයා (юрист), පුරන් අප්පු (Пуран Аппу), ගැහැණිය (женщина), මම (я), මහින්ද රාජපක්ෂ (Махинда Раджапакса), රජවරු (короля), අධිරජ ධර්මාගයේක (царь Дхармашока), අරජුන් මහේන්ද්ර (Арджун Махендра), ඇරේ (Аггоя), කාන්තාවන් (женщины), කොළො (мальчик), චංගුම් (Чангым), චණ්ඩියකේ (хулиган), චේ (Че (Гавера)), ජීවන් කුමාරණතුංග (Дживан Кумаратунга), තුලාවක් ගත් කන (женщина, у которой есть весы), නළුවකු (актер), පරවියා (голубь), මල්කි (Малки), මාව (мне), යාළුවා (друг), රංජන් (Ранджан), රවි කරුණානායක (Рави Карананаяке), රවින්ද්‍ර (Равинду), රොබින්හුඩ් (Робин Гуд), චිමල් චිරවංග (Вимал Вираванса), සාධාරණ මිනිසා (честный человек) 1. Всего 35 = 7%.</p>	<p>Бог 4; судья 3; брат, для студентов, Фемида, Зорро, ко мне, к человеку, людей, она, Христа, человека 1. Всего 17 = 2,87%.</p>

При анализе реакций на стимул **справедливость** в группе КТО (таблица №1) видим, что в сингальской лингвокультуре (далее СЛК) эта группа занимает большее место (7%), чем в русской (2,87%), что показывает важность персонификации справедливости для сингальской лингвокультуры. Если посмотреть на реакции в группе КТО, относящиеся к СЛК, станет ясно, что большинство из них – это прецедентные

феномены, среди которых можно увидеть как имена исторических персонажей (පුරන් අප්පු (*Пуран Аппу*), අධිරජ ධර්මාගේක (*царь Дхармашока*), රොබින්හුඩ් (*Робин Гуд*)), так и наших современников (විජය කුමාරතුංග (*Виджая Кумаратунга*), මහින්ද රාජපක්ෂ (*Махинда Раджапакса*), අර්ජුන් මහේන්දර (*Арджуна Махендра*), චේ (*Че Гевара*), ජීවන් කුමාරතුංග (*Дживан Кумаратунга*), රවි කුරුණානායක (*Раби Карананаяке*), විමල් වීරවංශ (*Вимал Вираванса*)); имена персонажей, которые защищали справедливость (විජය කුමාරතුංග (*Виджая Кумаратунга*), පුරන් අප්පු (*Пуран Аппу*), චේ (*Че Гевара*), රොබින්හුඩ් (*Робин Гуд*)) и тех, кто ее нарушал (අර්ජුන් මහේන්දර (*Арджуна Махендра*), රවි කුරුණානායක (*Раби Карананаяке*)). Помимо имен национальных героев Шри-Ланки среди реакций группы КТО можно было увидеть и имена представителей иных культур (так, ср. අධිරජ ධර්මාගේක (*царь Дхармашока*) и චේ (*Че Гевара*), රොබින්හුඩ් (*Робин Гуд*)). Более того, среди этих реакций были и персонажи, прославившиеся благодаря сериалам (ඇරෝ (*Аро*), චංඡුම් (*Чангуми*)).

Самый высокий процент реакций в группе КТО в СЛК получил විජය කුමාරතුංග (*Виджая Кумаратунга*) (1945 – 1988) – популярный актер, певец и политик Шри-Ланки второй половины XX века, снявшийся в 114 фильмах. Официально он был актером, но истинным призванием Виджая Кумаратунга была политика. Он активно занимался ею и был инициатором ширококомасштабных кампаний протеста в своей стране против лишения Сиримы Бандаранаике² гражданских прав в 1980 году. Благодаря своей политической деятельности Виджая Кумаратунга является одной из значимых политических фигур Шри-Ланки, решительно выступавшим за справедливость [Jeugaj 2018].

Глядя на имена исторических персонажей, мы отметили, что среди них только одно носит локальный характер. Это පුරන් අප්පු (*Пуран Аппу*) (1812 – 1848) – национальный герой Шри-Ланки. Рожденный в обычной семье, он в 1848 году возглавил борьбу за свободу против британского колониального господства и несправедливых налоговых законов, поэтому в языковом сознании шриланкийцев он запечатлен как герой, борющийся за справедливость.

Среди реакций есть අර්ජුන් මහේන්දර (*Арджуна Махендра*) и රවි කුරුණානායක (*Раби Карананаяке*). В последнее время эти люди считаются олицетворением несправедливости в Шри-Ланке. Арджуна Махендра известен как управляющий Центрального банка Шри-Ланки, а Раби Карананаяке – министр финансов правительства с 2015 по 2017 год. Исторически сложилось так, что Арджуна Махендра обманул Центральный банк и правительство на миллиарды рупий посредством незаконных транзакций, а назначивший его на этот пост министр финансов оказывал ему поддержку.

විමල් වීරවංශ (*Вимал Вираванса*) также является известным политиком, занимавшим различные министерские должности в Шри-Ланке. Хотя он выступал за национальные интересы, его время от времени обвиняли в различных нарушениях.

Таким образом, можем видеть, что эти люди (අර්ජුන් මහේන්දර (*Арджуна Махендра*), රවි කුරුණානායක (*Раби Карананаяке*), විමල් වීරවංශ (*Вимал Вираванса*)) выступают в языковом сознании сингальцев как противоположность справедливости (олицетворение несправедливости).

² Сирима Бандаранаике несколько раз занимала пост премьер-министра Шри-Ланки и стала первой женщиной – премьер-министром в мире; последующие правительства приостановили ее гражданские права.

Появление реакции මහින්ද රාජපක්ෂ (*Махинда Раджапакса*) можно расценивать неоднозначно. С одной стороны, этот человек известен как национальный герой благодаря своему политическому лидерству. Он положил конец 30-летней террористической угрозе в Шри-Ланке в 2009 году, но попал в немилость общества из-за коррупционных скандалов, случившихся во время его правления, а также из-за того, что большая часть государственной власти была передана членам его семьи.

Таким образом, в СЛК реакции на стимул **справедливость** в группе КТО среди прецедентных феноменов чаще всего представлены персонажами, связанными с политикой; это указывает на то, что политика занимает важное место в формировании образа справедливости в картине мира шриланкийцев.

Че Гевара и Робин Гуд – имена, ставшие символами борьбы простых людей против несправедливости правящего класса. Мы также обнаружили их среди реакций в СЛК (චෙ (Че (Гевара)), රොබින්හුඩ් (Робин Гуд)).

Еще две примечательные реакции – ඇරෝ (*Arrow*) и චංගුම් (*Чангым*) – были замечены нами в ответах сингалских респондентов. ඇරෝ (Arrow) был главным героем американского телесериала «Стрела» о супергероях, созданного Грегом Берланти, Марком Гуггенхаймом и Эндрю Крайсбергом на основе популярных комиксов компании DC comics «Зеленая стрела» (выходил в эфир с 2012 по 2020 гг.). Чангуми (Чангым) был главным героем южнокорейского сериала Де Чангым (Великий Чангым), также известного как «Жемчужина во дворце», снятого Ли Бён Хоном в 2003 году. Оба этих зарубежных телесериала были популярны среди жителей Шри-Ланки, и, видимо, их персонажи ассоциируются со справедливостью в языковом сознании шриланкийцев.

В СЛК можно увидеть реакции, связанные с обыденной жизнью человека: (නානා (*nana*), ගැහැණිය (*женщина*), මම (*я*), කන්තාවන් (*женщины*), කොල්ලා (*мальчик*), මල්කි (*Малки – имя*), මාව (*мне*), යාළුවා (*друг*), රංජන් (*Ранджан – имя*), රවිඳු (*Равинду – имя*), සාධාරණ මිනිසා (*честный человек*)).

В языковом сознании носителей русской лингвокультуры **справедливость** связана в первую очередь с религией (на это указывают реакции Бог 4; Христа 1) и судопроизводством (судья 3, Фемиды 1). Большое место понятие **справедливости** занимает также в жизни обычного человека (*брат, для студентов, ко мне, к человеку, людей, она, человека*). Можно выделить реакцию *брат*, которая, как нам кажется, обозначает в данном случае не родственные связи, а отношения между людьми, в которых важна взаимоподдержка. Единственное прецедентное имя, которое встречается среди ответов респондентов – Зорро – относится к герою романа Исабель Альенде «Зорро. Рождение легенды», который, как и одноименный фильм, был очень популярен в России. Этот персонаж напоминает известного во всем мире Робин Гуда, который пытается выстроить справедливость в обществе так, как понимает ее сам.

Близкими по значению реакциями можно считать ассоциации *судья* в русской лингвокультуре (далее РЛК) и නීතිඥයා (*юрист*) в СЛК. Судья и юрист воспринимаются как люди, относящиеся к правосудию. Других общих реакций, относящихся к этой группе, не было обнаружено.

Таблица №2

Семантический гештальт на стимул **справедливость**: группа ЧТО

Сингальская лингвокультура	Русская лингвокультура
<p>සාධාරණය (равноправие) 94; නීතිය (закон) 27; අසාධාරණය (неравноправие) 22; අයුක්තිය (несправедливость) 14; කඩුව (меч), නඩුව (случай), යුක්තිය (справедливость), තරඳිය (весов), චිත්‍රපට (фильмы), යුද්ධය (война), සත්‍යය (правда) 4; අධිෂ්ඨානය (решимость), ඇත්ත (правда), නිදහස (свобода), හරි දේ (правильная вещь) 3; අභිමානය (гордость), ජීවිතය (жизни), දුක (страдание), නීතියේ ප්රතිමාව (Статуя Закона), වගකීම (обязанности), විශ්වාසය (вера), ශක්තිය (сила), සටන (битва), හමුදාව (армия) 2; අධිරාජ්යය (империя), අයහපත (зло), අයිතිය (право), අයිතිවාසිකම (право), අරගලය (борьба), ආවේගය (импульс), ආඩම්බරයක් (гордость), ආණ්ඩුව (правительство), උසාවි නීත්ය (решения суда), උසාවියේ පිළිමය (идол суда), එකමුතුකම (единство), කළකිරීම (разочарование), කාටුන් (мультфильм), ක්රීඩාව (игра), ගතිගුණ (черты), ගරු කිරීම (уважение), ගෞරවය (уважение), ජයග්රහණය (победа), ජාතිය (нация), ටලෙනාටය (телевизионные драмы), නුරුණු බව (юность), නරග (соревнования), නුවක්කුව (пистолет), නීති විද්යාව (Юриспруденция), පන්ති හඳෙය (классовое разделение), ප්රජාතන්ත්‍රවාදය (демократия), ප්රතිපත්ති (политика), ප්රවාතන්ති (новости), බලය (сила), බොරු (ложь), මරණය (смерть), යථාර්ථය (реальность), යුතුකම (обязанность), රජය (правительство), වගකීම (обязанности), විසඳුම (решение), ශක්තිමත් අතක් (сильная рука), ගිණිය සංගම (студенческие союзы), සාමය (мир), සිනහව (улыбка), හමුදාව (армия), හඳ සාක්ෂිය (совесть), Highlander Cartoon (Горец мультфильм), JVP (название партии) 1. Всего 263 = 52,6%.</p>	<p>правда 36; честность 35; закон 26; добро 18; несправедливость 11; ложь 10; зло 6; редкость, честь 5; вера 4; верность, законность, истина, мир, наказание, неравенство, обман, правосудие, радость 3; ерунда, право, равенство, разум, совесть, справедливости ради, торжество, уважение, утопия 2; банка варенья, борьба, бред, вера в нее, весы, вечна, выбор, гордость, горе, дела, демократия, дерьмо, доброта, души, жизнь; закон, и честность, и честь, качество, коварство, личность, любовь, мафия, меч, нелепость, ненависть, несбыточное, несерьезность, н р а в с т в е н н о с т ь, оправданность, основа, отношение, отсутствие, порок, права, правильность, преданность равновесие, равноправие, расплата, рассудительность, родство, рыцарь, свобода, сердечность, старец, стул, судьба, счастье, торжествование, торжествовать, тупость, удовольствие, ум, фильм, фуфло, хрен, цель, цель жизни, черта, чувство 1. Всего 261 = 44,08%.</p>

Как видно из таблицы №2, Группа ЧТО является группой с самым высоким процентом реакций как в СЛК, так и в РЛК (52,6% и 44,08% реакций соответственно).

В группе ЧТО в РЛК *правда* (36 = 6,08%) и *честность* (35 = 5,91%) стоят на первой и второй позициях с разницей в одну реакцию. Как было установлено выше, **справедливость** в группе КТО в русской языковой культуре ассоциируется с религией. Это согласуется с идеей, высказанной П.А. Рачковым о том, что понятия

«справедливость», «правда» и «честность» заложены сформировались в сознании носителей русской культуры по отношению друг к другу на религиозной основе: «Правда и справедливость наряду с красотой входят, таким образом, в наше сознание как цель и регулятор важнейших ценностно-смысловых идей и представлений. Названные понятия-ценности издавна и глубоко проникли во все формы общественного сознания, в особенности в религию, и, в частности, в христианство. В последнем, например, все, что связано с Богом, трактуется в терминах правды, истины и справедливости: пути Господа праведны и истинны; Он, будучи носителем и олицетворением абсолютной справедливости, творит правду: все Его заповеди основаны на истине и правоте; все откровения есть правда и совершенная истина; лучшей доли достойны те, кто следует правде и говорит истину (т.е. праведники). При этом правду людей Господь определяет как свет, а справедливость как полдень» [Рачков 2006]. Доминирующие признаки в ряде лексических средств выражения идеи справедливости в русском языке распределяются преимущественно между лексемами «правда» и «справедливость», которые обе, таким образом, могут претендовать на название соответствующего лингвокультурного концепта [Воркачев 2009]. В СЛК было только 3 реакции *ඇත්ත* (*правда*) и не было ни одной реакции *честность*.

Среди реакций в ядре группы ЧТО две реакции – *закон* и *несправедливость* – имеют очень близкую частотность в СЛК и в РЛК (*закон* – в СЛК 27 = 5,4 % и РЛК 26 = 4,39 %; *несправедливость* в СЛК 14 = 2,8 % и в РЛК 11 = 1,85 %). В СЛК «නීතිය හා යුක්තිය» (*закон и справедливость*) – это два понятия, которые часто используются вместе. Один из примеров, который может доказать это, – в учебнике по гражданскому воспитанию в программе средней школы Шри-Ланки первый урок называется «закон и справедливость». Кроме того, есть книга под названием «නීතිය, යුක්තිය සහ අධිකරණය» («Закон, справедливость и суд») [නට්ටුගේ, 2016].

В обеих лингвокультурах представлена и антонимичная реакция: в СЛК *අයුක්තිය* (*несправедливость*) 14; в РЛК *නොසාධනීය* 11.

Еще одна особенность, которую можно было увидеть среди реакций в СЛК, заключалась в том, что часть из них так или иначе обозначала один из символов правосудия – богиню Фемиду: නීතියේ ප්‍රතිමාව (*Статуя Закона*) 2; උසාවියේ පිළිමය (*идол суда*), නූලාවක ගත් කන (*женщина, у которой есть весы*) 1. Точно так же среди ответов можно было увидеть и другие символы, связанные с образом закона (කඩුව (*меч*), තරාදිය (*весы*) 4). Как и в СЛК, в РЛК встречались реакции *весы* 1 и *меч* 1.

Анализ реакций показал, что и в русской, и в сингальской лингвокультурах **справедливость** ассоциируется с законом и судебной системой. В СЛК на это указывают реакции *නීතිය* (*закон*) 27; කඩුව (*случай*), තරාදිය (*весы*) 4; නීතියේ ප්‍රතිමාව (*Статуя Закона*), අයිතිය (*право*), අයිතිවාසිකම (*право*), උසාවි තීන්දු (*решения суда*), උසාවියේ පිළිමය (*идол суда*), නීති විද්‍යාව (*юриспруденция*) 1; в РЛК – *закон* 26; *законность, наказание, правосудие* 3; *право* 2; *весы, закон, меч, оправданность, права* 1. Соответственно, можно сделать вывод о том, что в сознании людей в сопоставляемых лингвокультурах существует убеждение, что закон и судебная система должны защищать справедливость.

Далее, реакции на стимул **справедливость** показывают, что справедливость также ассоциируется с политикой, но эту ситуацию можно было увидеть больше на материале СЛК, чем на материале РЛК (в СЛК – යුද්ධය (*война*) 4; නිදහස (*свобода*) 3; සටන (*битва*), නමුදාව (*армия*) 2; අධිරාජ්‍යය (*империя*), අරගලය (*борьба*), ආණ්ඩුව (*правительство*),

පන්ති භේදය (классовое разделение), ප්‍රජාතන්ත්‍රවාදය (демократия), ප්‍රජාතන්ත්‍ර (политика), ප්‍රවාහන්ති (новости), බලය (сила), රජය (правительство), ශිෂ්‍ය සංගම් (студенческие союзы), සාමය (мир), JVP (название партии) 1; в РЛК – борьба, выбор, демократия 1).

Таблица №3

Семантический гештальт на стимул *справедливость*: группа КАКОЙ

Сингальская лингвокультура	Русская лингвокультура
නිවැරදි (правильная) 2; අනිවාර්ය (обязательная), අසාධාරණ (несправедливая) තරක (плохая), නීතිගරුක (законопослушная) 1. Всего 6 = 1,2%.	жестокая, редкая, 2; адекватная, божественный, красный, моя, ненужная, правдивая, правильная, равный, светлое, слепая, точная, умный, чистый 1. Всего 19 = 3,2%.

Группа КАКОЙ (таблица №3) оказалась самой малочисленной как в СЛК, так и в РЛК (процентное соотношение реакций в ней равнялось 1,2% и 3,2% соответственно). Представители обеих лингвокультур давали как положительные реакции (в СЛК – නිවැරදි (правильный) 2; අනිවාර්ය (обязательный), නීතිගරුක (законопослушный) 1; в РЛК – редкая 2; адекватная, правдивая, правильная, равный, светлое, точная, умный, чистый 1), так и отрицательные (в СЛК – අසාධාරණ (несправедливый) තරක (плохой) 1; в РЛК – жестокая 2; беззаконие, ненужная, слепая 1. Среди реакций в русской лингвокультуре можно было увидеть реакцию, относящуюся к сфере религии (божественный).

Таблица № 4

Семантический гештальт на стимул *справедливость*: группа ЧТО ДЕЛАЕТ

Сингальская лингвокультура	Русская лингвокультура
ඉටු කිරීම (исполнять) 10; ඉටු නොවීම (не выполняется), ඉටු වීම (исполнять) 4; ඕන (хочу), 3; පසිඳලීම, රකින්න (храни) 2; උදව් කිරීම (помочь), කඩකිරීම (нарушать), කැමතියි (нравится), ගනගන්නවා (бороться), දිනනවා (победить), රකිනවා (хранить), සටන් කිරීම (бороться) 1. Всего 32 = 6,4%.	восторжествует 39; восторжествовала 21; торжествует 10; отсутствует 6; не существует 5; должна восторжествовать 2; будет, была, вешать, восстановлена, восторжествуют, всегда торжествует, гласит, делать, исчезла, которая восторжествует, надо вершить, побеждает, продана, существует, требует, умерла, устроим 1. Всего 100 = 16,89%.

При изучении реакций группы ЧТО ДЕЛАЕТ (таблица №4) на стимул *справедливость* было замечено, что процент реакций в РЛК (100 = 16,89%) примерно в три раза выше, чем процент реакций в СЛК (32 = 6,4%). Кроме того, можно увидеть отличия в содержании самих реакций. Так, в СЛК глаголы имеют значение активного действия, когда результат зависит от действующего лица: ඉටු කිරීම (исполнять) 10; ඉටු වීම (исполнять) 4; ඕන (хочу) 3; පසිඳලීම, රකින්න (храни) 2; උදව් කිරීම (помочь), කඩකිරීම (нарушать), කැමතියි (нравится), ගනගන්නවා (бороться), දිනනවා (победить), රකිනවා (хранить), සටන් කිරීම (бороться) 1, и только один пассивный глагол – ඉටු නොවීම (не выполняется) 4, – где сложно определить, кем именно не выполняется действие. В РЛК большинство глаголов,

обозначающих действие, относятся к самой справедливости: *восторжествует 39; восторжествовала 21; торжествует 10; отсутствует 6; не существует 5; должна восторжествовать 2; будет, была, вешать, восстановлена, восторжествуют, всегда торжествует, гласит, исчезла, которая восторжествует, побеждает, продана, существует, требует, умерла 1*. И лишь небольшое количество ассоциаций может относиться к другому субъекту: *делать, надо вершить, устроим*. Интересные выводы можно сделать, если мы разделим глаголы, относящиеся именно к справедливости по их временной соотнесенности.

Таблица №5

Прошедшее время	Настоящее время	Будущее время
восторжествовала 21; была, восстановлена, исчезла, продана, умерла	торжествует 10; отсутствует 6; не существует 5; всегда торжествует, гласит, побеждает, существует, требует	восторжествует 39; должна восторжествовать 2; будет, восторжествуют, которая восторжествует
26	26	44

Из таблицы №5 мы видим, что для носителей русской лингвокультуры справедливость находится в будущем или в прошлом, в настоящем же есть деление на то, что она *все-таки торжествует 10, всегда торжествует, гласит, побеждает, существует, требует* и *отсутствует 6; не существует 5*. Стоит отметить и наиболее частотный глагол, который здесь используется – *торжествовать* и его формы, а также однокоренные с ним глаголы (*восторжествует 39; восторжествовала 21, торжествует 10; должна восторжествовать 2; всегда торжествует, восторжествуют, которая восторжествует 1* – всего 74 словоупотребления), которые относятся к высокому стилю.

Таблица №6

Семантический гештальт на стимул *справедливость*: группа ГДЕ

Сингальская лингвокультура	Русская лингвокультура
උසාවිය (суд) 32; අධිකරණය (суд) 16; පොලීසිය (полиция) 9; පාර්ලිමේන්තුව (парламент) 2; කන්තාරය (пустыня), මාතා භූමිය (родина), විශ්ව විද්‍යාලය (университет), හිර ගදෙර (тюрьма) 1. Всего 63 = 12,6%	суд 28; в мире, в отношениях всегда, в споре, земля, милиция, на земле, на свете, небо, полиция, тюрьма 1. Всего 40 = 6,75%

В группе ГДЕ (таблица №6) было почти в два раза больше реакций в СЛК (63 = 12,6%), чем в РЛК (40 = 6,75%). Среди реакций этой группы на первом месте в РЛК стоит *суд*. Среди реакций в СЛК *суд* также занимает первое (*උසාවිය (суд)*) и второе (*අධිකරණය (суд)*) места. *පොලීසිය (полиция)* – это слово с наибольшим количеством реакций после *суда* в СЛК. В РЛК также присутствуют единичные реакции *полиция* и *милиция*. Более того, реакция *тюрьма* встречалась по одному разу среди реакций в обеих лингвокультурах. Важный вывод, который из этого вытекает, заключается в том, что для представителей обеих языковых культур понятие «справедливости»

ассоциируется с институтами, которые вершат правосудие (СЛК – උසාවිය (суд) 32; අධිකරණය (суд) 16; පොලීසිය (полиция) 9; පාර්ලිමේන්තුව (парламент) 2; හිර ගදෙර (тюрьма) 1; РЛК – суд 28; милиция, полиция, тюрьма 1). Можно отметить конкретность этих реакций, поскольку они обозначают организации. В РЛК можно выделить абстрактные реакции, не связанные с какими-либо организациями и их месторасположением и претендующие на всеобщность: *в мире, земля, на земле, на свете, небо*. В СЛК мы не увидели таких реакций.

Таблица №7

Семантический гештальт на стимул *справедливость*: группа ДРУГИЕ

Сингальская лингвокультура	Русская лингвокультура
අවශ්‍යය (нужно) 10; නැහැ (нет), හොඳය (хорошо) 5; සැමටම (для всех) 3; කවදාවත් නැත (никогда) 2; අත්‍යාවශ්‍යය (очень нужно), ඇත්තම නැ (не совсем), එහෙම එකක් නැ (такого нет), එළ (круто), නොමැති (нет), රජකරන (, ලංකාවේ නැ (нет в Шри-Ланке), වටිනවා (дорого), සමානව (в равной степени), සදාචාර වීම (быть моральным), සැම වටම (всегда), සියලුම නැති වීම (потеря всего), Little finger මැරීම (Убить мизинец) 1. Всего 38 = 7,6%.	нет 14; хорошо 10; для всех, есть 8; всегда 6; нет ее, редко 3: да, должна быть, ее нет, правильно, у каждого своя 2; браво, верно, во всем, во имя жизни, вопреки, но не везде, все по мере заслуг, где, где она?, главное, да здравствует, или есть или нет, карающая, мало, не бывает, не для нас, не дождетесь, необъективно (нет ее), ничего не приходит в голову, нужна, нужное в этом обществе, ответ людей на ложь, превыше всего, прежде всего, ради, строй, субъективна, у нас?, честно, этого есть, это хорошо 1. Всего 97 = 16,38%.

В этой группе (таблица №7) было примерно в два раза больше реакций в РЛК (97 = 16,38%), чем в СЛК (38 = 7,6%). Большинство реакций этой группы показывают, что респонденты не верят в существование справедливости. Это можно увидеть в обеих лингвокультурах (в СЛК – නැහැ (нет) 5; කවදාවත් නැත (никогда) 2; ඇත්තම නැ (не совсем), එහෙම එකක් නැ (такого нет), නොමැති (нет), ලංකාවේ නැ (нет в Шри-Ланке) 1; в РЛК – нет 14; нет ее 3: ее нет 2; но не везде, или есть или нет, не бывает, не для нас, не дождетесь, необъективно (нет ее) 1). Однако в обеих этих лингвокультурах были реакции, которые показывали, что справедливость необходима (в СЛК – අවශ්‍යය (нужно) 10; අත්‍යාවශ්‍යය (очень нужно) 1; в РЛК – должна быть 2; нужна, нужна, нужное в этом обществе, превыше всего, прежде всего 1).

Резюме

Таким образом, сопоставительный анализ представления о справедливости у носителей сингальской и русской лингвокультуры, проведенный на материале ассоциативных полей стимула *справедливость* показал, что в них есть общее и специфическое. К универсальным представлениям о справедливости можно отнести следующее: в сознании носителей обеих лингвокультур справедливость ассоциируется с правом и судебной системой (судья, නීතිඥයා (юрист), නීතිය (закон) 27, අයිතිවාසිකම (право), උසාවි නීතිඳු (решения суда), උසාවියේ ජිලිමය (идол суда), නීති විද්‍යාව (юриспруденция), законность, наказание, правосудие 3;

право 2; весы, закон, меч, оправданность, права). В обеих лингвокультурах представлена и антонимичная реакция: в СЛК අයුක්තිය (несправедливость) (14); в РЛК *несправедливость* (11). К специфическим чертам можно отнести то, что в сознании носителей СЛК представление о справедливости в большей степени связано с политикой, а в сознании носителей РЛК – с христианством. Для сингальской лингвокультуры важна персонификации ‘справедливости’, т.е. имена людей, которые являются олицетворением справедливости или несправедливости. В своем большинстве это политические деятели, что еще раз подтверждает мысль о большей политизированности шриланкийцев, чем россиян. В РЛК справедливость в первую очередь ассоциируется с *правдой* (36) и *честностью* (35) – они стоят на второй и третьей позициях, а первое место занимает реакция *восторгается* (39), что говорит о вере россиян в справедливость в будущем. Интересно, что в СЛК ‘справедливость’ ассоциируется с институтами, которые вершат правосудие (උසාවිය (суд) 32; අධිකරණය (суд) 16; පොලීසිය (полиция) 9; පාර්ලිමේන්තුව (парламент) 2; නිර ගෙදර (тюрьма)), а в РЛК наряду с этим (суд 28; милиция, полиция, тюрьма 1) можно увидеть такие реакции, как *в мире, земля, на земле, на свете, небо*.

© Васакуве С.С.Т., Харченко Е.В., 2023

Литература

Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. М.: Литература, 1998. 1931 с.

Быстрицкая М.А. Технологический цикл освоения лингвокультурного концепта «справедливость» // Русский язык в школе. 2016. № 2. С. 7–10.

Воркачев С.Г. Правды ищи: идея справедливости в русской лингвокультуре. Волгоград: Парадигма, 2009. 190 с.

Воркачев С.Г. Справедливость в английской лексикографии: имя концепта // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2011. № 13. С. 35–41.

Воробьева И.А. Анализ речевого употребления лексем «справедливость / justice» в языковых корпусах // Филология и человек. 2020. № 2. С. 7–18.

Гармаш Д.А. Фразеологизмы со значением справедливость в английском и русском языках: структура, семантика // Новые горизонты русистики. 2022. № 17. С. 23–28.

Достоевский Ф.М. Записки из мертвого дома. Москва: Издательство Юрайт, 2021. 242 с. // Собрание сочинений в 15-ти томах (т. 3). Л., Наука, 1988. 575 с. URL: <https://urait.ru/bcode/476878> (дата обращения: 12.06.2023).

Исаева Ю.С. Репрезентация концептов «закон» и «справедливость» в немецких пословицах // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2014. № 5 (691). С. 61–71.

Караулов Ю.Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной цепи // Языковое сознание и образ мира. Сборник статей / отв. ред. Уфимцева Н. В. М.: Институт языкознания РАН. 2000. С. 191–206.

Колесов В.В. Концептуальное поле русского сознания: правда права и справедливость // Политическая лингвистика. 2016. № 6 (60). С. 51–65.

Кони А.К. Закон и справедливость. Судебные статьи и речи. М.: Эксмо, 2021. 640 с.

Кряхтунова О.В. Культурная регламентация и бенефициальность шифтерного концепта «справедливость» в русской лингвокультуре // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2009. № 2 (36). С. 31–35.

Макурова С.Р. Хизик Э.И. Концепт «справедливость» в английской и русской лингвокультурах // Вестник АГУ. Выпуск 3 (222). 2018. С. 70–73.

Печерская Н.В. Метаморфозы справедливости: историко-этимологический анализ понятия справедливости в русской культуре // Полис. Политические исследования. 2001. № 2. С. 132–146.

Платон. Диалоги Часть 2. / перевод. Соловьев М.С., Соловьев В.С., Трубецкой С.Н. Москва: Издательство Юрайт, 2023. 330 с. URL: <https://urait.ru/bcode/516016> (дата обращения: 12.06.2023).

Прохоров Ю.Е. Русские: коммуникативное поведение / Ю.Е. Прохоров, И.А. Стернин. М.: Флинта: Наука, 2007. 328 с.

Рачков П.А. правда-справедливости // Вестник Московского университета серия 7 философия. 2006. № 1. С. 83–107.

Руженцева Н.Б. Справедливость и несправедливость: речевое представление ценностей и антиценностей в современном медиадискурсе (на материале печатных СМИ) // Политическая лингвистика. 2022. № 2 (92). С. 52–59.

Рябов А.В., Курбангалеева Е.Ш. Базовые ценности россиян. М.: Дом интеллектуальной книги, 2003. 448 с.

Стефанский Е.Е. Русский концепт «справедливость» на фоне европейских лингвокультур // Категоризация действительности в языке и культуре. Международный сборник научных трудов по лингвокультурологии. Отв. ред. Е.Е. Стефанский. Самара, 2012. С. 26–34.

Фролова О.Е. Субъективное понимание концепта «справедливость» // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2018. № 3 (34). С. 154–169.

Jeyaraj D.B.S. Evergreen memories of actor-politician Vijaya Kumaratunga // *DailyFT e-paper*. 2018. URL: <https://www.ft.lk/Columnists/Evergreen-memories-of-actor-politician-Vijaya-Kumaratunga/4-649611>. Дата обращения: 03.01.2023.

හෙට්ටිගේ ඩී. ඩී. නීතිය, යුක්තිය සහ අධිකරණය. කොළඹ: සුසර ප්‍රකාශකයෝ, 2016. පි. 152. (hetṭigē ni. nītiya, yuktiya saha adhikaraṇaya. koḷamba: susara prakāśakayo, 2016. pi. 152. [Хеттиге Ни. Закон, справедливость и суд. Коломбо: Сусара, 2016. 152 с.]).

දැකීම / නීතිපති දෙපාර්තමේන්තුව URL: https://www.moj.gov.lk/index.php?id=22&itemid=169&lang=si&option=com_content&view=article. Дата обращения: 23.07.2023. (dækma / nītipati depārtumēntuva [Миссия / Генеральная прокуратура])

Словари

Белькович А.А. Сингальский Русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1970. 824 с.

Некрасова Н.А. Некрасов С.И. Садикова О.Г. Тематический философский словарь / Н.А. Некрасова, С.И. Некрасов, О.Г. Садикова. М.: МГУ ПС (МИИТ), 2008. 164 с.

Ожегов С.И. Словарь русского языка / под общ. ред. проф. Скворцова Л.И. М.: Издательский дом ОНИКС 21 век: 2005. 934 с.

САС – Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский / Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова, Ю.Н. Караулов, Е.Ф. Тарасов. М.: Институт языкознания РАН, 2004. 790 с.

Linguee – англо-русский словарь и система контекстуального поиска по переводам. URL: <https://www.linguee.ru/%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9%D0%B0%D0%BD%D0%B3%D0%BB%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA>

%D0%B8%D0%B9/search?source=auto&query=justice+and+fairness. Дата обращения: 02.01.2023.

විජයතුංග හ. ජරායෝගික සිංහල ශබ්දකෝශය. කොළඹ: සංස්කෘතික කටයුතු පිළිබඳ අමාත්‍යාංශය, 1984. පි. 1924 (*Vijayatumga Na. prāyōgika simhala śabdakōśaya. koḷam̃ba: saṃskṛtika kaṭayutu piḷibada amātyaṃśaya*, 1984. pi. 1924 [*Виджаятунга Х. Практический сингальский словарь. Коломбо: Министерство культуры, 1984. 1924 с.*]).

Сведения об авторах:

Васкадуве Сири Сарана Тхеро – Лаборант, Южно-Уральский государственный университет.

Контактная информация:

454080, Россия, г. Челябинск, пр. Ленина, 76.

ORCID: 0000-0003-0196-244X

e-mail: waskaduwesthero@gmail.com

Харченко Елена Владимировна – доктор филологических наук, профессор, Южно-Уральский государственный университет.

Контактная информация:

454080, Россия, г. Челябинск, пр. Ленина, 76.

ORCID: 0000-0002-0071-595X

e-mail: ev-kharchenko@yandex.ru

Для цитирования:

Васкадуве С.С.Т., Харченко Е.В. Ценностный аспект русской и сингальской культуры (на примере представления о справедливости в Шри-Ланке и России) // Вопросы психолингвистики №4(58) 2023, С. 109–123, doi: 10.30982/2077-5911-2023-58-4-109-123

UDC 811.111

LBC 81.83

DOI 10.30982/2077-5911-2023-58-4-109-123

Research article

**THE VALUE ASPECT OF RUSSIAN AND SINHALA CULTURES
(A CASE STUDY OF THE IDEA OF JUSTICE IN SRI LANKA AND RUSSIA)**

Siri S. T. Waskaduwe,

South Ural State University, Chelyabinsk, Russia

Elena V. Kharchenko,

South Ural State University, Chelyabinsk, Russia

Abstract

The purpose of this article is to compare the image of justice in language consciousness of the bearers of Russian and Sinhala languages. The study is based on the theory of language consciousness developed by Moscow School of Psycholinguistics. The main method of collecting material is a free associative experiment; in the analysis of the obtained reactions

the semantic gestalt approach proposed by Y.N. Karaulov as well as the comparison of associative fields in two languages (Sinhala and Russian) are used. As additional methods, the method of dictionary definitions and the analysis of Internet resources are employed. The analysis identified the universality and the specificity of the idea of justice among the speakers of studied language cultures. The study showed that in the language consciousness of the speakers justice is associated with law and judicial system. It can also be observed that in the minds of the bearers of the Sinhala language culture justice is more connected with politics, whereas in the minds of the bearers of the Russian language culture it is more connected with religion. Of particular interest is the personification of justice through the names of people in the Sinhala language culture.

Keywords: psycholinguistics, free association experiment, image of the world, Sinhala language, Russian language, justice

©Waskaduwe S.S.T., Kharchenko E.V., 2023

Bionotes:

Waskaduwe Siri Sarana Thero – Laboratory assistant of South Ural State University, Chelyabinsk

Contact information:

76, Lenina Av., Chelyabinsk, Russia, 454080

ORCID: 0000-0003-0196-244X

e-mail: waskaduwesthero@gmail.com

Elena V. Kharchenko – Doctor of Philology, Professor of South Ural State University, Chelyabinsk

Contact information:

76, Lenina Av., Chelyabinsk, Russia, 454080

ORCID: 0000-0002-0071-595X

e-mail: ev-kharchenko@yandex.ru

For citation:

Waskaduwe S.S.T., Kharchenko E.V. The value aspect of Russian and Sinhala cultures (on the example of the idea of justice in Sri Lanka and Russia) // Journal of Psycholinguistics. 4(58), 2023. P. 109–123. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2023-58-4-109-123 (In Russian)

УДК 811.161.1

ББК 81.411.2

DOI 10.30982/2077-5911-2023-58-4-124-137

Научная статья

**МЕТАФОРА С ОБЛАСТЬЮ-ИСТОЧНИКОМ
«ДРАГОЦЕННЫЙ КАМЕНЬ»
В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА**

Ма Цзя,

Кашицкий университет, Каши, Китай

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

Берендеева Мария Сергеевна,

Новосибирский государственный университет,

Новосибирск, Россия

Аннотация

Статья посвящена лингвокультурной специфике метафоризации драгоценных камней в русской языковой картине мира. Актуальность темы связана с широким использованием номинаций драгоценных камней в различных контекстах, основанных на метафоризации и образном представлении разнородных явлений. На основе «Большого толкового словаря русского языка» С.А. Кузнецова определена группа из 50 номинаций драгоценных, полудрагоценных и поделочных камней, рассмотрена выборка примеров из «Национального корпуса русского языка», включающая 296 контекстов с номинациями драгоценных камней. Посредством контекстного анализа и анализа концептуальной метафоры определено 6 основных признаков, которые становятся основанием для метафоризации с источником «Драгоценный камень» в русской языковой картине мира ('цвет', 'блеск', 'твердость', 'ценность', 'форма' и 'прозрачность'). В результате анализа определено, что метафоризация с компонентом «драгоценный камень» основана не только на природных свойствах камней, но и на признаках, формируемых в процессе вхождения представлений о драгоценных камнях в сферу представлений о человеческой деятельности, а признаки, являющиеся основанием для метафоризации, в большинстве случаев связаны с формированием положительного представления об объекте или явлении, выделяющемся из ряда подобных по особой интенсивности своих ключевых признаков.

Ключевые слова: метафора, область-источник метафоризации, языковая картина мира, концептуальная метафора, тематическая группа слов

Введение

В рамках современных исследований языковой картины мира особую актуальность приобретает когнитивный подход к метафоре, предполагающий понимание метафоры в качестве механизма формирования отдельных фрагментов национальных картин мира. Данная работа посвящена моделированию представлений о драгоценных камнях в русской языковой картине мира с определением тех ключевых особенностей камней, которые формируют в языковой картине мира когнитивные признаки, выступающие в качестве источника для метафорического осмысления явлений из других концептуальных сфер.

Представления о драгоценных камнях являются потенциально значимым универсальным источником метафоризации, так как объединяют в себе когнитивные признаки, связанные как со сферой натурфактов и концептосферой природы, так и со сферой артефактов, что создает предпосылки для формирования тесной когнитивной связи между представлениями о природных свойствах камня и представлениями о быте и деятельности человека, обрабатывающего камни и минералы. Кроме того, именно представления о драгоценных камнях формируют ядро концептуальной сферы ЮВЕЛИРНОЕ ДЕЛО, объединяющей представления о виде декоративно-прикладного искусства, традиционно связанном с особой ценностью как сырья, так и результатов труда.

В современной русистике ряд исследований посвящен номинациям драгоценных камней в различных аспектах: так, в работах Е.П. Елисейевой [Елисейева 2020: 25–30], С.В. Жужгова [Жужгов 2022: 5–17] и др. рассматриваются вопросы этимологии отдельных геммонимов и формирование терминосистемы геммологии в целом, отдельные работы посвящены народной этимологии геммонимов и народным представлениям о камне, положенным в основу народных и мифопоэтических номинаций [Березович 2021: 11–26], отдельные работы посвящены также номинации драгоценных камней в мифопоэтической традиции [Рупосова 2014: 26–34]. Отметим, что, несмотря на достаточно активное изучение в русистике концепта КАМЕНЬ [Абреимова 2021: 5–10], а также его образно-метафорической части и в целом метафоризации с компонентом «камень» в качестве области-источника метафоры (см. [Гнездилова 2019: 55–62], [Рябова 2008] и др.) и области-цели метафоры [Лисевцева 2018], метафоризация с компонентом «драгоценный камень» остается практически неизученной.

Цель работы – выявление типичных когнитивных признаков, являющихся в русской языковой картине мира основанием для метафоризации с источником «драгоценный камень». Объектом исследования являются номинации драгоценных камней в лингвокультурном аспекте, а предметом исследования – специфика метафорических значений номинаций драгоценных камней в русской картине мира.

Методы и материалы

При описании метафорических процессов мы исходим из теории концептуальной метафоры Лакоффа [Лакофф 2004], определяя при формировании метафоры область-источник, исходную понятийную область (*source domain*) и область-цель, или область-мишень, то есть новую понятийную область (*target domain*). Метафорические процессы в определенной национальной картине мира показывают особенности связи между целью и источником, релевантные для определенной лингвокультуры, что делает изучение когнитивных свойств источника метафоризации актуальным направлением при выявлении национальной специфики метафоризации. При анализе метафоры мы также исходим из схемы метафорической модели и классификации метафор по области-источнику А.П. Чудинова [Чудинов 2001]. Отметим, что метафоры с компонентом «драгоценный камень» можно отнести к группе природоморфных, но в них исходно наблюдается существенное отличие от многих других природоморфных метафор: поскольку драгоценные камни активно используются человеком в ювелирном деле и в других видах прикладного искусства, представления о драгоценных камнях формируются через призму представлений о человеческой деятельности

по их обработке, что косвенно сближает данный блок природоморфной метафоры с артефактной метафорой.

Выявление основных особенностей метафоризации с источником «драгоценный камень» осуществлялось в несколько этапов: 1) определение объема тематической группы «Драгоценные камни» на основе словарных данных; 2) выявление общих особенностей метафорических переносных значений, зафиксированных у лексем данной группы в словаре; 3) составление репрезентативной выборки контекстов с метафорическими значениями номинаций драгоценных камней; 4) выявление основных когнитивных признаков тех представлений о драгоценных камнях, которые стали основой для метафоризации.

Рассмотрим далее основные результаты, полученные на основе лексикографических данных и контекстов из «Национального корпуса русского языка».

Репрезентация метафорических значений в словарных толкованиях номинаций драгоценных камней

На основе «Большого толкового словаря русского языка» С.А. Кузнецова определена группа из 50 номинаций драгоценных, полудрагоценных и поделочных камней, выбранных методом сплошной выборки. Отметим, что тематическая группа «Драгоценные камни» не имеет строгих границ, частично пересекаясь с группами природных камней и минералов в целом, а определение объема данной тематической группы затруднено несовпадением представлений о драгоценных камнях в наивной и научной картинах мира, а также проявлениями различных процессов обновления и пополнения группы. Так, на основе словаря Кузнецова на первом этапе было получено более 120 лексем и синлексем, относящихся в тематической сфере «Камни и минералы» и имеющих в своих лексических значениях (далее ЛЗ) такие семы, как 'камень', 'горная порода', но только 50 лексем в результате мы интерпретировали как номинации драгоценных камней. Критерием для отнесения к группе «Драгоценные камни» можно считать наличие в ЛЗ эксплицитной или имплицитной семы 'использование человеком в декоративных целях'.

При анализе словарных толкований можно определить следующую особенность представлений о драгоценных камнях: причисление предмета к камням в наивной картине мира происходит по признаку формы и твердости, а не по признаку геологического происхождения. Таким образом, с одной стороны, номинации минералов, имеющих жидкую форму и используемых человеком в декоративных целях, как и номинации камней без выраженного в ЛЗ отношения к декоративной функции (*ангидрит, галька* и др.), не включаются в группы «Драгоценные камни», но, с другой стороны, номинации твердых веществ органического происхождения, не соотносящихся с минералами в научной картине мира (*коралл, жемчуг, янтарь*), но представленных в природе в твердой форме и имеющих декоративную функцию, включаются нами в эту группу.

Полученная группа номинаций неоднородна: так, среди лексем данной группы можно отметить как моносеманты, так и полисеманты, различна и предполагаемая лингвокультурная значимость единиц: так, ряд единиц имеет комментарии энциклопедического и лингвокультурологического характера, указывающие на особую ценность. В толкованиях большинства лексем эксплицированы семы, указывающие на красоту, ценность и на какой-то из аспектов прикладного использования материала

(драгоценный камень, используется для поделок, используется для украшений, облицовочный камень и т. п.). Отметим, что соотношение ценности и редкости, долговечности и красоты материала при его использовании становится критерием при классификации различных камней, используемых человеком в декоративно-прикладных целях: по степени ценности минералы подразделяют на драгоценные, полудрагоценные и поделочные. Именно эта классификация камней репрезентирована в ЛЗ лексем и может быть основанием для дифференциации лексических единиц внутри группы: 1) драгоценные камни – это самые дорогие минералы, которые характеризуются особым блеском, красотой, интенсивностью окраски или абсолютной бесцветностью и прозрачностью, твердостью, используются при изготовлении украшений (указания на принадлежность к этой подгруппе есть, например, в толковании лексем *топаз* – ‘драгоценный камень, прозрачный минерал различной окраски из группы силикатов’, *лал* – ‘драгоценный красный камень, шпинель’ и др.); 2) полудрагоценные камни – минералы, обладающие теми же свойствами, что и драгоценные камни, но встречающиеся в природе чаще (указания на эту подгруппу есть в толковании лексем *агат* – ‘твердый минерал, разновидность халцедона, состоящий из слоев различной окраски; полудрагоценный камень (применяется в технике и ювелирном деле)’, *халцедон* – ‘полудрагоценный камень, разновидность кварца’ и др.); 3) поделочными называют камни, обладающие привлекательным внешним обликом, обширно используемые для изготовления отделочных материалов и декоративных предметов (в толковании лексем *малахит* – ‘минерал ярко-зеленого цвета с черными прожилками, используемый для различных поделок, облицовки ваз, колонн, других изделий’, *обсидиан* – ‘вулканическая горная порода серо-черного или красно-коричневого цвета, имеющая вид стекла (применяется для декоративных поделок)’ и др.). Отметим, что, несмотря на существующее в научной картине мира противопоставление собственно камней и явлений органического характера (коралл, янтарь и т.п.), а также четкую классификацию камней, в наивной картине мира признаки ‘твердость’ и ‘использование людьми в эстетических целях’ в равной мере приписываются различным номинациям камней и близких органических явлений. Так, следующие контексты свидетельствуют о причислении, например, номинаций *янтарь* и *коралл* к тематической группе «камни»/ «драгоценные камни» (1, 2), а также о практическом неразличении собственно драгоценных, полудрагоценных и поделочных камней в картине мира (3, в данном примере *агат* – номинация полудрагоценного камня – и *яшма* – номинация поделочного камня – включаются в категорию драгоценных камней):

1. *Так использовался янтарь, камень полезный и таинственный, известный уже тысячи лет, столько же, сколько известен и другой таинственный камень – магнит* [В.П. Карцев. Приключения великих уравнений (1970)].

2. *А кораллы – это драгоценные камни и, наверное, очень дорого стоят...* [Т.Л. Сухотина-Толстая. Отрочество Тани Толстой (1910–1950)].

3. *Из этой комнаты был выход в так называемую «Алмазную комнату», в которой, по приказанию императрицы, были собраны разные редкости из финифти и филиграна, агата, яшмы и других драгоценных камней* [Н.Э. Гейнце. Князь Тавриды (1898)].

В рамках нашей работы рассматриваются номинации камней всех типов, то есть далее мы относим к условной группе «Драгоценные камни» номинации как собственно драгоценных, так и полудрагоценных и поделочных камней.

Наша выборка из 50 номинаций камней включила 26 номинаций собственно драгоценных, 5 номинаций полудрагоценных и 19 номинаций поделочных камней. Отдельно отметим включенную в нашу выборку лексему *страз*, соотносимую с драгоценными камнями по виду и функциям, но включающую компонент 'искусственный' ('искусственный камень, изготавливаемый из хрусталя с примесью свинца, по блеску и игре оттенков цветов **похожий на драгоценные камни**'). Всего восемь единиц является полноточными, причем метафорическое значение с источником «драгоценный камень» зафиксировано в словаре только у лексем *алмаз* ('о чем-л. блестящем, искрящемся, как этот камень, или исключительно ценном, незаурядном' – толкование, заключающее в себе по сути два метафорических ЛСВ разной степени абстракции по моделям «блестящий камень → другой блестящий предмет» и «ценный камень → ценный предмет или явление») и *бриллиант* ('о том, что своим блеском, игрой света напоминает этот камень'), поэтому для уточнения возможных направлений метафоризации мы далее обратимся к контекстам.

«Драгоценные камни» как область-источник метафоризации на материале контекстов

Для определения основных направлений метафоризации рассмотрено 296 примеров с номинациями драгоценных камней из «Национального корпуса русского языка». Поиск примеров производился по общему корпусу без ограничений по времени, рассмотрено было всего около 2000 контекстов, включающих единицы из нашей словарной выборки, а также однокоренные слова, из всех рассмотренных примеров составлена выборка контекстов с метафорой, включающая 296 примеров.

В полученной выборке встретились номинации 17 камней из нашей группы. Таким образом, можно сделать вывод о том, что в целом метафоризация с источником «драгоценный камень» является достаточно продуктивной в русской языковой картине мира, несмотря на слабую представленность в системных словарных ЛЗ. Наибольшее количество примеров выявлено с лексемами *алмаз*, *бриллиант*, *изумруд*, *рубин*, *янтарь* и их производными, что указывает на особую лингвокультурную ценность данных номинаций.

Далее для выявления основных когнитивных признаков области-источника, актуальных для метафоризации в русской языковой картине мира, разделим все примеры на группы в зависимости от того, какая характеристика камня стала основанием для метафоризации, то есть по признаку цвета, блеска, ценности, прозрачности, твердости, формы и т.п. Рассмотрим особенности каждого когнитивного признака области-источника ниже с приведением примеров.

1. Признак 'цвет'

Окраска представляет собой основное свойство большинства драгоценных камней в русской языковой картине мира. К данной группе отнесено 136 примеров с метафоризацией, основанной на особенностях цвета камня. На основе признака цвета представления о драгоценных камнях становятся источником для метафоризации как конкретных предметов, так и абстрактных явлений, но наибольшую частотность имеет метафоризация глаз и природных объектов (небо, водоем) по признаку цвета. В зависимости от области-цели метафоризации примеры, основанные на представлениях о цвете, можно разделить на следующие подгруппы:

1. Метафорическое представление глаз. Данный признак показывают следующие контексты:

1.1. *Как гордится, наверное, муж этими высокими бровями, чудесными **аквамариновыми глазами!*** [Алена Браво. Командантский час для ласточек // «Сибирские огни», 2012].

1.2. *Мне от нашей большой семьи передались глаза разного цвета: левый глаз у меня с голубизной, правый – с **бирюзой*** [Зинаида Синявская. Пазлы // «Сибирские огни», 2013].

1.3. *Огромные глаза настороженно мерцали, как **гиацинтовые** медальоны с чернотутными зрачками внутри, а губы растерянно круглились* [Н. Б. Черных. Язва, или русский панк 1989-го года // «Волга», 2012].

1.4. *Она невозможно, царственно красива. Глаза – **изумрудные**. С Ростроповичем у меня связан замечательный эпизод* [Сати Спивакова. Не всё (2002)].

1.5. *У него белая молочного цвета кожа, **сапфировые глаза** и белые, в лёгкую желтизну, длинные волосы* [Патрик Рейнке. Киришберг, или Легенда о черной веревке и левой ступне повешенного (2015)].

Данное направление метафоризации можно назвать типичным для русской языковой картины мира, так как именно к этой группе относится значительная часть всех примеров. Обратим внимание на то, что перенос по цвету связан с различными цветовыми характеристиками (так, метафоры *сапфировый*, *изумрудный*, *рубиновый*, *янтарный* соотносятся соответственно с синей, зеленой, красной и желтой частями спектра), при этом формирующиеся синонимические ряды вида *красный – рубиновый*, *зеленый – изумрудный* и т. п. не соединяют полные синонимы: метафорический компонент каждой пары включает дополнительные имплицитные семы, репрезентирующие в контексте сложный комплекс представлений не только о цвете, но и о других внешних характеристиках камня, а также о производимом этим камнем эффекте. Так, пример 1.4, кроме признака цвета, репрезентирует признак особенной красоты и ее воздействия на смотрящего через сочетание в контексте с определением *царственно красива*, в примере 1.3 характеристика цвета сочетается с характеристикой блеска и мерцания, переливов в негативном аспекте (*глаза настороженно мерцали*). Каждая из номинаций метафорически переосмысляемых камней содержит в своем лексикографическом толковании сему цвета (например, изумруд – ‘драгоценный прозрачный камень **густого ярко-зеленого цвета**’), что свидетельствует о значимости данного признака в восприятии драгоценных камней, но в некоторых случаях данная характеристика является переменной. Так, в толковании лексемы *гиацинт* цвет является важной характеристикой с неопределенным значением – ‘минерал, драгоценный камень **красного, оранжевого или желтого цвета**’, причем в контекстах (пример 1.3) принадлежность цвета к определенной части спектра не становится ясной, то есть в основе метафоризации лежат признаки ‘интенсивность цвета’, ‘блеск’ и ‘переливчатость’, а не характеристики конкретного цвета как такового.

2. Метафорическое представление водоемов и объектов, связанных с жидкостью (море, вода, озеро, волна и т.п.). Подобному переосмыслению подвергаются представления о драгоценных камнях синего или голубого цвета, но в отдельных контекстах употребляются номинации камней красного или другого цвета, связанные с цветом вина или других напитков. Это показывают следующие примеры:

2.1. *Помню, как большая голова Константина Федина закрывала: «И это **аквамариновое море!**..» – о только что построенном бассейне «Москва» (Воспоминания Нонны Мордюковой о встрече Хрущева с деятелями культуры)* [С.Г. Боровиков. Серапионы и тараканы // «Волга», 2011].

2.2. *И именно там в **аквамариновых волнах** Черного моря юному практиканту явился белый-белый сейсмический корабль и произвел на него неизгладимое впечатление* [Л.З. Зорин. Морская платформа судьбы Владимира Вовка (2004) // «Газовая промышленность», 28.07.2004].

2.3. *Город глядится в молочную **бирюзу залива**, тесно заставленного белыми яхтами, будто собрались они здесь со всего моря* [Виктор Грицук. Магия пасторали (2004) // «Вокруг света», 15.07.2004].

2.4. *Теперь вместо него плавательный бассейн с вечной шапкой теплого пара над его **изумрудной водой**, теплой – можно купаться даже в лютые морозы...* [В.П. Катаев. Алмазный мой венец (1975–1977)].

2.5. *Внизу мерцала слезка **сапфировой бухты**, как на заказ сделанная гигантским ювелиром* [Дина Рубина. Русская канарейка. Блудный сын (2014)].

2.6. *Лейтенант, не дождавшись окончания речи защиты, сам налил себе и Ефрему по полному стакану **рубиновой забористой вишневки** из выставленной хозяйкой четверти* [Александр Балашов. Прекрасное далеко // «Ковчег», 2015].

Отметим, что здесь, как в случае с метафоризацией глаз, выбор метафорической номинации цвета связан с особым эффектом, производимым цветом воды: так, *аквамариновый* в примере 2.2 в контексте создает ассоциацию с необычностью явления и красотой (*произвел неизгладимое впечатление*), *изумрудный* в 2.4 усиливает признак неординарности явления (представление о теплой воде, основанное на контрасте *теплая вода – лютый мороз*). Цвет здесь также сочетается с представлениями о других признаках и характеристиках: так, *рубиновый* (пример 2.6) репрезентирует представление о насыщенности и интенсивности, а *сапфировый* в примере 2.5, кроме признака ‘цвет’ в контексте репрезентирует признак формы и размера, создавая представление об изолированной части моря.

3. Метафорическое представление неба. К данной группе относятся следующие примеры:

3.1. *Как называется этот город, где пустые соборы, узкие, как пеналы, лазурные изнутри, вделанные в набережную, светили им в солнечный полдень блестками золотистых звезд с рукотворного **аквамаринового неба*** [А.А. Уткин. Крепость сомнения (2010)].

3.2. *Огромное окно, у которого она сидела, наполовину было налито морской синевой, а другую половину столь же абсолютно занимала **бирюза неба**, и то, что сообщила мама, показалось сначала какой-то несусветицей, неуместной в этих обстоятельствах, в этом пейзаже* [А.А. Уткин. Дорога в снегопад (2008–2010)].

Отметим, что метафоризация неба с привлечением источника «драгоценный камень» менее распространена, чем метафоризация воды, но в целом основана на представлениях о близкой части спектра (синий, но без зеленого и красного, встречающихся при метафоризации воды).

4. Метафорическое представление других артефактов или натурфактов, что показывают следующие примеры:

4.1. – *Еще чего! – фыркнула Оленька. – На эти деньги можно шить **платье гранатовое, креп-жоржетовое, воображаешь?** – Она подхватила края юбки кончиками пальцев. – И двойные воланы?!* [Александр Солженицын. В круге первом, т. 1, гл. 26–51 (1968) // «Новый Мир», 1990].

4.2. *На ровной **изумрудной зелени** газона перед домом устроен водоем округлой формы* [Дарья Князева. На привале (2002) // «Сад своими руками», 15.12.2002].

4.3. Она долго махала растрепанным журналом, сверкая **рубиновым маникюром**, и крутила головой во все стороны, но зрители не унимались [Анна Русских. Не спрашивай почему, или дождливое лето // «Дальний Восток», 2019].

2. Признак ‘блеск’

Драгоценные камни в русской языковой картине мира обычно воспринимаются как отличающиеся особым блеском, поэтому признак блеска становится распространенным основанием для метафоризации с источником «драгоценный камень» (всего 49 контекстов в нашей выборке). Во всех отмеченных случаях предмет или явление, являющееся целью метафоризации, приобретает через сопоставление с блестящим камнем признак живости и абстрактно понимаемого сияния, трактуемый в положительном аспекте. Это показывают следующие примеры:

1. *Сокровище мое, ты сияешь, твои глазки играют, как два **алмаза*** [А. П. Чехов. Вишневы сад (1904)].

2. *А когда выглетнет солнце после такого дождя, лес так ярко зеленеет и весь горит алмазными искрами* [Д.Н. Мамин-Сибиряк. Приемьш (1893)].

3. *Из-под шинели видны были кажущиеся от **алмазного** блеска светлыми лакированные сапоги* [Василий Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 1 (1960)].

4. *И уж никому, наверное, не приходило в голову удостоить им комика, клоуна, шута – а среди них были звезды с бесспорным **бриллиантовым** блеском: от благороднейшего Макса Линдера до изобретательнейшего Бастера Китона* [Божественный Чарли (2004) // «Экран и сцена», 06.05.2004].

5. *Здесь не было еще библиотек, театров, кино, пошивочных, не было даже больниц, аптек, школ, но сразу, тотчас же, среди камня красным огнем светилось: мясо, мясо, мясо... И тут же **изумруд** парикмахерских вывесок. Человек ел мясо и обрастал шерстью* [Василий Гроссман. Все течет (1955–1963) // «Октябрь», 1989].

Большинство примеров, связанных с метафоризацией по признаку блеска, основаны на представлениях об алмазе или бриллианте. Это показывает, что именно алмаз/бриллиант в русской картине мира является эталоном блестящего объекта. Метафоризации по этому признаку подвергаются различные области-цели – как представления о людях (пример 4) или частях тела человека (пример 1), так и представления о природе, натурфактах (пример 2) или артефактах (примеры 3 и 5).

3. Признак ‘твердость’/ ‘крепкость’

Некоторые драгоценные камни характеризуются твердостью, это свойство тоже встречается в метафорических примерах:

1. *Зверь, который перед ним сидел, смотрел на него жесткими голубыми глазами, обладал стальными челюстями, железной хваткой и **алмазной** крепости честолюбием, соответствующим юношескому прозвищу...* [Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого [Путешествие в седьмую сторону света] // «Новый Мир», 2000].

2. *Сама зима, взятая как глубокая точка года, точка аскезы, оказывается прекрасной, и ее холод вдруг оказывается стеклом камня, **топазом*** [Ксения Голубович. «Тристан и Изольда» в исполнении Ольги Седаковой // «Волга», 2011].

Обратим внимание на то, что твердость камня в контекстах (пример 1) неотделима от крепкости и невозможности сломать или разрушить камень. Подобная характеристика не является очень распространенной (всего 28 примеров в нашей выборке), а также не является приоритетной и значимой характеристикой драгоценных камней в русской лингвокультуре (так, она не репрезентирована в словарях), кроме

того, она может связываться в контексте с признаком холода и с негативными коннотациями (пример 2).

4. Признак ‘ценность’

Ценность и дороговизна не являются объективными свойствами камней, соответствующие характеристики камни приобретают только в процессе перехода из сферы натурфактов в сферу артефактов, то есть данные когнитивные признаки формируются у сферы представлений о драгоценных камнях только в процессе концептуализации представлений об использовании камней человеком. Метафорический перенос, основанный на данном признаке, показан в следующих примерах:

1. *Лермонтова мне не переплюнуть, но пару хороших переводов литературных алмазов я еще сделаю* [Сергей Бурлаченко. Сорвиголова // «Дальний Восток», 2019].

2. *Главным бриллиантом этого редкого архитектурного ожерелья по праву считается Кельнский кафедральный собор.* [Владимир Гаков. Сказочными дорогами Германии (2001) // «Туризм и образование», 15.03.2001].

3. *Вера Богодухова не просто алмаз или бриллиант, она, дорогой мой, человек особой душевной стати* [Анатолий Салуцкий. Немой набат // «Москва», 2019].

4. *Любил старинные дома в центре, рассыпанные, как бриллиантовые камушки щедрой рукой ювелира, любил ветер с Реки – теплый или холодный, но всегда свежий* [Вячеслав Стефаненко. Город // «Дальний Восток», 2019].

5. *А ежели вы знали, что Эпаминонд Максимыч из интересу женится, то что же вы раньше молчали? (Слезливо.) Я ее, может, вскормила, вспоила, взлелеяла... берегла пуце алмаза изумрудного, деточку мою...* [А. П. Чехов. Свадьба (1889)]

6. *Берилл, агат, изумруд, сапфир, халцедон – я не знаю лучшей поэзии, чем перекачивание во рту этих магических слов* [В.О. Авченко. Кристалл в прозрачной оправе. Рассказы о воде и камнях (2015)].

7. *И подобно тому как может быть накоплен кристалл психической энергии, или карбункул сердца, и стать ясносияющим сокровищем носителя Камня, так же накапливается и образуется рядом сознательных целеустремленных усилий Величайшая ценность человеческого духа – огненный пылающий центр – Камень – Сокровище сгущенного пламени кристаллизованной воли* [Б.Н. Абрамов. Грани Агни Йоги (1952)].

Данный признак представлен в 35 контекстах нашей выборки, причем большинство примеров также связано с представлениями об алмазах, то есть именно этот камень является еще и эталоном дорогого камня в русской языковой картине мира. Отметим, что с представлениями о дороговизне и ценности алмазов и бриллиантов связано формирование у данных номинаций генерализованного значения ‘дорогие ювелирные украшения’, представленного, например, в следующем контексте:

А ведь старуха еще жива, сказал крокодил, живет где-то в Ленинграде, в бедности, говорят, и безобразии, и недолго же сияла она и в свое-то время, потеряла бриллианты, мужа, квартиру, сына, двух любовников, и, наконец, голос, – в таком вот именно порядке, и успела с этими своими потерями уложиться до тридцатилетнего возраста, с тех пор и не поет, однако живехонька [Татьяна Толстая. Река Оккервиль (1983)].

5. Признак ‘форма’

У некоторых драгоценных камней есть определенная форма – например, алмаз часто имеет форму многогранника, а кабошон приобретает гладкую выпуклую

отполированную поверхность без граней. Данные качества отражены в следующих метафорических примерах:

1. *Пока мы с трудом огибали озеро по левому берегу, облака разошлись, и нашим глазам открылся граненый алмазный пик.* [И.А. Ефремов. Озеро горных духов (1942–1943)].

2. *Поперечный разрез озера напоминает профиль гигантского бриллианта-кабошона* [Тайна озера Светлояр. Нижегородская область (08.09.2010)].

Данный признак представлен в 20 контекстах нашей выборки. Отметим, что в большинстве примеров лексема *кабошон* используется с другими номинациями камней для определения именно признака формы, то есть ее ЛЗ связано не с геммологической характеристикой камня, а с признаком формы ('драгоценный камень с такой формой шлифовки'), как в примере 2. Подобную ситуацию демонстрирует следующий пример с прямым значением данной номинации камня:

После смерти мужа, согласно его завещанию, она носила перстень Булгакова – старенький, уже мутноватый сапфир-кабошон. [Людмила Петрушевская [Воспоминания о Т.А. Луговской] (2001)].

6. Признак 'прозрачность'

Прозрачность является одной из основной характеристик драгоценных камней. Это показывают следующие примеры:

1. *Всем известны эти стихи, прозрачные и ясные, как маленькие алмазики чистой воды* [В.П. Катаев. Алмазный мой венец (1975–1977)].

2. *Ты у нас бриллиант чистой воды, незамутненный* [Анатолий Салуцкий. Немой набат // «Москва», 2019].

3. *Продавец патрицианским жестом выбрасывает на прилавок кусок прозрачного изумрудного целлофана* [Василий Аксенов. Круглые сутки нон-стоп // «Новый Мир», 1976].

Обратим внимание на то, что признак 'прозрачность' становится основой для метафоризации различных явлений (всего 28 контекстов в нашей выборке) – как конкретного, так и абстрактного характера, но практически во всех случаях прозрачность камня является не единственной значимой характеристикой, этот признак в сочетании с другими выступает основанием для формирования сложного комплекса представлений. Так, в случае с метафоризацией конкретных предметов (пример 3) сочетаются признаки 'прозрачность' и 'цвет', являющиеся основными визуально воспринимаемыми свойствами драгоценных камней, а в случае с метафоризацией абстрактных явлений или представлений о людях (примеры 1 и 2 соответственно) перцептивно воспринимаемый признак 'прозрачность' сочетается с выводимым из человеческого опыта при концептуализации мира признаком 'ясность', причем при характеристике человека ясность оценивается как положительное свойство (отсутствие тайных помыслов, хитрости и т. п.).

Во многих случаях практически невозможно разделить разные характеристики камня, ставшие основанием для метафоризации. Рассмотрим некоторые примеры, подтверждающие связанность различных оснований метафоризации, ниже:

1. *Не берусь описывать ощущение, возникающее при виде необычайной прозрачности голубой или изумрудной воды горных озер, сияющего блеска синего льда* [И.А. Ефремов. Озеро горных духов (1942–1943)].

В этом примере соотнесение цвета воды с изумрудным формирует сложный комплекс представлений, основанных не только на признаке цвета, но и на признаках прозрачности и блеска, и репрезентирует представления об особой красоте озера за счет привлечения источника «драгоценный камень». Подобные сложные метафоры с областью-целью «Природа» также косвенно затрагивают когнитивный признак ‘ценность’, формируемый у концептосферы драгоценных камней на основе представлений об использовании человеком: за счет своей особой красоты и блеска, камни используются в дорогих украшениях, а их свойства, при переносе на другие сферы, переносят на область-цель и особую ценность и необычность (что подтверждается и неполным совпадением в синонимических рядах цвета, где метафорический элемент содержит семы особой красоты, исключительности, неординарности и т.п.).

2. *Костер почти погас, потрескивали угольки, иные уже подернулись сизой поволокой, сквозь нее нет-нет да вспыхивали рубиновые звездочки, подмигивающие, мерцающие* [Валентин Никитин. Время сладкого янтаса (главы из романа) // «Дальний Восток», 2019].

В этом примере с помощью соотнесения с рубином показаны цвет, особая яркость и мерцание огня.

3. *День был тихим-тихим и вода темно-прозрачной, как дымчатый топаз, в ней мерцали и переливались разноцветные голыши, длинные водоросли, стайки рыбок* [Ю.О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 2 (1978)].

В этом примере топаз напоминает о прозрачности и приглушенности, дымчатости воды, то есть характеристика, лежащая в основе метафоризации, связана прежде всего с цветом, но также к признаку ‘цвет’ добавляются признаки ‘мерцание’, ‘прозрачность’ и ‘приглушенность’. Отметим, что характеристика цвета драгоценного камня как приглушенного не является основной в русской языковой картине мира, так как более типичным является восприятие драгоценных камней как ярких и насыщенных.

Заключение

На основе проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

1. Цвет является основной характеристикой драгоценных камней, его метафорическое восприятие отражено во многих контекстах и примерах, а признак цвета является важнейшим для русской картины мира основанием метафоризации с источником «драгоценный камень». Признак ‘цвет’ не всегда проявляется сам по себе, во многих случаях он сочетается с другими характеристиками драгоценного камня, такими как ‘блеск’, ‘прозрачность’, ‘ценность’ и т. п.

2. Большинство метафорических значений драгоценных камней выражает положительную оценку, привлечение известных представлений о драгоценных камнях в качестве области-источника метафоризации способствует формированию представления об области-цели как о чем-то неординарном, необычном, производящем сильный эффект.

3. Особенности метафорических значений драгоценных камней обычно тесно связаны с представлениями об основных свойствах камней, так, алмаз в контекстах репрезентирует метафоризацию не только по признаку блеска, но и по признаку ценности, прозрачности и твердости, номинация вида шлифовки камня *кабошон* в основном репрезентирует признак формы, а главным признаком, репрезентируемым номинацией *изумруд*, является цвет. Эти признаки также отражают процесс осознания и понимания носителями языка основных характеристик драгоценных камней.

4. Представления о драгоценных камнях в наивной и научной картинах мира не в полной мере совпадают: так, в наивной картине мира различные камни воспринимаются как драгоценные на основе ассоциации с признаком 'использование в эстетических целях', что во многих случаях деактуализирует представленную в словарях классификацию лексем тематической группы «Драгоценные камни», причем метафоризация с различными камнями-источниками (из подгрупп собственно драгоценных, полудрагоценных и поделочных) происходит по сходному механизму.

5. Основаниями метафоризации с источником «Драгоценный камень» выступают не только различные характеристики, исходно присущие представлениям о камнях в сфере «Природа» и связанные с чувственным восприятием, но и характеристики, приобретаемые камнями в процессе вхождения в концептуальную область «Ювелирное дело» ('ценность', 'форма при обработке камня'), что показывает смещение восприятия драгоценных камней из натурфактной области представлений о минералах и горных пород в сторону их восприятия в артефактной области, т.е. как о результатах человеческой деятельности.

© Ма Цзя, Берендеева М.С., 2023

Литература

Абреимова Г.Н. Художественная функциональность концепта «камень» в произведениях и дневниках М.М. Пришвина // ФИЛОЛОГОС. 2021. 2(49). С. 5–10.

Березович Е.Л., Сурикова О.Д., Штернгарц У. Из опыта изучения наивной геммологии: русский вдовый камень // Традиционная культура. 2021. Т. 22, № 4. С. 11–26.

Гнездилова Н.С. Метафорическое функционирование концепта «камень» в образной системе русского языка // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2019. 7 (204). С. 55–62.

Елисеева Е.П. Вкусны ли вареники и какого цвета королек? К вопросу о зарождении специальной лексики (на материале названий драгоценных камней) // ЛЕПТА. Ежегодный научно-методический альманах. Омский государственный педагогический университет. Омск, 2020. С. 25–30.

Жужгов С.В. К изучению нестандартной лексики камня: обозначения кристаллов // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. Т. 14, вып. 2. С. 5–17.

Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка // СПб: «НОРИНТ», 2000.

Лисевцева В.Д. Специфика метафоризации концепта «камень» в научном дискурсе (на материале текстов по петрографии и минералогии на русском языке) // Филологические чтения ЯрГУ им. П.Г. Демидова. Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова. 2018. С. 447–450.

Рупосова Л.П., Николашвили М.Н. Уральские самоцветы мифопоэтической традиции // Вестник МГОУ. Серия: Русская филология, 2014. № 6. С. 26–34.

Рябова Т.Н. Качественные метафоры с исходным значением «драгоценные камни, металлы и минералы» (на материале русского и белорусского языков) // Весті БДПУ. 2008. № 4. Серія 1. С. 61–64.

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000): Монография // Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2001.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. Режим доступа: www.ruscorgora.ru
[дата обращения: 09.08.2023 г.]

Сведения об авторах:

Ма Цзя – старший преподаватель кафедры русского языка Института иностранных языков Кашиского университета (КНР), аспирант кафедры общего и русского языкознания Гуманитарного института Новосибирского государственного университета (РФ).

Контактная информация:

630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1, Гуманитарный институт
e-mail: xjgs1607001@163.com

Берендеева Мария Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания Гуманитарного института Новосибирского государственного университета.

Контактная информация:

630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1, Гуманитарный институт
ORCID: 0000-0002-4897-5830
e-mail: maria.berendeeva@gmail.com

Для цитирования:

Ма Цзя, Берендеева М.С. Метафора с областью-источником «драгоценный камень» в русской языковой картине мира // Вопросы психолингвистики №4(58) 2023, С. 124–137, doi: 10.30982/2077-5911-2023-58-4-124-137

UDC 811.161.1

LBC 81.411.2

DOI 10.30982/2077-5911-2023-58-4-124-137

Research article

**METAPHOR WITH SOURCE AREA “GEMSTONE” IN THE RUSSIAN
LANGUAGE WORLDVIEW**

Ma Jia,

Kashi University, Kashi, China
Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

Maria S. Berendeeva,

Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russia

Abstract

The article is devoted to the linguocultural specifics of metaphorization of precious stones in the Russian language worldview. The relevance of the topic is connected with the widespread use of nominations of gemstones in various contexts based on metaphorization and figurative representation of heterogeneous phenomena. On the basis of the Big Explanatory Dictionary of the Russian language by S.A. Kuznetsov, a group of

50 nominations of precious, semi-precious, and ornamental stones is defined, a selection of examples from the National corpus of the Russian language, including 296 contexts with nominations of precious stones, has been considered. Through the contextual analysis and the analysis of conceptual metaphor, 6 main features have been identified that become the basis for metaphorization with the source “Gemstone” in the Russian linguistic picture of the world (‘color’, ‘shine’, ‘hardness’, ‘value’, ‘form’, and ‘transparency’). As a result of the analysis, it is determined that metaphorization with the component “gemstone” is based not only on the natural properties of stones, but also on the features formed in the process of entering the ideas about precious stones into the sphere of ideas about human activity, and the features which are the basis for metaphorization are in most cases associated with the formation of a positive idea about an object or phenomenon that stands out from a number of similar ones by the special intensity of its key features.

Keywords: metaphor, source area of metaphorization, language worldview, conceptual metaphor, thematic group of words

© Ma Jia, Berendeeva M.S., 2023

Bionotes:

Ma Jia – Senior Lecturer at the Department of Russian language, Institute of Foreign Languages, Kashi University (Kashi, China), PhD student at the Department of General and Russian Linguistics, Humanities Institute, Novosibirsk State University

Contact information:

1, Pirogova str., Novosibirsk, 630090, Russia
e-mail: xjgs1607001@163.com

Maria S. Berendeeva – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of General and Russian Linguistics, Associate Professor at the History, Culture and Arts Department, Humanities Institute, Novosibirsk State University

Contact information:

1, Pirogova str., Novosibirsk, 630090, Russia
ORCID: 0000-0002-4897-5830
e-mail: maria.berendeeva@gmail.com

For citation:

Ma Jia, Berendeeva M.S. Metaphor with source area “gemstone” in the Russian language worldview // Journal of Psycholinguistics. 4(58), 2023. P. 124–137. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2023-58-4-124-137 (In Russian)

**ЭМПИРИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ
ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ ФЕНОМЕНА
НА ПРИМЕРЕ ИМЕНИ *СТАЛИН***

Ли Сяндун,

Пекинский университет иностранных языков,
Пекин, КНР

Чжу Юйхань,

Пекинский университет иностранных языков,
Пекин, КНР

Аннотация

В статье на примере имени *Сталин* предлагается эмпирический подход к исследованию прецедентности с точки зрения этнопсихолингвистики. Материалом исследования являются данные ряда опросов, посвященных исторической фигуре – Сталину и проведенных ВЦИОМ, а также 10 810 содержащих имя *Сталин* контекстов, отобранных нами из газетного подкорпуса (Центральные СМИ) Национального корпуса русского языка. На основе статистического, контекстного и сопоставительного анализов были выявлены признаки прецедентности, которые определяют имя *Сталин* как прецедентное (ПИ) и проявляются в следующем: 1) сверхличностный характер: на основе прототипа исторической фигуры Сталина сформировано общее и базовое представление о данном персонаже, широко известном представителям русского ЛКС; 2) наличие инварианта восприятия: представляя оценку современных россиян о Сталине, инвариант восприятия ПИ *Сталин* включает в себя набор дифференциальных признаков, касающихся черт характера, прецедентную ситуацию *Большого террора*, а также атрибуты – *шинель, трубку и усы*; 3) познавательная функция: в современной русской речи встречается апелляция к имени *Сталин* для характеристики разнообразных личностных качеств лидера, таких, как (а) выдающийся лидер, (б) тиран, деспот, диктатор, (в) жесткий политик с железной рукой; 4) эмоциональная оценка: в современной массовой коммуникации ПИ *Сталин* регулярно используется в оценочных контекстах с различными модусами – позитивным, негативным и нейтральным, что обусловлено многополюсностью набора дифференциальных признаков данного имени; 5) постоянная воспроизводимость: рассмотренные материалы показывают, что имя *Сталин* как ПИ встречается в ведущих российских СМИ, что говорит о его регулярном употреблении в современной русской речи. Предлагаемый нами эмпирический подход позволяет объективным образом доказать основные признаки прецедентности, придающей феноменам статус прецедентных.

Ключевые слова: эмпирический подход; прецедентность; прецедентный феномен; прецедентное имя *Сталин*; инвариант восприятия; этнопсихолингвистика.

Введение

Изучение прецедентных феноменов (прецедентное имя, прецедентное высказывание, прецедентная ситуация, прецедентный текст) представляет собой одно из важных направлений как этнопсихолингвистики, так и межкультурной коммуникации.

К числу прецедентных (ПФ) относятся феномены, 1) хорошо известные всем представителям национально-лингво-культурного сообщества, 2) актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане, 3) обращение (апелляция) к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингво-культурного сообщества [Красных 2002: 58]. Сверхличностный характер, когнитивная роль и возобновляемость в речевой деятельности, вместе взятые, определяют, является ли данный феномен прецедентным в языковом сознании членов определенного лингвокультурного сообщества (ЛКС).

За ПФ всегда стоит некое представление, общее и обязательное для всех носителей данного ментально-лингвального комплекса, или инвариант восприятия (ИВ) [Русское... 2004: 16], который обеспечивает когнитивную роль ПФ и делает все апелляции к ПФ понятными и коннотативно окрашенными. Следовательно, ИВ является самым существенным признаком ПФ и основным критерием прецедентности феномена.

Прецедентные феномены вызывают большой интерес исследователей. При этом в фокусе внимания оказываются различные аспекты: источники происхождения, значение и актуальные смыслы, формы существования, функции, место в культурном пространстве национально-лингво-культурного сообщества, связь с уровнями языковой личности, в частности – соотношение с профессиональной языковой личностью в политике [Гудков 1999; Захаренко и др. 1997, 2004; Караулов 1987; Красных 2001, 2002, 2003; Нахимова 2008; Чудинов и др. 2018].

Однако до сегодняшнего дня ПФ рассматривались и рассматриваются как некая данность, а их ИВ выявлялись главным образом на основе субъективного опыта членов данного ЛКС. На наш взгляд, не хватает эмпирических исследований для того, чтобы объективно констатировать наличие признаков прецедентности конкретного феномена и выявить его ИВ. Этим объясняется то, что, исследуя ПФ русского ЛКС, китайские русисты ограничиваются рамками тех феноменов, которые рассматриваются российскими учеными как прецедентные.

В настоящей работе мы предлагаем эмпирический подход к исследованию прецедентности, которая придает феноменам статус прецедентных. Предметом нашего исследования является имя *Сталин*, которое активно и широко употребляется в современной русской речи. Основываясь на теории ПФ [Гудков 2003; Красных 2003; Русское... 2004], мы, во-первых, провели статистический анализ данных, полученных в результате ряда опросов, посвященных исторической фигуре – Сталину и проведенных Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в 2021 году с целью выявить некое общее представление и эмоциональное отношение опрошенных к Сталину в современной России; во-вторых, отобрали на следующем этапе исследования из Национального корпуса русского языка контексты, содержащие имя *Сталин*, и проанализировали актуальные смыслы, функции и особенности его употребления в современных СМИ России; в-третьих, сопоставили результаты указанных двух этапов и выявили общие дифференциальные признаки, присущие

имени *Сталин* как прецедентному; и наконец, в-четвертых, на основе проведенного анализа констатировали наличие признаков прецедентности у имени *Сталин* и наглядным образом представили многоуровневую структуру данного ПИ.

Прецедентное имя и его структура

Говоря о прецедентном имени (ПИ), мы имеем в виду имя, изначально бывшее собственным, связанное с широко известным текстом, ситуацией и/или фиксированным комплексом определенных качеств. Это своего рода сложный знак, при употреблении которого в коммуникации осуществляется апелляция не собственно к денотату, а к ИВ, который стоит за ПИ и позволяет ему регулярно употребляться интенционально (коннотативно), т. е. служить для характеристики лица, занимая в предложении позицию семантического предиката, второго члена метафоры [Русское... 2004: 23–25].

ПИ обладает определенной структурой, ядро которой составляют дифференциальные признаки, а периферию – атрибуты (см. рис. 1) [Захаренко и др. 1997: 89]. Именно дифференциальные признаки и атрибуты составляют основные элементы ИВПИ.

Рис 1. Структура ПИ

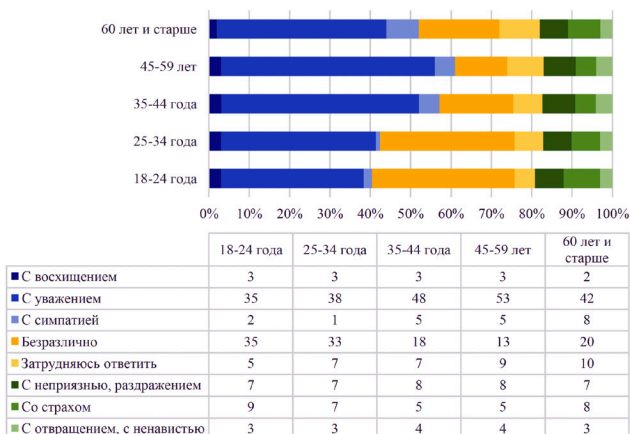
Базовое представление о Сталине на основе статистического анализа результатов социологических опросов ВЦИОМ

Иосиф Виссарионович Сталин, как верховный руководитель компартии и государства – Советского Союза, был известным всему миру политиком и военачальником XX века, оказавшим глубокое влияние на историю СССР и всего мира. Вместе с тем, он также является одной из самых противоречивых фигур в истории СССР. Сталин, несмотря на его величайшие достижения, подвергается серьезной критике и осуждению за ряд действий и событий, имевших место при его власти.

В 2021 году ВЦИОМ провел целый ряд социологических опросов, посвященных Сталину. Так, в мае 2021 года был проведен опрос о том, как россияне в целом относятся к нему и какую эмоцию он вызывает у представителей различных возрастных групп и разных политических взглядов. Ниже, в табл. 1 и 2, мы представляем результаты, полученные в ходе данного опроса.

Таблица №1

Отношение к Сталину представителей различных возрастных групп

Как показано в табл. 1, Сталин вызывает очень разные эмоции у представителей различных возрастных групп – и позитивную, и негативную, и нейтральную. При этом россияне старшего возраста – 45–59 лет – больше всех испытывают к нему уважение и симпатию, в то время как молодежь от 18 до 24 лет больше всех демонстрирует безразличие к этой персоне. Стоит отметить, что негативную эмоцию по отношению к Сталину испытывает не больше 20% респондентов всех возрастных групп.

Таблица №2

Отношение к Сталину сторонников разных партий

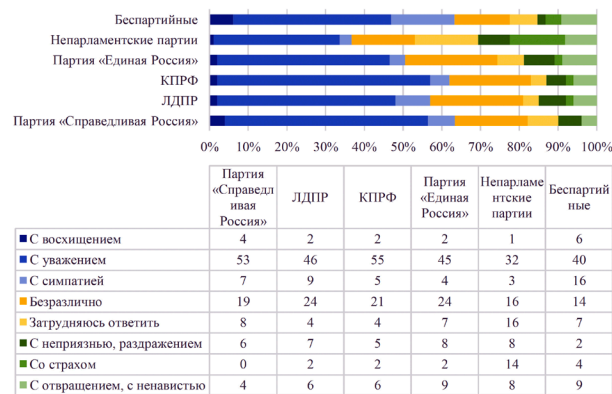

Табл. 2 показывает, что сторонники разных партий также по-разному относятся к Сталину. 64% сторонников партии «Справедливая Россия» относятся к Сталину с восхищением, уважением и симпатией, за ней следуют сторонники КПРФ (62%). Меньше всего положительно относятся к Сталину сторонники непарламентских партий (всего 36%). При этом негативную эмоцию к Сталину испытывает меньшинство членов всех партий.

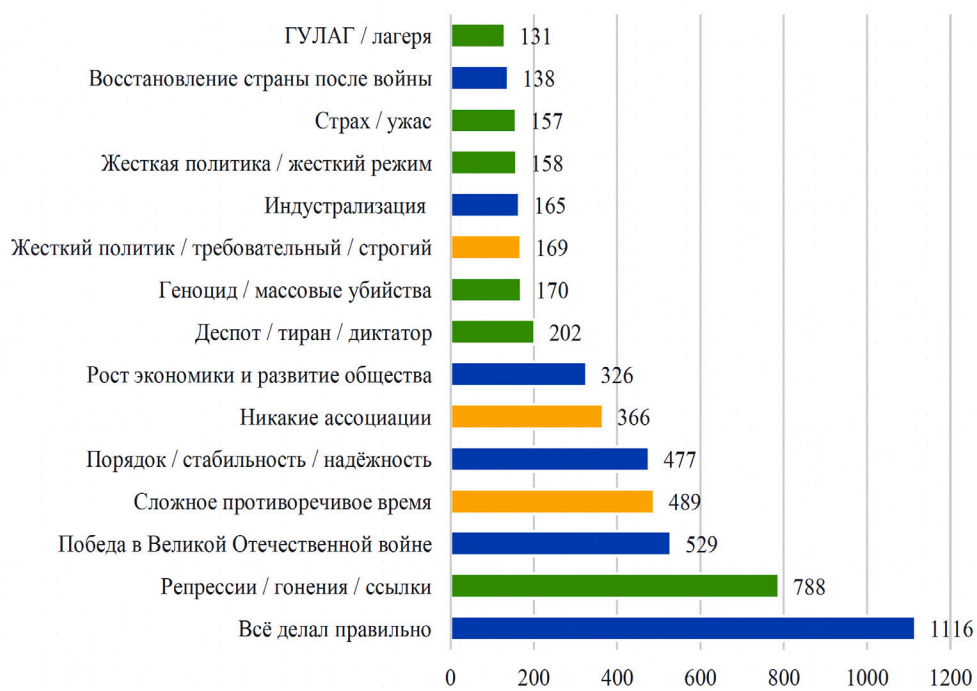
В сентябре 2021 года ВЦИОМ провел опрос о том, какие ассоциации возникают у россиян, когда они слышат о периоде правления Сталина. Результаты опроса оказались скорее диаметрально противоположными – от восторженных до резко критических (см. табл. 3). При этом преобладают позитивные и «светлые» ассоциации (всего 55%), а негативные и «темные» ассоциации составляют всего 33%. Кроме того, для 7% респондентов период правления Сталина является сложным противоречивым временем, и лишь у 5% опрошенных никаких ассоциаций не возникает.

Основные ассоциации, которые вызывает имя *Сталин* у россиян, связаны с 1) с личностными качествами: великий вождь; деспот, тиран, диктатор; жесткий политик / требовательный / строгий; 2) с историческими событиями, к которым причастен Сталин: победа в Великой Отечественной войне; репрессии, гонения, ссылки; ГУЛАГ, лагеря; 3) с характеристикой времени правления Сталина: все делал правильно; порядок, стабильность, надежность; рост экономики и развитие общества; жесткая политика; страх, ужас.

Проведенный анализ показывает, что в восприятии современных россиян существует сложный, многополюсный образ Сталина, что за именем *Сталин* стоит некое базовое представление, характеризующееся сложностью и противоречивостью в сознании россиян в зависимости от возрастных групп и политических позиций.

Таблица №3

Ассоциации россиян по отношению периода правления Сталина

Интенциональное употребление имени *Сталин* в современной русской речи

Для того чтобы рассмотреть актуальные смыслы, функции и особенности употребления имени *Сталин* в современных СМИ РФ, мы собрали из газетного подкорпуса Национального корпуса русского языка 10 810 контекстов с этим именем. Основными источниками явились материалы из ведущих российских газет, таких, как «Завтра», «Известия», «Комсомольская правда», «Московский комсомолец», «Коммерсант», «Аргументы и факты», «Российская газета», «Лента», «Труд».

Рассмотренные нами примеры свидетельствуют, что существует два типа употребления в современных российских СМИ имени *Сталин*: 1) имя используется для обозначения конкретного человека, т. е. выступает как имя собственное; 2) имя употребляется в качестве символа определенных качеств, таких, как (1) выдающийся лидер, (2) тиран, деспот, диктатор, (3) жесткий политик с железной рукой.

Наше внимание сосредоточено на примерах 2-ого типа, т. е. в интенциональном, или коннотативном, значении, которое реализует следующие 3 основных актуальных смысла данного имени в современных СМИ России:

I. *Сталин как выдающийся лидер*

Имея в виду руководящую роль Сталина в Великой Отечественной войне, в восстановлении народного хозяйства и в укреплении места СССР на международной арене, говорящий использует имя *Сталин* для характеристики человека как выдающегося лидера-патриота, способного вывести страну из сложной ситуации и решить стоящие перед ней проблемы. Например:

(1) – Нужен ли нам сейчас второй **Сталин**? – Если это означает: восстановление промышленности, умелая дипломатия, нейтрализация врагов государства, которые работают по заданию иностранных спецслужб, – да, нужен. [Александр ГОРЕЛИК. Писатель Николай Стариков: «Про Сталина после его смерти насочиняли кучу вранья» // Комсомольская правда, 2012.10]

(2) Члены политбюро ЦК ВКПБ Александр Куваев и Татьяна Астраханкина возложили к надгробию свой венок, после чего господин Куваев сказал журналистам, что «сегодня Россия находится в плачевном состоянии, и ей нужна твердая рука, нужен новый **Сталин**». [Сталина могила исправилась // Коммерсант, 2004.12]

(3) Путин впервые за десять лет оккупации отвергает Америку. Русское ухо жадно ловит его патриотический слог. Русское сердце бьется в тайной надежде – вот он, выстрадавший лидер России, новый **Иосиф Сталин**. [А. Проханов // Завтра. 2001. 23.11]

(4) Второй аргумент я уже приводил, звучит он так: нам нужен **Сталин**, поскольку новый **Сталин** и «экономический 37-й» решат все проблемы. [Борис Межуев. Поражение социал-государственников оправданно и законно // Известия, 2013.03]

В приведенных выше контекстах, используя имя *Сталин* (или *Иосиф Сталин*), говорящие осуществляют апелляцию к образу выдающегося лидера, способного восстановить экономику, укрепить государственную власть и навести порядок в стране, при этом ярко выражена положительная эмоциональная оценка. Показателен пример (3), в котором, сравнивая Путина со Сталиным, автор возлагает на Путина надежду, что он станет таким же лидером, как Сталин, и что Россия станет под его руководством могущественным государством.

II. *Сталин как деспот, тиран, диктатор*

(5) Устойчив образ Путина как нового **Сталина**, как деспота, который стремится навязать все сверху. [Андрей Цыганков, профессор международных отношений и политических наук, Университет штата Калифорния в Сан-Франциско, эксперт клуба «Валдай». Взгляд из-за Атлантики // lenta.ru, 2016.08]

(6) Исторической России нужен сегодня не «новый **Сталин**», а лидер, адекватный своему времени и чуть-чуть опережающий его... [Евгений Черных. Как посредственный Сталин гениев мировой революции Ленина с Троцким обыграл // Комсомольская правда, 2012.04]

(7) Президент Украины Виктор Янукович выбрал путь диктатуры и не намерен считаться с народом страны, заявила в четверг, 5 декабря, бывшая премьер-министр государства Юлия Тимошенко. <...> На территории Украины, подчеркивает Тимошенко, происходит становление нового **Сталина**. «И если мы все вместе с демократическим миром его не остановим, то получим еще одну Северную Корею», – указала политик. [Тимошенко разглядела в Януковиче нового Сталина // Lenta.ru, 2013.12]

(8) ...с другой стороны, мои российские друзья преувеличивают масштаб своей трагедии, рассуждая о появлении в России нового **Сталина**. Ну какой из Владимира Путина **Иосиф Сталин**?! Он даже не Абакумов! А Янукович — даже не Щербицкий! Если мы посмотрим на историю, то в России сейчас авторитарный строй, но при этом это самый либеральный авторитаризм за всю историю России! [«Для России поезд прошлого уже ушел» // Коммерсант, 2013.06]

(9) Когда, к примеру, популярные телеведущие вдруг в унисон, с интервалом в несколько минут, на первом телеканале соскакивают с темы национализма на тему сталинизма и пугают мир и Россию скорой реставрацией сталинизма, «приходом нового **Сталина**», то все становится ясно. [А. Ципко // Российская газета. 2006.03]

(10) – Вот я и спрашиваю: нужен новый **Сталин**? – Нет, правопорядок, дисциплина! Этого можно добиться не только кнутом. Посмотрите на мир, на страны демократии. [Страх, который больше страха смерти // Аргументы и факты, 2003.05]

В примерах (5–10) Сталин – эталон жестокого правителя, который обладает неограниченной властью, и правление которого отличается диктаторством, деспотизмом и насилием.

III. *Сталин как жесткий, требовательный, строгий политик, держащий страну в ежовых рукавицах*

(11) Но, чтобы избежать воровства, этого чиновника-специалиста кто-то должен насмерть запугать, иначе не получится. То есть для того, чтобы система работала, изначально необходим новый **Сталин**, который все видит, все знает, все может. [А. Будберг // Московский комсомолец. 2003.05]

(12) А теперь... иногда думаю: дай Бог, чтобы пришел новый **Сталин**, пусть нас еще раз сошлют, зато преступники будут хоть кого-то бояться. Сейчас нет боязни власти, но и нет к ней уважения. И это меня беспокоит. [ТОЧКА ЗРЕНИЯ. Махмуд Эсамбаев: «Пусть нас лучше еще раз сошлют» // Аргументы и факты, 1994.12]

(13) Когда вы смотрите на Чубайса, на многих наших других действующих руководителей, то становится совершенно ясно, что альтернатива не между плохим **Сталиным** и хорошим светлым будущим. Альтернатива между новым **Сталиным** и смертью. Другой альтернативы либеральный клан нам не оставляет. [Радио «Комсомольская правда». Экономист Михаил Делягин: Нельзя осуждать Сталина только на опыте личных трагедий // Комсомольская правда, 2013.02]

В рассмотренных примерах, обращаясь к имени *Сталин*, говорящие дают характеристику тому или иному лидеру, выражают свою политическую позицию за счет актуализации актуальных смыслов, стоящих за данным именем, и тем самым добиваются прагматического воздействия на читателя.

Показательно, что в газетах левых фракций имя *Сталин* чаще всего олицетворяет лидера, способного вести страну к могуществу и процветанию; в газетах же прозападных партий и в дискурсе прозападных политиков Сталин выступает главным образом как тиран и ассоциируется с авторитарным, диктаторским режимом.

Как показывают рассмотренные примеры, имя *Сталин* часто употребляется в сочетании со словами «новый» или «второй» для обозначения или оценки государственного лидера нашего времени, чаще всего – российского президента В.В. Путина.

Дифференциальные признаки прецедентного имени *Сталин*

Сопоставляя базовое представление о Сталине, полученное на основе результатов опросов ВЦИОМ, и комплекс актуальных смыслов, зафиксированный в интенциональном употреблении имени *Сталин* в современных российских СМИ, можно обнаружить, что они во многом соответствуют друг другу и практически совпадают. Иначе говоря, базовое многополюсное представление опрошенных респондентов о Сталине находит свое отражение в современной коммуникации России. Этим объясняется тот факт, что в современных российских СМИ встречается апелляция к имени *Сталин* для характеристики многополюсных личностных качеств лидера, таких как: 1) выдающийся лидер; 2) жестокий диктатор, деспот, тиран; 3) жесткий политик с железной рукой.

Следовательно, эти качества, на наш взгляд, есть не что иное, как дифференциальные признаки рассматриваемого прецедентного имени, национально детерминированные и универсальные для русского ЛКС, которые составляют ядро ИВ данного имени. Несмотря на то, что в российских СМИ расходятся отношение говорящих к Сталину и соответствующая эмоциональная оценка, читателю не требуются какие-либо комментарии или расшифровка как самого имени, так и ситуации, в которой оно употребляется. Адекватное понимание адресатами данного имени обеспечивается за счет именно ИВ, который является основным и существенным критерием прецедентности феномена. Наше исследование приводит к выводу о том, что имя *Сталин* часто выступает именно как ПИ в современной русской речи.

Прецедентная ситуация, связанная с ПИ *Сталин*

Согласно теории ПФ, ПИ часто связано с прецедентной ситуацией (ПС) и является ее означающим. ПС – это некая «эталонная», «идеальная» ситуация, связанная с набором определенных коннотаций [Красных 2003: 172].

Рассмотренные примеры показывают, что иногда встречаются случаи, когда ПИ *Сталин* не только употребляется для характеристики лидера сталинского типа, но и функционирует как обозначающее прецедентной ситуации *Большой террор (1937-го года) / 1937 (37-й) год*.

(14) Массовка, состоящая из двух десятков человек, преимущественно студентов и пенсионеров, периодически скандировала: «Украине – честный суд», размахивая транспарантами. На них было написано <...> «Ющенко 2008 = **Сталин 1937**». [Прерванный полет // Коммерсант, 2008.02]

В данном контексте перед судебным заседанием по делу бывшего министра транспорта и связи Николая Рудьковского демонстранты скандировали, обвиняя президента Украины того времени в уголовных преследованиях своих противников. Демонстранты сравнивали годы правления Ющенко со сталинскими репрессиями, пиком которой был *Большой террор* 1937–1938 годов. В русском ЛКС 1937 (37-й) год – это эталонная ситуация политического преследования. В примере (14) ПИ *Сталин + 1937* совместно актуализируют прецедентную ситуацию и передают отрицательное отношение к ней демонстрантов.

(15) Смысл появления оппозиционеров сводился к тому, что они должны быть благодарны судьбе за то, что Путин не **Сталин**, что он позволил им жить и работать в России во времена своего правления. [Путинский университет миллионов // Коммерсант, 2012.03]

Обращение к ПИ *Сталин* связано с указанием на ситуацию, когда оппозиционеры в условиях диктатуры и авторитаризма лишены свободы и права жить на Родине.

Атрибуты ПИ *Сталин*

Атрибуты тесно связаны с ПИ, но не являются necessarily обязательными в составе ИВ [Захаренко и др. 1997: 90]. Как показывает наше исследование, в качестве атрибутов ПИ *Сталин* могут выступать *шинель*, *трубка* и *усы*.

Судя по сохранившимся фото- и кинокадрам, Сталин в основном носил именно шинель и полувоенный китель. Однако в проанализированных нами контекстах из Национального корпуса упоминается именно шинель, поскольку она отсылает к прецедентному высказыванию, обычно приписываемому Ф.М. Достоевскому, «*мы все вышли из гоголевской “Шинели”*», которое изначально относилось к русской классической литературе. В приводимых далее примерах (16–18) *шинель*, реализуя апелляцию к ПИ *Сталин*, отсылает прежде всего к системе производства, обороны, науки и образования – всему, что было заложено при Сталине, или к сталинской управленческой культуре, которая действует до сих пор в России. Например:

(16) О **сталинской шинели** – Не думаю, что что-то есть важнее и необходимее, чем работать со странами, с которыми мы были много лет в одном государстве. Мы, как говорится, вышли из одной шинели. [Александр ГАМОВ. Виктор Черномырдин: «Если бы Березовский диктовал мне, как формировать правительство, сразу получил бы в зубы!» // Комсомольская правда, 2013.04]

(17) Мы до сих пор живем в **шинели Сталина** и за прошедшие с его смерти 60 лет другой одежды, как говорят портные, не построили. [Евгений ЧЕРНЫХ. «Забудьте Сталина! Думайте о своих детях, о завтрашнем дне России!» // Комсомольская правда, 2013.03]

(18) Наша страна все еще живет в **шинели Сталина**: она старая, грязная, истершаяся, – но никакую другую последующие поколения не сшили. [Евгений Черных. Охасаневшая Россия! // Комсомольская правда, 2013.01]

В данных примерах речь идет о том, что до сих пор Россия находится под глубоким влиянием сталинской управленческой культуры, советской общественной системы с ее политическими, социальными, экономическими институтами и принципами.

Трубка и *усы*, будучи средствами вторичной номинации, отсылают к внешнему образу Сталина как такового, что позволяет контекстуально актуализировать различные составляющие ИВ данного ПИ. Например:

(19) В понедельник исполнилось 75 лет Фиделю Кастро – «барбудосу» (бородачу) номер один Кубы, ее хозяину. Его темно-оливковый френч уже вошел в историю – как **трубка Сталина** или инвалидная коляска Рузвельта. [ДРУГОЙ ФИДЕЛЬ // Известия, 2001.08.13]

(20) Но вот ощущать себя Пиночетом люди не хотят. Одно дело – одобрять уничтожение пяти тысяч человек и законно избранного президента ради борьбы с коммунистической заразой. И совсем другое – примерять этот подвиг на себя. Вряд ли кому-то остро захотелось бы носить кепку Ленина или посасывать **трубку Сталина**. [Быков Дмитрий¹. ВЕЩНЫЕ ЦЕННОСТИ // Труд-7, 2007.08.17]

(21) Курительные принадлежности стали неотъемлемой частью имиджа, напоминает «Коммерсант», – достаточно вспомнить длинные мундштуки и тонкие пахитосы красавиц эпохи модернизма, толстые сигары карикатурных буржуев, энергично зажеванную папиросу Маяковского или неторопливые пассы с **трубкой Сталина**. [Галерея «Ковчег» показывает историю курения в России // Lenta.ru, 2002.02.18]

(22) За свою долгую карьеру генерал Абдуллахид Дустум (Abdul Rashid Dostum), лидер узбекского национального меньшинства Афганистана, безусловно, чаще добивался побед, чем терпел поражения. Этот круглолицый человек с **усами Сталина** и монгольскими глазами родился в 1954 году в провинции Джовчжан в крестьянской семье. [No comment // Коммерсант, 2001.11.14]

Заключение

Проведенное нами эмпирическое исследование позволяет заключить, что в современном русском языке имя *Сталин* является не только именем собственным, но и полноценным прецедентным именем, которое активно используется как своего рода эталон и основа для метафоры и сравнения в тех случаях, когда подчеркивают некие качества политического лидера.

Прецедентность имени *Сталин*, на наш взгляд, проявляется в следующем:

1) сверхличностный характер. На основе прототипа исторической фигуры Сталина сформировано базовое представление о данном персонаже, широко известном представителям русского ЛКС;

2) наличие инварианта восприятия. Базовое представление о Сталине включает в себя набор дифференциальных признаков, касающихся черт характера, прецедентную ситуацию *Большого террора*, а также атрибуты – *шинель*, *трубку* и *усы*. Данные признаки формируют инвариант восприятия, обладающий многоуровневой структурой и способный указывать на различные личностные и политические качества того или иного человека;

3) познавательная функция. Когда говорящий по-русски называет кого-либо *Сталиным*, это имя используется в качестве эталона и/или символа определенных качеств, таких, как (1) выдающийся лидер, (2) тиран, деспот, диктатор, (3) жесткий политик с железной рукой. Набор дифференциальных признаков является своего рода ориентиром, по которому судят политических лидеров и их деятельность;

4) эмоциональная оценка. В современной массовой коммуникации ПИ *Сталин* регулярно используется в оценочных контекстах с различными модусами – позитивным, негативным и нейтральным в связи с многополюсностью набора дифференциальных признаков данного имени;

---

¹ Признан Минюстом РФ иноагентом.

5) постоянная воспроизводимость. Рассмотренные материалы показывают, что *Сталин* как ПИ встречается в ведущих российских СМИ, что говорит о его регулярном употреблении в современной русской речи.

Названные признаки позволяют нам сделать вывод о том, что в коллективной памяти русского народа хранится ПИ *Сталин*, которое зафиксировано в языковом сознании и постоянно актуализируется в речевой деятельности представителей русского ЛКС.

На основе результатов эмпирических исследований мы построили многоуровневую структуру ПИ *Сталин* (см. схему 2).

Рис 2. Структура ПИ *Сталин*

По мнению ряда исследователей, каждое ПИ обладает собственным «полем», которое проявляется в массовой коммуникации, оно содержит национальные стереотипы, национальные ценности, национальные мифы, являясь важной частью культурной памяти народа. Это поле не является чем-то раз и навсегда данным, оно находится в постоянной динамике, отражая соответствующий этап развития национального сознания, социальные процессы и политическую жизнь общества [Нахимова 2008: 48]. На наш взгляд, ПИ *Сталин* характерно для своего времени. Представляя оценку современных россиян о Сталине, инвариант восприятия прецедентного имени *Сталин* формируется в тесной связи с процессом социально-экономического развития России и изменения ее международного статуса в XXI веке.

Имя исторической фигуры Сталина вошло в языковое сознание членов русского ЛКС как ПИ и вместе с другими прецедентными феноменами участвует в формировании ядра русского национального культурного пространства – когнитивной базы [Красных 2001: 162–168], а также «поля памяти» [皮埃尔2020], формирующего русское национальное сознание.

© Ли Сяндун, Чжуан Юйхань, 2023

Литература

Гудков Д.Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М.: Изд-во Москов. ун-та, 1999. 149 с.

Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: ИТДГК Гнозис, 2003. 288 с.

Захаренко И.В., Красных В.В., Гудков Д.Б., Бабагаева Д.В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: «Филология», 1997. Вып. 1. 192 с.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 261 с.

Красных В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации. М.: ИТДГК «Гнозис», 2001. 270 с.

Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. 284 с.

Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 375 с.

Нахимова Е.А. Прецедентное имя Керенский в современных отечественных СМИ // Политическая лингвистика, 2008. № 1 (24). С. 48–55. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pretsedentnoe-imya-kerenskiy-v-sovremennyh-otechestvennyh-smi/viewer> (дата обращения: 12.10.2023).

Русское культурное пространство. Лингвокультурологический словарь / Под ред. Захаренко И.В., Красных В.В., Гудкова Д.Б. М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. 318 с.

Чудинов А.П., Нахимова Е.А. Никифорова М.В. Российская лингвополитическая персонология: исследование дискурса политических лидеров // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2018. Vol. 9. No 1. С. 14–31.

皮埃尔·诺拉. 记忆之场——法国国民意识的文化社会史[M]. 黄艳红等译. 南京: 南京大学出版社, 2020.

Сведения об авторах:

Ли Сяндун – кандидат филологических наук, профессор института русского языка Пекинского университета иностранных языков

Контактная информация:

100089, Пекин, район Хайдянь, № 2 Сисаньхуань Северный Проспект.

e-mail: lixiangdong@bfsu.edu.cn

Чжуан Юйхань – аспирант, институт русского языка Пекинского университета иностранных языков

Контактная информация:

100089, Пекин, район Хайдянь, № 2 Сисаньхуань Северный Проспект.

e-mail: dl-methionine@bfsu.edu.cn

Для цитирования:

Ли Сяндун, Чжуан Юйхань. Эмпирический подход к исследованию прецедентности феномена на примере имени *Сталин* // Вопросы психолингвистики №4(58) 2023, С. 138–151, doi: 10.30982/2077-5911-2023-58-4-138-151

UDC 81'23

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2023-58-4-138-151

Research article

AN EMPIRICAL APPROACH TO STUDYING
PRECEDENTEDNESS OF A PHENOMENON
USING THE EXAMPLE OF THE NAME *STALIN*

Li Xiangdong,

Beijing Foreign Studies University,
Beijing, China

Zhu Yuhan,

Beijing Foreign Studies University,
Beijing, China

Abstract

Using the example of the name *Stalin*, the article proposes an empirical approach to the study of precedentness from the point of view of ethnopsycholinguistics. The research material is based on data from surveys dedicated to the historical figure – Stalin and conducted by Russian Public Opinion Research Center (RPORC), as well as 10,810 contexts containing the name *Stalin*, selected from the Media Subcorpus (National Media) of the Russian National Corpus. Based on statistical, contextual and comparative analyses, the authors identified signs of precedentness that define the name *Stalin* as a precedent name (PN) and are manifested in the following: 1) superpersonal character: based on the prototype of the historical figure of Stalin, a general and basic idea of this character, widely known to representatives of the Russian society, has been formed; 2) perception invariant: the perception invariant of PN *Stalin* represents the assessment of modern Russians about Stalin and includes a set of distinctive features relating to character traits, the precedent situation of the *Great Terror*, as well as attributes – *overcoat*, *pipe* and *mustache*; 3) cognitive function: in modern Russian speech there is an appeal to the name *Stalin* to characterize various personal qualities of the leader, such as: (a) an outstanding leader, (b) a tyrant, despot, dictator, (c) a tough politician with an iron fist; 4) emotional assessment: in modern mass communication PN *Stalin* is regularly used in evaluative contexts with various modes – positive, negative and neutral, which is due to the multipolarity of the set of differential features of this name; 5) constant reproducibility: the materials reviewed show that the name *Stalin* as a PN is found in leading Russian media, which indicates its regular use in modern Russian speech. The authors propose an empirical approach that allows one to objectively prove the main signs of precedentness that give phenomena the precedent status.

Keywords: empirical approach; precedentness; precedent phenomenon; precedent name *Stalin*; perception invariant; ethnopsycholinguistics

© Li Xiangdong, Zhu Yuhan, 2023

Bionotes:

Li Xiangdong – Candidate of Philology, Professor, Institute of Russian, Beijing Foreign Studies University

Contact information:

100089, No 2 Xisanhuan North Road, Haidian District, Beijing, China
e-mail: lixiangdong@bfsu.edu.cn

Zhu Yuhan – graduate student, Institute of Russian, Beijing Foreign Studies University

Contact information:

100089, No 2 Xisanhuan North Road, Haidian District, Beijing, China
e-mail: dl-methionine@bfsu.edu.cn

For citation:

Li Xiangdong, Zhu Yuhan. An empirical approach to studying precedentedness of a phenomenon using the example of the name *Stalin* // Journal of Psycholinguistics. 4(58), 2023. P. 138–151. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2023-58-4-138-151 (In Russian)

**ОБЩНОСТЬ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ КОМПОНЕНТОВ
АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА РУССКИХ И ВЬЕТНАМЦЕВ:
КОНЦЕПТ ТРУД¹**

Марковина Ирина Юрьевна,

Институт лингвистики и межкультурной коммуникации,
Сеченовский университет,
Москва, Россия

Матюшин Алексей Аркадьевич,

Институт лингвистики и межкультурной коммуникации,
Сеченовский университет,
Москва, Россия

Иштван Ленарт,

Институт лингвистики и межкультурной коммуникации,
Сеченовский университет,
Москва, Россия

Данг Ми Линь,

Международный университет Хошимина,
Хошимин, Вьетнам

Аннотация

Данная работа представляет собой фрагмент масштабного международного исследования, направленного на изучение взаимных представлений и самопредставлений русских и вьетнамцев, отраженных в языке и культуре. Авторами предпринята попытка проанализировать семантические аспекты содержания одной из общих характеристик «автопортретов» двух народов, а именно *трудолюбия*, через призму паремиологии.

В качестве материала исследования использовалась подборка из 400 паремиологических единиц (по 200 русских и вьетнамских пословиц и поговорок, соответственно), связанных с концептом *труд*.

На основе проведенного анализа сформулированы общие семантические категории, связанные с понятием *труд* и объединяющие, по мнению авторов, аксиологические картины мира двух народов. Так, оба народа поощряют *труд* и порицают *лень*. Как для русских, так и для вьетнамцев *труд* – это, прежде всего, способ достичь определенного результата, причем основным материальным результатом выступают *хлеб* и *рис*. Также в исследованной подборке пословиц и поговорок присутствуют отсылки к орудиям труда, религии, поощрению усилий, а также некоторые зоолексемы, имеющие характерную культурную окраску.

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ВАОН № 21-512-92001/23.

Таким образом, авторы дополняют работы других исследователей новыми лингвокультурологическими данными, демонстрируя присутствие в изученных паремиях не только культурно-универсального компонента, но и культурно-специфических особенностей аксиологической картины мира русских и вьетнамцев. Авторы полагают, что выявленные общие семантические категории способствуют более глубокому пониманию других культур и могут использоваться в виде своеобразной основы для налаживания эффективного межкультурного диалога.

Ключевые слова: психолингвистика, этническая самоидентификация, межкультурный диалог Россия-Вьетнам, характерологический автопортрет, паремиология.

Введение

Естественный язык является одним средств, при помощи которого эксплицитно, хотя и не полно, выражается концептуальная картина окружающего мира. Исходя из предпосылок, сформулированных в рамках работы Московской психолингвистической школы, именно язык позволяет раскрыть социокультурную реальность его носителя [Уфимцева 2016]. Таким образом, изучение языка, а точнее языкового сознания, системы овнешняемых предметных значений, является основным предметом исследования в отечественной психолингвистике. При этом, согласно А.А. Леонтьеву, языковое сознание народа обусловлено внешними социокультурными факторами, поскольку «в основе мировидения и миропонимания каждого народа лежит своя система предметных значений, социальных стереотипов, когнитивных схем. Поэтому сознание человека всегда этнически обусловлено; видение мира одним народом нельзя простым «перекодированием» перевести на язык культуры другого народа» [Леонтьев 1983, с. 20]. Культура народа, как способ деятельности, оказывает влияние на образ окружающего мира, функционирующий в сознании ее носителей, при этом сам образ овнешняется при помощи языка, т.е., отражается в языковом сознании. Принимая во внимание неразрывную связь между языком и культурой, изучение языкового сознания народа является эффективным способом изучения предметного, деятельностного и ментального аспектов контактирующих культур [Уфимцева 2015]. Иными словами, языковое сознание народа представляет собой «ключ» к пониманию культуры этого народа, что, в свою очередь, способствует установлению эффективного межкультурного диалога, в особенности между представителями тех стран, чьи культуры сильно различаются (по степени контекстуальности и т.п.).

Ярким примером двух народов, находящихся в тесном контакте и обладающих богатыми, не похожими друг на друга культурами, являются Россия и Вьетнам [Российско-вьетнамские отношения... 2013; Понька, Юношкина 2021]. Однако, несмотря на отдельные, фрагментарные исследования, посвященные, в частности, изучению концепта «Вьетнам» [Уонг 2018] и его перцептивного образа в русском языковом сознании [Туан 2018], а также сопоставлению образов языкового сознания русских и вьетнамцев [Нгуен 2000], системное экспериментальное сопоставительное психолингвистическое (этнопсихолингвистическое) изучение русской и вьетнамской культур, нашедшей отражение в соответствующих языках, было начато сравнительно недавно [Марковина, Матюшин 2021; Markovina, Lenart 2022; Markovina, Matyushin 2022].

Ю.Н. Карауловым дается следующее определение обыденного языкового сознания: «совокупность вербально выраженных элементарных единиц знаний о мире усредненного, типового носителя языка», которая «определяет иерархическую систему концептов, формирующих образ мира, или наивно-языковую картину мира, как принадлежность и естественно-говорящего индивида, и соответствующего этноса» [Караулов 2006, с. 16]. Наряду с обыденным языковым сознанием, исследователями выделяется, в частности, профессиональное языковое сознание [Антонова 2010], индивидуальное языковое сознание [Баркова 2013] и паремиологическое языковое сознание [Кацюба 2010]. Последнее, являясь интегральной частью языкового сознания народа, представляет собой фрагмент языковой картины мира, сформированной системой концептов, ключевых для носителей определенного языка и культуры. Отражая этносемантическую культурную специфику, данные концепты, неразрывно связаны с национальными традициями и фольклором. Логичным является предположение о том, что наиболее частотные концепты находят отражение в паремиях и прецедентных текстах. Паремии (пословицы и поговорки) представляют собой устойчивые фразеологические единицы, отражающие квинтэссенцию бытового пласта культуры народа, его мудрости и особенностей мышления. Л.Б. Кацюба приводит следующее определение паремии: это «краткое образное устойчивое высказывание (часто, употребляемое в переносном значении) <...> излагающее важную истину, наставление, правила или принципы поведения, нравственные законы, сформулированные на основе жизненного опыта» [Кацюба 2013, с. 67]. Таким образом, очевидной становится тесная связь между паремиями и аксиологической картиной мира народа, которая «структурируется на базе ценностных ориентиров индивида и общества, которые детерминируются их пережитым жизненным опытом и приобретенными знаниями» [Маджидова 2019, с. 67]

Целью настоящей работы, представляющей собой фрагмент масштабного международного исследования, направленного на изучение взаимных представлений и самопредставлений русских и вьетнамцев, нашедших отражение в языке и культуре, является изучение такого общего качества двух народов, как *трудолюбие*, через призму национальных паремий.

Материалы и методы

В качестве объекта описываемого в настоящей работе фрагмента исследования выбрана одна из общих характеристик «автопортретов» русского и вьетнамского народов – *трудолюбие/cần cù* [Марковина, Матюшин 2021; Markovina, Lenart 2022; Markovina, Matyushin 2022], а также семантически связанный с данной характеристикой понятия *труд* и *лень*, присутствующие в паремиологических единицах, тесно связанными с ценностными установками данных народов, т.е., являющихся интегральной частью национальных аксиологических картин мира.

Методом сплошной выборки из литературных источников нами была сформирована подборка из 400 паремиологических единиц (по 200 русских и вьетнамских паремий, соответственно). С учетом существенной разницы в изначальном размере выборки (например, только «Словарь пословиц и поговорок русского народа» В.И. Даля насчитывает более 450 пословиц и поговорок в разделе «Работа – праздность» [Даль 1904], подборка русских паремий была случайным образом уменьшена до 200 единиц.

Результаты и обсуждение

Проведенный семантический анализ отобранных паремиологических единиц подтверждает универсальность аксиологических положений народной мудрости, ранее отмеченную другими исследователями как для паремий вообще [Данг 2017], так и для пословиц и поговорок, связанных с концептом *труд* [Динь 2020; Юэ 2023].

Результаты анализа отобранных паремий позволили сгруппировать их в соответствующие семантические категории, общие для двух народов (см. Рис. 1).

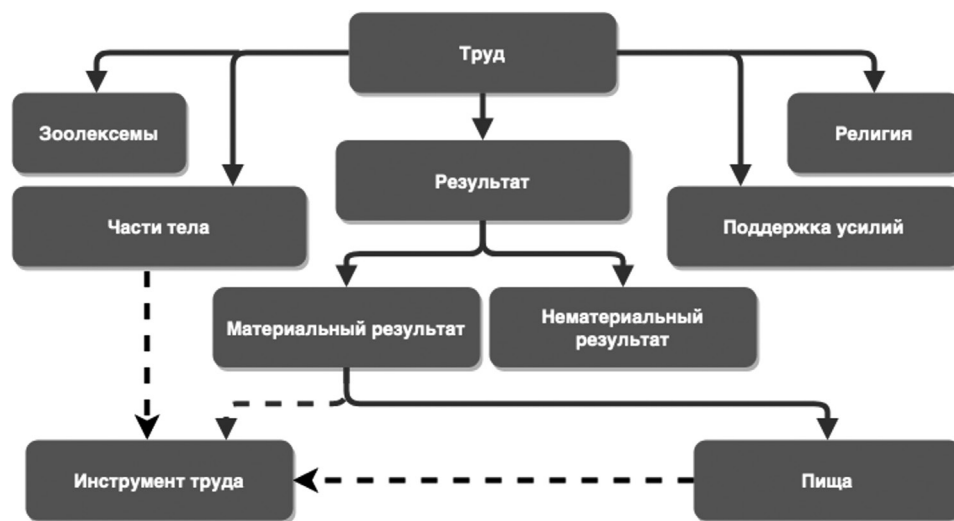

Рис. 1. Общие семантические категории русских и вьетнамских паремий, связанных с *трудолюбием/трудом*

Отношение русского и вьетнамского народов к *труду* и *лени* представляет собой яркий пример паремиологических универсалий. В русских пословицах поощряется *труд*, а *лень* антиценностно противопоставляется *труду* (например, *Труд кормит, а лень портит* / *Труд человека кормит, а лень портит*; *От труда здороваются, а от лени болеют*; *Труд всегда даёт, а лень берёт*). В отличие от изученной подборки русских паремий, во вьетнамских источниках выше степень конкретизации *лени* (например, *Đàn bà không biết nuôi heo là đàn bà nhác* – *Женщины, которые не умеют выращивать свиней, — ленивые женщины*), а ее коллективное порицание выражено ярче (например, *Ghét kẻ lười không ai cười người lười lắm gối* – *Смеются только над теми, кто ленив, и никогда – над теми, у кого колени в грязи*; *Thế gian chuộng của, chuộng công, nào ai có chuộng người không bao giờ* – *Общество предпочитает материальный достаток и трудолюбие, а не бездельников*), что согласуется с восприятием вьетнамцев как представителей типично коллективистской культуры [Nguyen, Le 2010], а также указывает на нематериальную составляющую результата *труда* – общественное поощрение. Аналогичный нематериальный компонент присутствует и в русских паремиях (например, *Где труд, там и счастье*).

Как справедливо отмечает Л.В. Басова, «концепт ТРУД является многоуровневым. Он включает в себя базовый слой, представленный в сознании носителей русского языка концептуальными признаками «усилие», «напряжение», «физическое мучение» и когнитивные слои, отражающие развитие концепта» [Басова 2004]. На это указывают, в частности, русские пословицы, в которых упоминается работа до пота, т.е., либо интенсивно, либо изнурительно, но с результатом (например, *Работай до поту, так и поешь в охоту; Пот ключом льет, а жнец свое берет; Пот на спине – так и хлеб на столе*). Аналогичная связь присутствует и во вьетнамских пословицах (например, *Bát mỏ hôi đỏi bát cơm – Миска риса стоит миски пота*), причем также в форме критики (*Đi củóc đau tay, đi cày mòi gối – От мотыги руки болят, при пахоте колени ломит* (критика нежелающих работать)).

Исходя из определения понятия *труд* как «целесообразной деятельности человека, работы, требующей умственного и физического напряжения» [Толковый словарь... 2014], неудивительно, что универсальным в отношении русских и вьетнамцев к труду является ориентация на получаемый результат, который, в свою очередь, может иметь как материальное, так и нематериальное выражение [Басова 2004; Исупова, Хунбао 2015].

В качестве наиболее часто упоминаемого материального результата *труда* в русских пословицах упоминается как непосредственно *хлеб*, причем чаще всего в качестве обобщенного понятия (например, *Не потрудиться, так и хлеба не добиться; Горька работа, да хлеб сладок*), так и его конкретная, наиболее известная на Руси разновидность, противопоставляемая ржаному хлебу (например, *Не терт, не мят – не будет калач; Хочешь есть калачи, так не сиди на печи!*) [Борисова 2013; Мюллер 2007]. Стоит подчеркнуть, что в русской народной мудрости *белый хлеб*, т.е. хлеб высшего качества, напрямую связан с *трудолюбием* (например, *Жена трудолюбивая – на столе белый хлеб*).

Также в изученной подборке пословиц присутствуют семантически связанные с получением *хлеба* понятия *пахать* (например, *Кто пахать не ленится, у того и хлеб родится*) и *орать* (например, *Орать – так в дуду не играть*), а также ряд релевантных орудий труда (например, *У матушки сошки золотые рожки; Покуда цеп в руках, потуда и хлеб в зубах*). Отметим, что в данных пословицах, равно как и в пословицах, в которых упоминаются *руки* в значении универсального инструмента [Мыльникова 2009] (например, *Не печь кормит, а руки*) реализуется, по Е.Ф. Тарасову, «два модуса протекания деятельности – опредмечивание и распредмечивание» [Тарасов 2020].

Рис, являясь в изученной подборке вьетнамским эквивалентом *хлеба*, представляет собой основное блюдо, которое едят ежедневно, из которого делают новогодние пироги и получают спиртные напитки [Нгуен 2011]. Неудивительно, что *рис* широко представлен во вьетнамских паремиологических единицах, связанных с результатом *труда* (например, *Miốn ăn lúa, thì tìm giống – Если хочешь есть рис – ищи семена; Bát mỏ hôi đỏi bát cơm – Миска риса стоит миски пота; Cá đi chơm, cơm làm ruộng – хочешь рыбы – иди рыбачить, хочешь риса – иди работать в поле*). Отдельная группа пословиц связана с *рисом* и критикой *лени* (например, *Chữ không học, thóc không xay – слова не выучены, рис не отшелушен* (критика ленивых детей); *Giã gạo thì ốm, giã cỏm thì khoẻ – Как рис шелушить, так болен, а как зеленый рис шелушить, так здоров* (критика тех, кто выбирает работу полегче)). Логичным представляется предположение, что

как для русских, так и для вьетнамцев пища, а точнее *хлеб* и *рис*, представляет собой не просто результат труда, но и маркер порицания *лени* [Хут 2021].

Разумеется, для обоих народов пища как результат *труда* не ограничивается *хлебом* и *рисом*, хотя они и играют главную роль. Так, общим компонентом в изученных паремиях является *рыба* (например, *Без труда не выловишь рыбку из пруда; Чтобы рыбку съесть, надо в воду лезть; Ăn cá vá chài – Хочешь есть рыбу – чини сети; Miốn ăn cá, phải thả câu – Если хочешь есть рыбу, то ты должен забросить леску*). В приведенных примерах из изученной подборки вьетнамских паремий указываются конкретные орудия труда, связанных с рыболовством (*сети, леска*) и *рисом* (например, *Đi sióc đàu tay, đi cày tôi gối – От мотыги руки болят, при пахоте колени ломит*), однако в последнем случае чаще используются соответствующие глаголы (*рыхление земли и ее вспашка*).

Стоит подчеркнуть, что преобладание риса и хлеба в изученной подборке неслучайно, так как одним из стимулов к *труду* является *голод* (например, *Голод морит, по свету гонит; Đói, đần gối phải bò – Когда ты голоден, то ты должен ползать на коленях (работать)*).

Примечательно, что в выделенной нами семантической группе вьетнамских паремий, связанных с концептом *пища*, присутствует упоминание *плодов* как результата *труда* (например, *Miốn ăn quả, phải trồng cây – Хочешь есть плоды – расти деревья; Miốn ăn sim chín, thì vào rừng xanh – Если хочешь есть ягоды мирта, тебе надо идти в лес*), что является, на наш взгляд, одной из культурно-специфических особенностей. Культурно-специфической особенностью изученных русских паремий является такой материальный результат *труда*, как одежда, а также соответствующие орудия труда и глаголы, обозначающие их использование (например, *Гребень (Прялка) не Бог, а рубаху дает; Пряди, девица, не ленись, по лавкам не тянись!*).

Сходным образом, национальным оттенком обладают и зоолексемы, входящие в состав изученного русского и вьетнамского материала. Так, для русских примерами представителей животного царства, ассоциированных с *трудом*, являются *муравей* (например, *Муравей не велик, а горы копает*) и *пчела* (например, *Пчелка маленькая, а и та работает*). Во вьетнамской паремиологической подборке присутствуют такие зоолексемы, как *буйвол*, правда опосредованно (например, *Chật cày khoẻ họ – Ленишься при пахании, но бодро кричать буйволам, чтобы они остановились* (во Вьетнаме буйволам кричат *họ*, чтобы они остановились)), и *дракон* (например, *Ăn nhừ rồng sióc, lặt nhừ cà sióng lộn ngược – Ест как дракон, работает как перевернутый водный клоп*) – два представителя реальной и, соответственно, мифологической фауны Вьетнама, наиболее часто упоминающиеся в национальных пословицах и поговорках данной страны [Тюменева 2014].

Важными семантическими категориями, объединяющими русские и вьетнамские паремии, и, соответственно, языковые сознания двух народов, являются религия (например, *Бог труды любит; Có công đã có trời đền – Если будешь трудиться, то Бог отблагодарит тебя*) и поддержка усилий, направленных на достижение результата труда (например, *Не боги горшки обжигают; Đi lâu xa đâu cũng tới – чтобы добраться туда нужно много времени (необходимо терпение для достижения результата)*) или на начало трудной работы (например, *Не боги горшки обжигают; Luyện mới thành tài, miệt mài tất giỏi – Чтобы стать хорошим в деле, надо практиковаться. Хорошо трудись и все получится*).

Помимо отмеченной ранее разницы в отдельных компонентах изученной подборки русских и вьетнамских паремий следует также отметить одно очень важное, на наш взгляд, различие в восприятии *труда* двумя народами. Так, для вьетнамцев труд является не только источником пищи, но и средством достижения достатка (например, *Chăm học thì sang, chăm làm thì có* – *Если будешь хорошо учиться, достигнешь положения в обществе. Если будешь трудолюбив, то будешь богат*), тогда как русские отмечают, что труд позволит не остаться голодным, но не разбогатеть, или и вовсе испортить себе здоровье тяжким трудом (например, *От трудов своих сыт будешь, а богат не будешь; Мужик не живет богат, а живет горбат*).

Заключение

В настоящем исследовании при помощи семантического анализа русских и вьетнамских паремий, содержащих концепт *труд*, была предпринята попытка изучить такую общую характеристику «автопортретов» двух народов, как *трудолюбие*.

Важность данного качества в жизни русских и вьетнамцев подчеркивается количеством и разнообразием пословиц и поговорок. Установлено, что изученные паремии можно классифицировать в соответствии с общими для двух народов семантическими категориями, которые, на наш взгляд, можно воспринимать как «общие точки» на аксиологической картине мира представителей двух лингвокультур, на которые следует опираться при выстраивании эффективного межкультурного диалога.

Наряду с другими исследователями нами отмечается, что помимо общего, культурно-универсального компонента русских и вьетнамских пословиц и поговорок, связанных с концептом *труд*, в проанализированной подборке четко прослеживаются культурно-специфические особенности аксиологической картины мира двух народов. Несмотря на то, что в большей части проанализированных пословиц и поговорок двух народов непосредственно концептообразующее слово *труд* отсутствуют, на него указывают переносные значения.

В заключение необходимо отметить, что изученные паремиологические единицы, представляющие собой фрагменты аксиологической картины мира русских и вьетнамцев, позволили уточнить полученную ранее информацию о лингвистических и культурологических нюансах «автопортретов» русских и вьетнамцев, включающих квазиэквивалентные элементы.

© Марковина И.Ю., Матюшин А.А., Иштван Ленарт, Данг Ми Линь, 2023

Литература

Антонова И.С. О соотношении понятий «языковое сознание» и «профессиональное языковое сознание» // Социосфера. №. 4. С. 52–57.

Баркова Е.Г. Индивидуальное языковое сознание германии XVIII в. (на материале романа И.В. Гёте «Die Leiden Des Jungen Werthers») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. №. 8–1. С. 25–28.

Басова Л.В. Концепт ТРУД в русском языке (на материале пословиц и поговорок): Дисс. ... канд. филолог. наук: 10.02.01. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2004. 242 с.

Борисова Л.В. Концепт «пища» в культурологическом пространстве русского языка // Вестник Чувашского университета. 2013. №. 4. С. 224–230.

Даль В.И. Пословицы русского народа: Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и пр. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://ru.wikisource.org/wiki/Пословицы_русского_народа_\(Даль\)/Работа_—_Праздность](https://ru.wikisource.org/wiki/Пословицы_русского_народа_(Даль)/Работа_—_Праздность) (дата обращения 01.12.2023).

Данг В.К. Паремии как языковые универсалии и их место в фразеологической картине мира // Проблемы и перспективы развития гуманитарных и социально-экономических наук. 2017. С. 39–43.

Динь С.Н., До К.Х. Концепт ТРУД в русском и вьетнамском языках // Известия Российской Военно-медицинской академии. 2020. Т. 39. № S3–1. С. 30–33.

Исупова С.М., Хунбао Ю. Семантический анализ концепта «Труд» в русских пословицах и поговорках // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. №. 12–1. С. 136–138

Караулов Ю.Н. Когнитивные размерности языкового сознания // Славистика: синхрония и диахрония: сборник научных статей к 70-летию И. С. Улуханова / под ред. В. Б. Крысько; ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН. М.: ИЦ Азбуковник, 2006. С. 14–29.

Кацюба Л.Б. Определение паремии (лингвистический аспект дефиниции) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2013. Т. 10. №. 1. С. 65–67.

Кацюба Л.Б. Паремиологическое сознание: к постановке проблемы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2010. №. 2. С. 73–75.

Леонтьев А.А. Формы существования значения // Психолингвистические проблемы семантики. М.: Наука, 1983. С. 5–20.

Маджидова Р.У. Антропоцентризм и аксиологическая картина мира // Наука, техника и образование. 2019. 6(59). С. 67–71.

Марковина И.Ю., Матюшин А.А., Иштван Л., Хьен Ф. Экспериментальное изучение восприятия русских и вьетнамцев русскими респондентами (Памяти ЮА Сорокина). // Вопросы психолингвистики. 2021. №2, Т. 48. С. 74–85.

Мыльникова Н.В. Функциональный аспект содержания концепта «рука» // Вестник Самарского государственного университета. 2009. № 67. С. 157–163

Мюллер Д. К истории семантического поля хлеб в древнерусском языке // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3: Филология. 2007. №. 10. С. 50–62.

Нгуен Т.Х. Образы языкового сознания русских и вьетнамцев: Сопоставительный анализ: дисс. ... канд. филолог. наук : 10.02.19. Москва, 2000. 305 с.

Нгуен Х.К. Культура еды через призму русской и вьетнамской паремиологии // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2011. № 1. С. 42–44

Понька Т.И., Юношкина А.С., Дубровский И.Р. Гуманитарный аспект стратегического партнерства Вьетнама и России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2021. 13(1). С. 56–76.

Российско-вьетнамские отношения: современность и история. Взгляд двух сторон / Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Дальнего Востока Российской академии наук; Центр изучения Вьетнама и АСЕАН. – М: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Дальнего Востока Российской академии наук, 2013. 415 с.

Тарасов Е.Ф. К проблеме функционирования языка // Вопросы психолингвистики. 2020. № 3. Т. 45. С. 126–136.

Толковый словарь современного русского языка, Д.Н. Ушаков – М.: “Аделант”, 2014. – 800 с.

Туан У.М. Перцептивный образ концепта Вьетнам в русском языковом сознании // Мир русского слова. 2018. №4. С. 64–69.

Тюменева Е.И. Образы животных как национально-специфические символы вьетнамской фразеологии // Вьетнамские исследования. 2014. № 4. С. 305–315.

Уонг М.Т. Концепт «Вьетнам» в русском языковом сознании: что русские знают о Вьетнаме // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2018. Т. 4. № 3. С. 52–64.

Уфимцева Н.В. Языковая картина мира: проблемы моделирования // Вопросы психолингвистики. 2016. № 1. Т. 27. С. 238–249.

Уфимцева Н.В. Языковое сознание-образ мира-языковая картина мира // Вопросы психолингвистики. 2015. № 24. С. 115–119.

Хут Ю.Ю. Этнокультурная специфика фразеологизмов с семантикой «пища» как ценностной картины мира // Современный ученый. 2021. № 5. С. 236–239.

Юэ Л. Языковая репрезентация концепта «труд»: на примере китайских и русских пословиц и поговорок с образами инструментов // Современное педагогическое образование. 2023. № 5. С. 217–222.

Markovina I. Y., Matyushin A. A., Lenart I., Pham H. Russian-Vietnamese Dialogue: How Do We See Each Other? // Материалы конференции «Российская психолингвистика: итоги и перспективы» (Москва, 27–28 мая 2022 года). 2022. С. 106–108.

Markovina I., Lenart I., Matyushin A., Hien P. Russian–Vietnamese mutual perceptions from linguistic and cultural perspectives. // Heliyon. 2022. 8(6). e09763.

Nguyen H. H. D., Le H., Boles T. Individualism–collectivism and co-operation: A cross-society and cross-level examination // Negotiation and Conflict Management Research. 2010. 3(3). PP. 179–204.

Сведения об авторах:

Марковина Ирина Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент, директор Института лингвистики и межкультурной коммуникации, ФГАОУ ВО Первый МГМУ имени И.М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский Университет)

Контактная информация:

123242, Россия, г. Москва, ул. Садово-Кудринская, д. 3, стр. 1

ORCID: 0000-0001-6940-9443

e-mail: markovina_i_yu@staff.sechenov.ru

Матюшин Алексей Аркадьевич – кандидат фармацевтических наук, доцент, магистр лингвистики, доцент, Институт лингвистики и межкультурной коммуникации, ФГАОУ ВО Первый МГМУ имени И.М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский Университет)

Контактная информация:

123242, Россия, г. Москва, ул. Садово-Кудринская, д. 3, стр. 1

ORCID: 0000-0003-4683-1590

e-mail: matyushin@sechenov.ru

Иштван Ленарт – Ph.D., доцент, Институт лингвистики и межкультурной коммуникации, ФГАОУ ВО Первый МГМУ имени И.М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский Университет)

Контактная информация:

123242, Россия, г. Москва, ул. Садово-Кудринская, д. 3, стр. 1

ORCID: 0000-0003-3262-3803

e-mail: istvan_lenart@hotmail.com

Данг Ми Линь – обучающаяся, международный университет Хошимина

Контактная информация:

Вьетнам, Хошимин, Тхудык, Район 6

e-mail: mylinhdang2003@gmail.com

Для цитирования:

Марковина И.Ю., Матюшин А.А., Иштван Ленарт, Данг Ми Линь. Общность паремиологических компонентов аксиологической картины мира русских и вьетнамцев: концепт *труд* // Вопросы психолингвистики № 4(54) 2023, С. 152–163, doi: 10.30982/2077-5911-2023-58-4-152-163

UDC 81'23

LBC 81.003

DOI 10.30982/2077-5911-2023-58-4-152-163

Research article

**COMMON PAREMIOLOGICAL COMPONENTS OF THE RUSSIAN
AND VIETNAMESE AXIOLOGICAL PICTURE OF THE WORLD:
THE CONCEPT OF *LABOR*²**

Irina Yu. Markovina,

Institute of Linguistics and Intercultural Communication,
Sechenov First Moscow State Medical University,
Moscow, Russia

Alexey A. Matyushin,

Institute of Linguistics and Intercultural Communication,
Sechenov First Moscow State Medical University,
Moscow, Russia

Istvan Lenart,

Institute of Linguistics and Intercultural Communication,
Sechenov First Moscow State Medical University,
Moscow, Russia

Dang My Linh,

Ho Chi Minh City International University,
Ho Chi Minh, Vietnam

---

² The reported study was funded by RFBR and VASS, project number 21-512-92001\23.

Abstract

This paper describes a fragment of the large-scale international study aimed at investigation of mutual perceptions and self-perceptions of Russians and Vietnamese, reflected in the language and culture. The authors attempted to semantically analyze the composition of one of the common characteristics of the two peoples' "self-portraits", namely *industriousness*, through the prism of proverbs and sayings.

A selection of 400 paremiological units (200 Russian and 200 Vietnamese proverbs and sayings, respectively) related to the concept of *labor* were analyzed.

Based on the analysis performed, the authors allocated the paremiological units into semantic categories that are common for both cultures, and, thus, make their axiological pictures of the world similar. The results demonstrate that Russians and Vietnamese encourage *labor* and discourage *laziness*: for them, *labor* is, first of all, a way to achieve a certain result, with *bread* and *rice* being the main outcome of work. Moreover, the studied selection of proverbs and sayings includes tools of *labor*, as well as religion, encouragement of effort, and some zoolexemes that have clear culture-specific connotation.

Thus, the authors complement the work of other researchers with new linguoculturological data, demonstrating the presence of not only common cultural components, but also culture-specific characteristics of the axiological picture of the world in the studied Russians and Vietnamese paremias. The authors believe that the identified common semantic categories contribute to a deeper understanding of other cultures and can be used as a basis for establishing the effective intercultural dialogue.

Keywords: psycholinguistics, ethnic self-identification, intercultural Russian-Vietnamese dialogue, characterological self-portrait, paremias

© Markovina I.Yu., Matyushin A.A., Istvan Lenart, Dang My Linh, 2023

Bionotes:

Irina Yu. Markovina – Ph.D. in Linguistics, Professor, Director, Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Sechenov First Moscow State Medical University

Contact information:

3-1 Sadovaya-Kudrinskaya, Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Sechenov University, Moscow, Russian Federation, 123242

ORCID: 0000-0001-6940-9443

e-mail: markovina_i_yu@staff.sechenov.ru

Alexey A. Matyushin – Ph.D. in Pharmacy, MA in Linguistics, Senior Lecturer, Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Sechenov First Moscow State Medical University

Contact information:

3-1 Sadovaya-Kudrinskaya, Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Sechenov University, Moscow, Russian Federation, 123242

ORCID: 0000-0003-4683-1590

e-mail: matyushin@sechenov.ru

Istvan Lenart – Ph.D., Associate Professor, Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Sechenov First Moscow State Medical University

Contact information:

3-1 Sadovaya-Kudrinskaya, Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Sechenov University, Moscow, Russian Federation, 123242

ORCID: 0000-0003-3262-3803

e-mail: istvan_lenart@hotmail.com

Dang My Ling – Student, Ho Chi Minh City International University

Contact information:

Quarter 6, Linh Trung Ward, Thu Duc District, HCMC

e-mail: mylinhdang2003@gmail.com

For citation:

Markovina I.Yu., Matyushin A.A., Istvan Lenart, Dang My Linh (2023) Common paremiological components of the Russian and Vietnamese axiological picture of the world: the concept of *Labor*. *Journal of Psycholinguistics*. 3(53), P. 152–163. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2023-58-4-152-163 (In Russian)

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ

УДК 81'23

ББК 81

DOI 10.30982/2077-5911-2023-58-4-164-170

Научная статья

КЛАССИЧЕСКАЯ И НЕКЛАССИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОНЯТИЯ «ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ»

Яковлев Андрей Александрович,

Северо-Западный институт управления,

Российская Академия народного хозяйства и государственной службы

Санкт-Петербург, Россия

Аннотация

В исследованиях языкового сознания необходимо избегать дублирования содержания этого понятия с содержанием понятия «ментальный лексикон». Исследования языкового сознания и ментального лексикона — не одно и то же, поскольку опираются на различную методологию. Однако распространенные сегодня определения понятия «языковое сознание» не учитывают этой методологической специфики. Поэтому автор настоящей статьи разграничивает две интерпретации понятия «языковое сознание», первая из которых целесообразна для исследований, не носящих сопоставительного характера, а вторая целесообразна именно для сопоставительных исследований языкового сознания разных социально-культурных групп.

Ключевые слова: языковое сознание, определение, терминология психолингвистики, методология психолингвистики, сопоставительные исследования

К постановке вопроса

Как в лингвистических, так и в психолингвистических исследованиях понятие «языковое сознание» (далее ЯС) используется уже не одно десятилетие. В этой связи небезынтересно и бесполезно разобраться, для всех ли исследований ЯС в одинаковой степени подходит его определение, и если нет, то внести в его содержание соответствующие коррективы. Это вполне нормальный для науки процесс: научные понятия, будучи теоретическими конструктами, меняют свое содержание при изменении предметной области, которая с их помощью объясняется и описывается, а также при изменении метода исследования этой предметной области. Следовательно, цель настоящей статьи состоит в том, чтобы проанализировать и сравнить методологию и предметную область ядра современных исследований ЯС и сопоставить их с содержанием этого понятия.

В современных работах ЯС чаще всего определяется как образы сознания, ассоциированные с языковыми знаками и используемые человеком для целей общения. См.: [Дзюба 2015: 38–39; Кубрякова 2012: 28; Мыскин 2016: 4; Попова, Стернин 2007: 45–46; Уфимцева, Тарасов 2009: 20; Уфимцева 2011: 206]. Такая интерпретация обладает рядом слабых мест. Так, она не содержит указания на то, какими социально-культурными и индивидуально-личностными факторами эта часть обусловлена. Кроме

того, при такой интерпретации понятие ЯС существенно не отличается от понятия «ментальный лексикон» в его традиционном содержании [Залевская 2005; Jarema, Libben 2007; Field 2004: 161; Wunderlich 2006].

Данная интерпретация представляет ЯС в общем виде, как некоторую целостность, позволяет выявить то общее, что есть в различных формах его проявления. Она указывает на некоторую предметную область — «составную часть» сознания, но не позволяет фиксировать закономерности ее изменения. Если рассматривать определение научного понятия с точки зрения философии науки и гносеологии, важно именно последнее обстоятельство.

В работах по философии науки установлены важные свойства определения научного понятия [Зиновьев 1971: 64–65; Ильенков 2022: 249; Рубинштейн 2012: 124; Степин 2003: 352–353; 2015: 85, 90, 119]. Определение должно содержать в себе основную, общую закономерность, которой подчиняется определяемый предмет. Общая закономерность, зафиксированная в определении, ложится в основу такого объяснения наблюдаемых свойств предмета, которое подходит для множества частных случаев и обеспечивает предсказательную силу определения. При отсутствии закономерности либо невозможно связать между собой сущностно схожие, но различные по форме явления и предметы (и каждый раз заново констатировать их связь), либо приходится объяснять случайностью их сходство и в целом эти свойства.

Чтобы понять, какие закономерности изучаемой предметной области должны отражаться в понятии «языковое сознание», следует обратиться к конкретным исследованиям, в которых это понятие не просто упоминается, но является ключевым.

Сопоставительные исследования языкового сознания и две интерпретации этого понятия

Авторы целого ряда психолингвистических исследований последних лет целенаправленно проводят сопоставление двух социально-культурных групп, обобщая и объясняя полученные результаты с помощью понятия ЯС. При этом в качестве критерия сопоставления двух социально-культурных групп в таких исследованиях выбирается *деятельность*, которая для представителей хотя бы одной из двух групп является *регулярной*. См., например: [Бронникова 2017; Кафтанов 2020; Костюшкина, Павленок 2018; Кротова, Ушакова 2021; Лопсан 2018; Палкин 2018; Селютин, Селютина 2020; Устьянцева 2021; Хвесько, Крюкова, Врублевская 2020; Шаманова, Виноградова 2020].

Более того, в перечисленных исследованиях внимание авторов сфокусировано не только и не столько на сопоставлении языкового материала, полученного от разных групп людей, сколько на способах личностного переживания этими людьми тех явлений, которые входят в их регулярную деятельность. Языковые формы выражения этого переживания и сопоставляются в данных исследованиях.

Следовательно, если перед исследователем не стоит сопоставительной задачи, а лишь задача зафиксировать в некотором теоретическом понятии, что найденные в эмпирии явления обусловлены одновременно и регулярно осуществляемой деятельностью, и ее личностным переживанием, то для такого исследования целесообразна интерпретация ЯС, которую можно назвать *классической*. В ее основе лежит следующее определение: *языковое сознание — это психолингвистическое*

понятие, которое показывает, каким образом часть речевого опыта некоторой социально-культурной группы испытывает на себе влияние регулярно осуществляемой деятельности и ее личностного переживания. При такой интерпретации ЯС как теоретическое понятие охватывает образы сознания, имеющие стабильные ассоциации со значениями и смыслами языковых знаков в результате регулярно осуществляемой деятельности. Следовательно, это не просто любая «языковая» часть сознания, или опыта, или знаний человека, а такая часть, которая обусловлена регулярной деятельностью и ее личностным переживанием, оцениванием с позиций личности.

Если же перед исследователем стоит задача не просто показать какие-то особенности ЯС, но объяснить закономерности их изменения с точки зрения регулярно осуществляемой деятельности и личностного переживания людьми себя в этой деятельности, то для такого исследования целесообразна интерпретация ЯС, которую стоит назвать *неклассической*. В ее основе лежит следующее определение: *языковое сознание — это психолингвистическое понятие, которое показывает, каким образом речевой опыт некоторой социально-культурной группы изменяется под одновременным влиянием регулярно осуществляемой деятельности и ее личностного переживания.*

Подчеркнем, что мы сознательно вкладываем в два сформулированных определения не способ перечисления некоторых явлений, обладающих определенными свойствами, но закономерную связь этих свойств со свойствами других явлений — сознательных и социально-культурных. Если такая закономерность отсутствует в определении, то это последнее не позволяет в опирающемся на него исследовании ответить на вопрос: «При изменении некоторого фрагмента ЯС чем это изменение обусловлено?» Исследователь может лишь констатировать это изменение. Разумеется, что для ряда исследований такой констатации достаточно, следовательно, вполне целесообразно пользоваться классической интерпретацией ЯС. Но для других исследований, наподобие приведенных выше, классической интерпретации недостаточно, необходима дополненная интерпретация этого понятия.

Опираясь на приведенные определения, исследователь может показать, каким образом фрагменты ментальных лексиконов некоторой группы людей организуются под влиянием факторов внутреннего (личностный смысл, эмоции, ценности и т.п.) и внешнего (социальные нормы, культурные стереотипы и т.п.) порядка. Иными словами, приведенные определения содержат себе закономерность, по которой фрагменты ментальных лексиконов организуются под влиянием регулярной деятельности и личностного переживания.

Понятие ЯС в классической интерпретации позволяет лишь констатировать, отражаются ли определенные явления в сознании и ментальном лексиконе индивида в данный период развития общества и языкового коллектива. Неклассическая интерпретация позволяет выявлять, от чего зависит и как изменяется связь значений и смыслов слов с соответствующими им образами явлений внешнего мира. Такая связь, коль скоро изучается целая группа людей, может быть показана вероятностно, в виде тенденции, но не абсолютно, т.е. не для каждого отдельного представителя этой группы.

В неклассической интерпретации ЯС отражает особенности упорядочивания речевого опыта группы людей в зависимости от определенных, т.е. фиксируемых

теорией, внутренних (индивидуально-личностных) и внешних (социально-культурных) факторов. Дело не только в том, что члены некоторой группы регулярно осуществляют одинаковую деятельность, но также в том, что они одинаковым образом переживают и оценивают эту деятельность. Внешние и внутренние факторы (деятельность и ее личностное переживание соответственно) системно и закономерно влияют на опыт группы людей, и это влияние фиксируется в значениях и смыслах слов.

Вполне можно и достаточно констатировать, что такое-то явление мира и жизни человека находит отражение в его языке. Но можно также найти те причины, по которым это явление отражается в сознании и языке именно таким образом, а не каким-то иным. Первой возможности (и интенции) соответствует классическая интерпретация ЯС. Второй возможности (и интенции) соответствует неклассическая интерпретация ЯС — как теоретического понятия, в обобщенной форме отражающего вероятностные связи между словом, деятельностью и личностью человека.

Какое отношение предлагаемая нами интерпретация ЯС имеет к традиционному предмету психолингвистики — к языку как достоянию человека, к языковой компетенции, ментальному лексикону? ЯС в предложенной неклассической интерпретации подходит для исследований, нацеленных специально на выяснение «удельного веса» смысла разных слов в ментальных лексиконах представителей разных социально-культурных групп. Появляется возможность иначе интерпретировать саму проблему, решению которой и служит понятие ЯС, и ракурс рассмотрения предмета психолингвистики. Это понятие при сформулированном выше неклассическом определении объясняет причины, почему в ментальном лексиконе наблюдаются такие-то тенденции, почему с такими-то словами связаны такие-то фрагменты личностного опыта, оценки, осмысления и т.п. Неклассическая интерпретация позволяет исследовать, во-первых, степень сходства фрагментов ментальных лексиконов представителей разных социальных групп, во-вторых, связывать это сходство закономерным образом с деятельностными и личностными явлениями. Психолингвистика получает выход к более широким исследовательским горизонтам.

Некоторые выводы

В одной из работ А. Вежицкая пишет: «...если мы хотим найти по-настоящему универсальные человеческие концепты, то мы должны искать их не в окружающей нас действительности, а в своей голове» [Вежицкая 1993]. Это суждение полностью противоречит основным положениям культурно-исторического подхода к человеку, сознанию и языку. Искать надо именно в окружающей нас действительности, но не как таковой, а преобразуемой сознанием и деятельностью человека.

Если мы хотим найти особенности некоторых «единиц» сознания и опыта человека, отраженных в единицах его языка, мы должны искать их в способах осуществления деятельности и в личностном переживании этих способов и результатов. Часть наблюдаемых языковых явлений обусловлена особенностями социальной группы и системой ее деятельностей и не может быть выведена из языка, взятого, так сказать, внедеятельностно. С другой стороны, эти особенности не могут быть приписаны всему языковому коллективу и требуют уточнения, рассмотрения относительно других групп или других деятельностей. Перспективность понятия ЯС в этом отношении трудно переоценить.

Во многих работах по антропоцентрическому языкознанию отражение мира в сознании берется, так сказать, в застывшем виде, как будто оно неподвластно влиянию ни со стороны деятельности, ни со стороны личности человека. Предлагаемая в настоящей статье двойная интерпретация ЯС позволяет избежать этой идеализации и изучать язык человека в динамике его связей с деятельностью и личностью, а также раскрывать закономерности этой динамики.

Когда исследователь ставит перед собой цель констатировать связь некоторых слов с образами сознания без изменения этих связей, тогда целесообразна классическая интерпретация ЯС.

Напротив, когда исследователь ставит перед собой цель проанализировать динамику представлений, образов, ценностей и т.д. в зависимости от культурных и личностных факторов, тогда целесообразна неклассическая интерпретация ЯС.

Все вышесказанное не следует считать попыткой доказать превосходство неклассической интерпретации ЯС над классической. Однако есть достаточно оснований утверждать, что классическая интерпретация ЯС является *частным случаем* неклассической интерпретации. Эти две интерпретации находятся не в отношениях противопоставления, а в отношениях дополнения по отношению друг к другу. Следовательно, имеются исследования, которые по своим целям, материалу и методу, могут опираться на классическую интерпретацию ЯС, а имеются и те, которые должны опираться на неклассическую.

© Яковлев А.А., 2023

Литература

Бронникова Ю.О. Ассоциативный эксперимент как один из методов выявления оценочных связей в языковом сознании младших школьников // Современный ученый. 2017. № 2. С. 37–42.

Вежбицкая А. Семантика, культура и познание: общечеловеческие понятия в культурноспецифичных контекстах. [Электронный ресурс]. <http://www.philology.ru/linguistics1/wierzbicka-93.htm#3> (дата обращения: 25.05.2023)

Дзюба Е.В. Лингвокогнитивная категоризация в русском языковом сознании: монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2015. 286 с.

Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. М.: Гнозис, 2005. 543 с.

Зиновьев А.А. Логика науки. М.: Мысль, 1971. 279 с.

Ильенков Э.В. Философская энциклопедия: собр. соч. Т. 6. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2022. 512 с.

Костюшкина Г.М., Павленок Д.В. Когнитивный механизм формирования образа преподавателя в национальном языковом сознании студентов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. №5–2 (83). С. 342–346.

Зиновьев А.А. Логика науки. М.: Мысль, 1971. 279 с.

Кафтанов Р.А. Война в русском языковом сознании студентов и курсантов (психолингвистический аспект) // Вестник НГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2020. № 3. С. 154–165.

Кротова М.Н., Ушакова А.П. Исследование языкового сознания российских и иностранных военных специалистов методом ассоциативного эксперимента // Вестник ЯрГУ. Серия «Гуманитарные науки». 2021. № 2. С. 276–289.

Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования / Ин-т языкознания РАН. М.: Знак, 2012. 208 с.

Лопсан А.П. Репрезентация образа отца в языковом сознании тувинцев, русских и американцев. Мир науки, культуры, образования. 2018. № 6 (73). С. 480–481.

Мыскин С.В. Профессиональное языковое сознание и особенности его функционирования: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2016. 48 с.

Палкин А.Д. Образ времени в языковом сознании русских и японцев // Вестник НГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2018. Т. 16. № 4. С. 5–15.

Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток Запад, 2007. 314 с.

Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. СПб.: Питер, 2012. 288 с.

Селютин А.А., Селютина Е.А. Особенности языкового сознания студентов вуза // Вестник Челяб. гос. ун-та. Серия «Филологические науки». 2020. № 12 (446), вып. 122. С. 125–130.

Степин В.С. Теоретическое познание. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 744 с.

Степин В.С. Философия и методология науки. М.: Академический проект; Альма Матер, 2015. – 716 с.

Устьянцева Е.В. Социокультурный тип учителя малого города Красноярского края (осознаваемый уровень языкового сознания) // Сибирский филологический форум. 2021. № 2 (14). С. 17–23.

Уфимцева Н.В., Тарасов, Е.Ф. Проблемы изучения языкового сознания // Вопросы психолингвистики. 2009. № 10. С. 18–25.

Уфимцева Н.В. Языковое сознание: динамика и вариативность. М.: Институт языкознания РАН, 2011. 252 с.

Хвесько Т.В., Крюкова И.В., Врублевская О.В. Коннотативные имена собственные постсоветского периода в языковом сознании носителей русского языка (экспериментальное исследование) // Язык и культура. 2020. № 50. С. 115–128.

Шаманова М.В., Виноградова М.В. Особенности восприятия лексем семантической группы «внутренние органы человека» обыденным и профессиональным языковым сознанием (на материале лексемы *сердце*) // Социальные и гуманитарные знания. 2020. №2 (22). С. 186–195.

Jarema G, Libben G. (eds.) The mental lexicon: Core perspectives. Amsterdam, Boston, Heidelberg etc.: Elsevier, 2007. 235 p.

Field J. Psycholinguistics. The key concepts. London, New York: Routledge, 2004. 366 p.

Wunderlich D. Introduction: What the theory of the lexicon is about // Advances in the theory of the lexicon. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2006. P. 1–26.

Сведения об авторе:

Яковлев Андрей Александрович – кандидат филологических наук, доцент, Северо-Западный институт, Российская академия народного хозяйства и государственной службы

Контактная информация:

191119, Россия, Санкт-Петербург, Днепропетровская, 8

ORCID: 0000-0003-1491-0577

e-mail: mr.koloboque@gmail.com

Для цитирования:

Яковлев А.А. Классическая и неклассическая интерпретация понятия «Языковое сознание» // Вопросы психолингвистики №4(58) 2023, С. 164–170, doi: 10.30982/2077-5911-2023-58-4-164-170

UDC 81'23

BBK 81

DOI 10.30982/2077-5911-2023-58-4-164-170

Research article

**CLASSICAL AND NON-CLASSICAL INTERPRETATION ON THE CONCEPT
“LANGUAGE CONSCIOUSNESS”**

Andrey A. Yakovlev

Assistant professor

Russian Presidential Academy

of National Economy and Public Administration,

St. Petersburg, Russia

Abstract

Psycholinguistic studies have to avoid duplication of the concepts “language consciousness” and “mental lexicon”. Studies of language consciousness and mental lexicon are not the same by their methodology because they rely on different methodological principles. However, the definitions of the concept “language consciousness” that are widespread today do not take into account this methodological specificity. Therefore, the author of this article distinguishes two interpretations of the concept “language consciousness” the first of which is appropriate for studies that are not of a comparative nature and the second is appropriate for comparative studies of the language consciousness of different socio-cultural groups.

Keywords: language consciousness, definition, terminology of psycholinguistics, methodology of psycholinguistics

© Yakovlev A.A., 2023

Bionotes:

Andrey A. Yakovlev – Candidate of Philological Sciences, Assistant professor, North-West Institute of management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,

Contact information:

8, Dnepropetrovskaya st., St. Petersburg, Russia 191119

ORCID: 0000-0003-1491-0577

e-mail: mr.koloboque@gmail.com

For citation:

Yakovlev A.A. Classical and non-classical interpretation on the concept “Language consciousness” // Journal of Psycholinguistics. 4(58), 2023. P. 164–170. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2023-58-4-164-170 (In Russian)

ТРИБУНА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

УДК 81'23

ББК 81

DOI 10.30982/2077-5911-2023-58-4-171-181

Научная статья

КУЛЬТУРНЫЙ ОПЫТ КИТАЙЦЕВ КАК ОПОРА ДЛЯ ЗАПОЛНЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТНО-КОММУНИКАТИВНЫХ ЛАКУН ПРИ ВОСПРИЯТИИ ПОВЕДЕНИЯ РУССКИХ

Чжан Жуньмэй,

Институт языкознания РАН,

Москва, Россия

Аннотация

Метод установления лакун, разработанный Ю.А. Сорокиным, И.Ю. Марковиной, позволяет выявить национально-культурную специфику отдельных культур. Разные виды лакун экспериментально исследованы на материале многих языков. В настоящей статье представлены результаты исследования деятельностно-коммуникативных лакун, входящих, в свою очередь, в число культурологических лакун. Исследование проводилось в КНР и было сосредоточено на том, как именно вербализованный (представленный в виде текста) культурный опыт китайцев позволяет им интерпретировать поведение представителей России.

В процессе исследования китайские испытуемые (200 респондентов) наблюдали записанные на видео действия жителей России в обычных социальных ситуациях и отвечали на вопросы, связанные с описанием и интерпретацией наблюдаемых действий.

Предварительно был проведен опрос 50 носителей китайского языка, а также проанализированы материалы в сети Интернет. Таким образом, выявлены наиболее типичные виды деятельности, в которых, по мнению китайцев, содержатся лакуны указанного выше типа. Сюжеты для видео были составлены с учетом данных опроса.

Результаты показали, что, несмотря на наличие лакун, большинство китайских респондентов положительно либо нейтрально интерпретируют поведение русских, в котором присутствуют деятельностно-коммуникативные лакуны. При интерпретации поведения русских китайцы привлекают знания, полученные в рамках собственной культуры.

Ключевые слова: культурный опыт, испытуемые, видео, эксперимент, деятельностно-коммуникативная лакуна

Введение

Вслед за У. Гудикунсту мы понимаем межкультурную коммуникацию как общение представителей разных культур [Кашкин 2000: 182]. В мире существует качественное разнообразие национальных культур, потому что мир воспринимается человеком по-разному в зависимости от типа культуры, в которой он как личность развивается. Это приводит многих ученых к мнению, что коммуникативное взаимодействие между Китаем и Россией осложняется наличием таких «препятствий», как стереотипы, лакуны, обусловленные разницей менталитета, обычаев, традиций, исторического прошлого, языков и т.д.; даже в условиях глобализации проблема лакунарности не утратила своей актуальности.

Возникновение лакуны как явления связано с межкультурной коммуникацией. В России исследованию лакун посвящено достаточно много работ. Российские ученые, рассматривавшие это явление (И.И. Ревзин и В.Ю. Розенцейг [1964], Ю.С. Степанов [1965], Н.И. Конрад [1972], В.Л. Муравьев [1975], Ю.А. Сорокин [1977, 2010], В.И. Жельвис [1977], И.А. Стернин и З.Д. Попова [2003], Г.В. Быкова [2003], И.Ю. Марковина [2007, 2010], Б.В. Дашидоржиева [2011], А.О. Кравец [2018], В.Е. Беляева [2019], И.В. Евсеева [2023] и др.), понимают лакуны по-разному, но в общем признают, что основными признаками лакуны являются «непонятность, непривычность, незнакомость, ошибочность» [Марковина, Сорокин 2010: 34].

Надо отметить, что Ю.А. Сорокин первым в 1973 г. рассматривал лакуну с этнопсихолингвистической точки зрения, что явилось предпосылкой становления самостоятельной дисциплины – лакунологии в России. Ю.А. Сорокин полагал, что «лакуны есть следствие неполноты и/или избыточности опыта лингвокультурной общности, вследствие чего не всегда возможно дополнить опыт одной из лингвокультурной общности опытом другой лингвокультурной общности. Лакуны есть явление, принадлежащее коннотации, понимаемой как набор традиционно разрешенных для данной локальной культуры способов интерпретации фактов, явлений и процессов вербального поведения» [Сорокин 1977: 123].

По мнению И.Ю. Марковиной и Ю.А. Сорокина, «лакуны в самом общем понимании фиксируют то, что есть в одной локальной культуре, и чего нет в другой» [Марковина, Сорокин 2010: 12].

По мнению В.И. Жельвиса, лакуны – это то, что в одних языках и культурах обозначается как «отдельности», а в других не «сигнализируется, то есть не находит общественно закрепленного выражения» [Жельвис 1977: 136–137]. Согласуется с этим и мнение культуролога Б.В. Дашидоржиевой, полагающей, что лакуна в качестве объекта понимания представляет собой затруднения в общении, вызывающие помехи в межкультурной коммуникации [Дашидоржиева 2011: 87].

Мнение Е.Ф. Тарасова о том, что главной причиной непонимания при межкультурной коммуникации выступают не языковые различия, а различия национальных сознаний коммуникантов [Тарасов 1996], совпадает с точкой зрения И.Ю. Марковиной, которая тоже полагает, что межкультурное общение – «диалог неконгруэнтных национальных сознаний» [Марковина 2007: 79]. Поэтому культурологические лакуны выступают как способ отражения и репрезентации национально-культурной специфики и национального языкового сознания. Важно, что культурологические лакуны – «элементы вербального и невербального аспектов “чужой” культуры, вызывающие у коммуникантов реакцию неприятия, несогласия, недооценки и непонимания» [Марковина 2007: 79].

В соответствии с моделью межкультурного общения (субъекты общения; собственный процесс общения – деятельность; культурное пространство) [Марковина 2007: 79], культурологические лакуны разделяют на три группы:

(1) Субъектные лакуны: носитель одной культуры не понимает логику, характер, эмоцию носителя другой культуры.

(2) Деятельностно-коммуникативные лакуны: в процессе коммуникации носитель одной культуры не понимает деятельность (кинесику, повседневное поведение) носителей другой культуры.

(3) Лакуны культурного пространства: отношения структурированных культурных феноменов в сознании носителя разных локальных культур различны.

Сторонник Ю.А. Сорокина и И.Ю. Марковиной – немецкий лингвист А. Эртельт-Фит – создала лакунарную модель для классификации и анализа пробелов. Лакунарная модель включает три группы лакун с плавными переходами между ними: ментальные лакуны, **деятельностные лакуны**, предметные лакуны и аксиологические лакуны [Эртельт-Фит, Денисова-Шмидт 2007: 41].

Что касается способов элиминирования лакун, с точки зрения Ю.А. Сорокина и И.Ю. Марковиной, их два:

(1) «Заполнение лакун» [Сорокин, Марковина 1988: 11]. Процесс заполнения лакун является познавательной деятельностью человека. На наш взгляд, реализация заполнения лакун строго следует следующим этапам: во-первых, реципиент (интерпретант) встречается с языковым знаком объекта или самим объектом; во-вторых, опираясь на свою или (и) другую культуры, творчески создает некие связи между знаком и объектом, в итоге превращая (заимствуя) чужой элемент культуры в часть своей культуры.

(2) «Компенсация лакун» [Сорокин, Марковина 1988: 11]. По сравнению с заполнением, данный способ более упрощенный, но требует от реципиента много инокультурных знаний.

Однако эти два способа элиминирования лакун популярны только среди специалистов, особенно переводчиков. Для носителей обыденного сознания эти методы редко играют роль в процессе межкультурной коммуникации. Носителю обыденного сознания необходимо применить определенный адаптивный механизм заполнения лакуны. Отметим, что в каждой ситуации, в которой имеются лакуны, действует определенная логика, объясняющая действия представителей чуждой культуры. Здесь играет важную роль культурный опыт, в какой-то мере объясняющий воспринимающему субъекту национально-культурную специфику поведения, которое он наблюдает.

Методы исследования

Для выявления того, как китайцы реагируют на непонятное невербальное поведение русских, мы провели опрос, на основании которого выбрали наиболее частотные ответы респондентов: *русские встают в очередь; русские не любят улыбаться; русские в музей встают в очередь; русские девушки курят; русские мужчины при встрече пожимают руки; русские любят пить водку.*

На основании анализа ответов было создано шесть сценариев, по которым далее были сняты видеоролики со следующими сюжетами:

(1) Пассажиры московского метро поднимаются по эскалатору и входят в вагон подошедшего поезда.

(2) Пассажиры находятся в вагоне метро во время поездки.

(3) Люди встают в большую очередь в кассы Третьяковской галереи.

(4) Русская девушка просит сигарету у одного из студентов, курящих у входа в университет.

(5) Входя в учебную аудиторию, русский студент здоровается за руку с остальными студентами (мужчинами).

(6) Русские мужчины находятся в ресторане.

Анкета для проведения эксперимента предъявлялась на родном языке испытуемых. Паспорт анкеты включал следующие данные о респонденте: возраст, пол, родной язык.

Анкета содержала два вопроса для каждого ролика: (1) Что делают люди на демонстрируемом видео? (2) Почему они так делают?

Цель и задачи исследования

Цель нашего исследования – проверка на конкретных примерах положения о том, что интерпретация инокультурного невербального поведения (содержащего деятельностно-коммуникативные лакуны) осуществляется с опорой на свой эмпирический культурный опыт.

Задачи:

1) проведение эксперимента, включающего демонстрацию видео, и получение текста описания носителей китайского языка о наблюдаемых действиях русских с объяснением этих действий;

2) группирование и суммирование ответов на категории: вопрос №1: действие, эмоциональное состояние и отказы; вопрос №2: цель действия, характеристики, причины действия и отказы;

3) выявление факта влияния культурного опыта китайцев как опоры для интерпретации и элиминирования деятельностно-коммуникативных лакун, связанных с поведением русских;

4) выявление национально-культурной специфики языкового сознания китайцев, которую можно обнаружить в данном эксперименте.

Выборка

В 2017 г. нами был проведен эксперимент в двух китайских университетах – Шаньсийском (Shanxi daxue, 山西大学) и Чжунбэйском (Zhongbei daxue, 中北大学) в городе Тайюань провинции Шаньси. В качестве испытуемых выступили 200 студентов в возрасте 18–19 лет.

Процедура исследования

После просмотра каждого видеоролика респондентам предлагалось в течение трех минут описать увиденное и объяснить, почему люди на видео поступают именно таким образом. Ответы были представлены в виде текстов, собственноручно написанных испытуемыми.

Результаты

В целом было получено 200 текстов, содержащих ответы на все вопросы. После проведения эксперимента все данные обрабатывались с помощью компьютерной программы Excel и Word.

Как пишет основатель информационной-математической психологии Ю.Т. Глазунов, мотивация – это ментальная деятельность по постановке цели, формулированию мотива и созданию программы реализации действия, направленных на удовлетворение потребности [Глазунов 2019: 276]. Формулируя вопросы, мы пытаемся создать у испытуемых соответствующую мотивацию. Использовались два основных вопроса, на которые испытуемые должны были дать ответы: (1) что делают люди на видео? и (2) почему они так делают? Первый вопрос стимулирует респондента к наблюдению и подробному описанию действий и мимики русских; второй вопрос касается предположения о цели наблюдаемого действия и о причинах, побуждающих к нему. Таким образом, можно учитывать следующие содержательные категории полученных ответов: на вопрос №1: действие, эмоциональное состояние, отказы;

ответы на вопрос №2: цель действия, характеристика, причины действия, отказы. Результаты представлены ниже.

Классификация ответов по видео №1 (подъем по эскалатору в метро)

Ответы на вопрос №1

1) Действие: 乘坐电梯 *едут на эскалаторе*; 坐地铁 *едут на метро*; 上下地铁 *входят в метро и выходят из метро*; 有序地乘坐地铁 *соблюдают порядок при поездке на метро*; 97.5%

Ответы на вопрос №2

1) Цель действия: 上班 *на работу*; 聚会 *на встречу*; 去自己想去的地方 *добраться до назначенных мест*; 回家 *домой*; 逛街 *на шопинг*; 上学 *на учебу*; 为了安全 *для безопасности*; 保证安全 *обеспечивают безопасность*; 遵守秩序 *соблюдают порядок*, 先下后上 *сначала выходят, затем входят в метро*, 不拥挤 *не толкаются*; 为了节约时间 *для экономии времени*; 节省时间 *экономят время*; 为了方便 *для удобства*; 方便他人 *удобно другим*; 方便所有人 *удобно всем*; 81%

2) Характеристика: 礼貌的 *вежливые*; 素质高 *высокий культурный уровень*; 有文化 *культурные*; 有教养 *воспитанные*; 14.5%

3) Причины действия: 人很多 *много людей*; 生活节奏快 *быстрый темп жизни*; 时间少 *мало времени*; 2%

Классификация ответов по видео №2 (поездка в метро)

Ответ на вопрос №1

1) Действие: 乘坐地铁 *едут в метро*; 休息和玩手机 *кто-то отдыхает, а кто-то играет в телефоне*; 戴着耳机 *носят наушники*; 坐着 *сидят*; 休息 *отдыхают*; 等待 *ждут выхода из вагона*; 做自己的事 *занимаются своими делами*; 玩手机 *играют в телефоне*; 82%

2) Эмоциональное состояние: 随和 *покладистые*; 平静 *спокойные*, 严肃 *строгие*; 面无表情 *нет выражения на лице*; 冷漠 *равнодушные*; веселые; 无聊 *скучные*; 疲劳 *усталые*; 烦闷 *грустные*; 厌恶 *мерзостное настроение*; 心情不佳 *плохое настроение*; 沉重 *разочарованные*; 93.5%

Ответ на вопрос №2

1) Причины действия и эмоции: 因为无聊 *потому что скучно*; 可能生活压力大 *может быть, жизненный стресс большой*; 不想打扰别人 *не хотят беспокоить других*; 可能工作很累 *может быть, устали от работы*; 可能坐地铁无聊 *может быть, в метро скучно*; 可能不喜欢笑 *может быть, не любят улыбаться*; 可能起得太早了 *может быть, встали слишком рано*; 沉重的生活和工作 *тяжелая жизнь и работа*; 不愿和别人交流, 自我陶醉 *не хотят общаться с другими и занимаются сами собой*; 电子科技发展, 人与人缺乏交流 *в связи с развитием электронной техники люди лишены общения*; 地铁噪音太大了 *в метро слишком шумно*; 发达国家工作压力大 *устают на работе в развитой стране*; 在公共场合说话不尊重他人 *в общественном месте разговаривать - это не уважать других*; 民族习惯 *национальная привычка*; 西方国家注重个体, 对个人的私人空间非常看重, 我以为他们是不愿意打扰到其他人 *западные страны обращают внимание на личность и очень ценят свое личное пространство, я думаю, что они не хотят беспокоить других людей*; 相互不认识 *не знакомы друг с другом*; 在公共场合不喧闹 *в общественном месте не принято громко шуметь*; 我依然认为这是一种习惯和社会风气影响, 不打扰他人, 管好自己份内的事, 民族习惯 *я до сих пор думаю, что это привычка и результат социальной атмосферы, не мешай другим и занимайся своими делами, это национальный обычай*; 遵守乘车规则, 不吵闹

соблюдают правила при поездке, не шумят;为了生活 для жизни;一直笑会被当成神经病 если смеяться все время, будет считаться сумасшедшим 96%

2) Не знаю: 4%

3) Моральные качества: 因为人们都有素质,表现的遵守公共场所的规则,不会影响大家 потому что у людей есть хорошие качества и они соблюдают правила в общественном месте, не мешают другим;可能天生不爱笑,做人做事比较严谨吧 наверно, от рождения они не любят улыбаться и строго относятся к делам;有礼貌有秩序 вежливые и аккуратные;这是高寒地区的人的普遍性格特点,称为“高纬度性格”,严谨,严肃,认真,甚至有些刻板 это обычная черта людей в альпийских регионах, называемая темперамент полярных широт, строгие, серьезные, даже немного маловыразительные; 2%

Классификация ответов по видео №3 (большая очередь)

Ответ на вопрос №1

1) Действие: 排队 встают в очередь; 排队等待 встают в очередь и ждут; 参观某个地方 посещают какое-то место; 100%

Ответ на вопрос №2

1) Не знаю: 75.5%

2) Цель действия: 可能参加某个重要活动 может быть, участвуют в каком-то важном мероприятии; 等待银行开门 ждут открытия банка; 为了某个目的 для какой-то цели; 为了购买什么东西 для покупки чего-н.; 遵守规则 соблюдают правила; 为了遵守规则 для соблюдения порядка; 为了避免拥挤 для избежания толкотни; 为了避免混乱 для избежания беспорядка; 有秩序 соблюдают порядок; 社会秩序 социальный порядок; 为高效率, 快 для высокой эффективности, быстрее; 为了方便 для удобства; 24%

3) Причины действия: 生活节奏快 быстрый темп жизни; 赶时间 нагоняют время; 人太多 много людей; 4%

4) Моральные качества: 文化水平 культурный уровень; 有教养的人 воспитанные люди; 受教育的, 自觉遵守秩序 образованные, сознательно соблюдают правила; 有礼貌的人 вежливые, моральные люди; 优秀民族 отличный народ; 19.5%

Классификация ответов по видео №4 (просьба дать сигарету)

Ответ на вопрос №1

1) Действие: 聊天 разговаривают; 玩 играют; 聚众聊天 встречаются; 一起站着 вместе стоят; 抽烟 курят; 请求烟和打火机 просят сигарету и зажигалку; 98%

2) Не знаю: 2%

Ответ на вопрос №2

1) Причины действия: 可能他们认识 может быть, они знакомые; 他们喜欢抽烟,可能他们压力大 они любят курить, может быть, большой стресс у них; 可能与当地行为习惯有关 может быть, связано с особенностями местного поведения; 可能他们认为这样酷 может быть, они считают, что это круто; 可能家庭教育或者感到压力 может быть, из-за домашнего воспитания или чувствуют подавленность; 无聊 (打发时间) скучно (и убивает время); 习惯 привычка; 喜欢抽烟 любят курить; 习俗 обычай; 精神压力大 большой моральный стресс; 男女平等 равноправие мужчин и женщин; 正常的社会关系 нормальные общественные связи; 交流方式 коммуникативный способ; 在公共场合不大声说话 в общественном месте не говорят громко; 不随便扔烟头 не бросают окурки где угодно; 固定的吸烟区更方便 определенная зона, более удобная для курящих людей; 不在公共场合抽烟 в общественном месте запрещено курить; 51.5%

2) Цель действия: **增进感情** усиливает чувства; (无聊) 打发时间(скучно и убивает время); 为合作 для сотрудничества; 和别人分享 поделиться с другим; 不打扰别人 не мешают другим; 22.5%

3) Моральные качества: 有礼貌的 вежливые; 友好的 дружелюбные; 民风彪悍 народ храбрый; 女孩比较开放 открытые; 战斗民族 военная нация; 15.5%

Классификация ответов по видео №5 (рукопожатие)

Ответ на вопрос №1

1) Действие: 握手 пожимают руку; 问好 приветствуют; 进教室 входят в аудиторию; 100%

Ответ на вопрос №2

1) Не знаю: 1%

2) Цель действия: 为了表示友好 чтобы проявить дружелюбие; 表达礼貌和友爱 выражает вежливость и дружелюбие; 为了表示礼貌 для выражения вежливости; 为了增进感情 для укрепления отношений; 为了认识 для знакомства; 尊重别人 уважают других; 23%

3) Причины действия: 因为他们认识 потому что они знакомы; 因为他们热情, 有礼貌 потому что они сплоченные и дружелюбные; 因为上课时间 потому что во время урока; 因为问好很能表达礼貌 потому что приветствие очень выражает вежливость; 这是习惯 это привычка; 文化习惯 культурная привычка; 文化区别 культурное различие; 习俗 обычай; 礼仪 этикет; 传统 традиция; 可能来了新同学 может быть, придет новый студент; 可能这是第一次见面或第一次问候 может быть, это первая встреча и первое приветствие; 可能他看起来好看, 所以大家喜欢他, 他受欢迎 может быть, он хорошо выглядит, поэтому все любят его и он популярен; 性别歧视 полая дискриминация; 社会对女性歧视, 女性的社会地位较低 общество дискриминирует женщин, низкое положение женщин в обществе; 大男子主义, 男权主义 мужской шовинизм; 58.5%

4) Моральные качества: 爱 любовь; 礼貌的和友好的 вежливые и дружелюбные; 友好的 дружные; 友好的战斗民族 дружелюбная военная нация; 热情的 радушные; 作为战斗民族的热情无人可挡 как военная нация никто не может парировать их радушие; 因为高兴 потому что веселье; 有教养 воспитанные; 17.5%

Классификация ответов по ролику №6 (в ресторане)

Ответ на вопрос №1

1) Действие: 泡吧和喝酒 ходят по барам и пьют водку; 喝酒和聚会 пьют водку и собираются на встречу; 喝酒聊天 пьют и разговаривают; поют; 吃饭干杯 кушают и чокаются; 喝酒 пьют; 聚会上他们喝酒唱歌 на вечеринке они пьют и поют; 喝酒吃饭 пьют и кушают;

Ответ на вопрос №2

1) Причины действия: 这种聚会 在学生中非常普遍, 可能他们不想学习 такая вечеринка среди студентов очень популярная, наверно, они не хотят учиться; 日常交际 обыденное общение; 去酒吧是他们的文化 ходить по барам – это их культура; 生活需要 необходимое для жизни; 传统, 社会风气 традиция, общественные нравы; 俄罗斯人酷爱饮酒 русские очень любят пить; 因为他们都是酒鬼, 没有酒就不能生活 потому что все они пьяницы, без водки жить нельзя на свете; 66%

2) Цель действия: 消遣 развлечение; 高兴或他们在庆祝什么 радостные, или они отмечают что-нибудь; 娱乐, 增进感情 развлекаются и улучшают отношения; 为了助兴 для поднятия настроения; 放松和娱乐 отдыхают и развлекаются; 释放压力 снимают стресс; 27.5%

3) Моральные качества: 绅士风度 *джентльменские манеры*; 因为他们都很有礼貌 *потому что все очень вежливые*; 性格使然 *из своего характера*; 这是战斗民族的灵魂 *это является духом военной нации*; 2.5%

4) Не знаю: 0.5%

Выводы

Полученные результаты привели нас к следующим выводам.

1. Выбор респондентом фокуса внимания играет определяющую роль при ответе на вопрос «почему они так делают?». Например: *респондент А.: они приветствуют друг друга, потому что они вежливые; респондент В.: в обществе мужчины дискриминируют женщин, положение женщин в обществе низкое; мужской шовинизм.*

2. В нашем исследовании вопросы «что они делают?» и «почему люди так поступают?» предполагали выявление причинно-следственных связей в ответах. Респонденты в процессе эксперимента используют общественные знания из своего культурного опыта для отражения полной причинно-следственной цепочки. Нужно отметить, что общественные знания «не только зависят от того, что все члены культуры делятся этими утверждениями, но и потому что они верят/утверждают, что они делятся этими знаниями» [Quasthoff 1978: 21]). Например, *у них мимика строгая, они аккуратно и строго относятся к делу; на встрече они пьют, потому что любят пить водку, они же военная нация; люди курят в зоне для курящих, потому что они соблюдают правила* и т.п.

3. Культурный опыт китайцев отражает национально-культурную специфику их языкового сознания. Во-первых, большинство респондентов высоко оценили действия русских и дали положительные оценки. Это свидетельствует, что китайский народ проявляет традиционную вежливость или дружелюбие. Во-вторых, некоторые респонденты неправильно оценили действие русских, например: *(1) в обществе мужчины дискриминируют женщин, положение женщин в обществе низкое; (2) мужской шовинизм; (3) потому что все они пьяницы, без водки жить нельзя на свете* и т.п. Примеры (1) и (2) показывают на соответствующее явление – дискриминацию женщин – в самой китайской традиционной культуре, на основании чего и дается объяснение; подобный стереотип как указанный пример (3) свидетельствует о том, что этот стереотип среди китайской молодежи все еще существует.

4. Мимику и настроение людей на экране китайцы понимают по-разному, соотнося плохое или хорошее настроение с состоянием тела человека. Плохое, сумрачное, усталое, нервное настроение часто ассоциируют с «усталостью, скукой, стрессом, быстрым темпом жизни». Веселое настроение связывают с «веселой жизнью». Однако в общественном месте (в метро), по мнению испытуемых, люди «сдерживают улыбку» или «не знакомы» и поэтому не улыбаются. Например: *западные страны обращают внимание на личность, и они очень ценят свое личное пространство, я думаю, что они не хотят беспокоить других людей; в общественном месте не принято громко шуметь.*

5. Ответы «большой стресс, мало времени, усталость от работы, телефоны заставляют людей мало общаться лицом к лицу и т.д.» в действительности показывают нам современную социальную специфику Китая, где большинство людей работают шесть дней в неделю минимум по десять часов.

Как мы указывали ранее, ссылаясь на мнение И.Ю. Марковиной, культурологические лакуны представляют собой «элементы вербального и невербального аспектов “чужой”

культуры, вызывающие у коммуникантов реакцию неприятия, несогласия, недооценки и непонимания» [Марковина 2007: 79]. Наше исследование показало, что культурный опыт носителей китайского языка помогает им интерпретировать лакунизированное невербальное поведение русских, однако часто китайцы демонстрируют толерантное отношение к тому, что они не могут до конца понять и объяснить. Отметим, что интерпретация поведения носителей иной культуры в ряде случаев может опираться на стереотипы, и их изучение представляется очень важным для оптимизации межкультурного общения.

© Чжан Жуньмэй, 2023

Литература

Беляева В.Е., Э.Г. Куликова Заимствование морфем как илиминирование лакун: «итоговые» формы в русском языке // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2019. Вып. 6. С. 109–121.

Быкова Г.В., Пылаева О.Б. Словарь «несуществующих слов»: фантастика или реальность? // Лакуны в языке и речи: Сборник научных трудов / Под ред. проф. Ю.А. Сорокина, проф. Г.В. Быковой. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2003. С. 23.

Глазунов Ю.Т. Мотив как высшая форма потребностного возбуждения // Вестник Удмуртского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. Ижевск: 2019. Т. 29, вып. 3. С. 267–285.

Дашидоржиева Б.В. Лакуна как объект культурологического знания // Вестник ЧитГУ. 2011. №10 (77). С. 87.

Евсеева И.В., М. Чжао Лакуны и их типы в лексико-словообразовательном гнезде // Сибирский филологический форум. 2023. № 1(22). С. 35-49.

Жельвис В.И. К вопросу о характере русских и английских лакун // Национально-культурная специфика речевого поведения. М.: Наука, 1977. С. 136–137.

Кашкин В.Б. Введение в теорию коммуникации. Воронеж, Изд-во ВГТУ, 2000. С. 182.

Конрад Н.И. Восемь стансов об осени Ду Фу // Запад и Восток. М., 1972. С. 152.

Кравец А.О. Теоретические основы рассмотрения лакун // Научные ведомости. Серия Гуманитарный науки. Белгород: БелГУ, 2018. Том 37, № 3. С. 414–421.

Марковина И.Ю. Субъекты общения как фактор эффективности/неэффективности межкультурного диалога: опыт описания характерологических лакун // Язык. Сознание. Межкультурная коммуникация. М. Калуга: ИП Кошелев А.Б. (Издательство «Эйдос»), 2007. С. 79.

Марковина И.Ю., Сорокин Ю.А. Культура и текст введение в лакунологию. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2010. С. 34.

Муравьев В.Л. Лексические лакуны (На материале лексики французского и русского языков). Владимир, 1975. С. 3.

Ревзин И.И., Розенцвейг В.Ю. Основы общего и машинного перевода: учебное пособие для студентов институтов и факультетов иностранных языков. М.: Высшая школа, 1964. С. 184.

Сорокин Ю.А. Метод установления лакун как один из способов выявления специфики локальных культур (художественная литература в культурологическом аспекте) // Национально-культурная специфика речевого поведения. М.: Наука, 1977. С. 123.

Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю. Культура и ее этнопсихолингвистическая ценность // *Этнопсихолингвистика / Ю.А. Сорокин, И.Ю. Марковина, А.Н. Крюков и др.* Отв. ред. и авт. предисл. Ю.А. Сорокин. М.: Наука, 1988. С. 11.

Степанов Ю.С. Французская стилистика. М.: Высш. шк., 1965. С. 120–121.

Стернин И.А., Попова З.Д., Стернина М.А. Лакуны и концепты // *Лакуны в языке и речи: Сборник научных трудов / Под ред. проф. Ю.А. Сорокина, проф. Г.В. Быковой.* Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2003. С. 209.

Тарасов Е.Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания. URL: <http://www.iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book1996/Part1-1.htm>

Шейман Л.А. Основы методики преподавания русской литературы в киргизской школе. Ч. 2: Содержание курса. Языковая база. Этнокультурные аспекты. Фрунзе: Мектеп, 1982. С. 167.

Эртельт-Фит А., Денисова-Шмидт Е. Лакуны и их классификационная сетка // *Вопросы психолингвистики.* М., Ин-т языкознания РАН, 2007. №3. С. 41.

Сведения об авторе:

Чжан Жуньмэй – аспирант, Институт языкознания РАН

Контактная информация:

125009, Россия, г. Москва, Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1.

e-mail: Runmei.zhang@yandex.com

Для цитирования:

Чжан Жуньмэй. Культурный опыт китайцев как опора для заполнения деятельностно-коммуникативных лагун при восприятии поведения русских // *Вопросы психолингвистики* №4(58) 2023, С. 171–181, doi: 10.30982/2077-5911-2023-58-4-171-181

UDC 81'23

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2023-58-4-171-181

Research article

THE CULTURAL EXPERIENCE OF THE CHINESE AS A SUPPORT FOR FILLING THE ACTIVITY-COMMUNICATION GAP IN THE PERCEPTION OF RUSSIAN BEHAVIOR

Zhang Runmei

Institute of Linguistics, Russian Academy Sciences, Moscow, Russia

Abstract

This article is devoted to answering the question on how Chinese people interpret incomprehensible non-verbal components of Russian behaviour. The research materials were obtained through conducting an experiment in two Chinese universities. It involved 200 subjects aged 19–23 years (100 men and 100 women). The results showed that the subjects of the experiment interpret the reasons of the incomprehensible behavior of Russians with the help of an adaptive support - their experience gained from the culture of China.

Keywords: cultural experience, support, subjects, experiment, activity-communicative gap

© Zhang Runmei, 2023

Bionotes:

Zhang Runmei – PhD student, Institute of Linguistics, Russian Academy Sciences

Contact information:

Russian Federation, Moscow, Bolshoi Kislovsky lane, 1,1, 125009

e-mail: Runmei.zhang@yandex.com

For citation:

Zhang Runmei. The cultural experience of the Chinese as a support for filling the activity-communication gap in the perception of Russian behaviour // Journal of Psycholinguistics. 4(58), 2023. P. 171–181. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2023-58-4-171-181 (In Russian)

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ В РЕГИОНАХ РОССИИ

УДК 81

ББК 81

DOI 10.30982/2077-5911-2023-58-4-182-187

Обзорная статья

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ОТКРЫТКА КАК НОВАЯ ФОРМА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ

Дьяконова Евгения Александровна,

Центр обучения иностранным языкам COSHCO
Москва, Россия

Рудакова Александра Владимировна,

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Воронежский государственный университет»,
Воронеж, Россия

Стернина Марина Абрамовна,

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Воронежский государственный университет»,
Воронеж, Россия

Аннотация

В статье на примере создания психолингвистической открытки, посвященной персоналии доктора филологических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации И.А. Стернина, рассматривается новая форма представления языкового сознания. Описываемая в статье методика создания такой открытки предусматривает проведение нескольких направленных психолингвистических экспериментов, требующих от испытуемых, каковыми выступили коллеги, друзья и ученики И.А. Стернина, ответов на определенные вопросы. В результате обработки полученных результатов было сформировано интегрированное ассоциативное поле «Иосиф Абрамович Стернин – ИАС», в котором с помощью метода семантической интерпретации были выделены восемь зон. Названия этих зон с указанием их индексов яркости были вынесены на первую сторону открытки и проиллюстрированы соответствующими фотографиями.

В каждой из зон на основании значений соответствующих индексов яркости выделенных сем и разработанной шкалы были определены ядерная и периферийные области, включая ближнюю, дальнюю и крайнюю периферию. Данная психолингвистическая информация была размещена на развороте открытки вместе с расположенными по ее периметру фотографиями И.А. Стернина, характеризующими его по ядерной семе данной зоны.

Для наибольшей наглядности все зоны были представлены разными цветами, а их части (ядро, ближняя, дальняя и крайняя периферии) – разным размером шрифта от более крупного к более мелкому.

Опыт создания психолингвистической открытки показал, что предложенная методика может быть использована для описания и других персоналий.

Ключевые слова: психолингвистическая открытка, ассоциативный эксперимент, языковое сознание, индекс яркости, И.А. Стернин

В рамках Воронежской теоретико-лингвистической школы в последние годы был разработан новый способ представления языкового сознания в виде так называемой «психолингвистической открытки». Идея создания такой открытки впервые была предложена в выполненном под руководством И.А. Стернина диссертационном исследовании Е.А. Дьяконовой [Дьяконова 2022]. В ходе защиты диссертации исследовательницей была продемонстрирована психолингвистическая открытка «Москва», созданная по результатам свободного и направленного ассоциативных экспериментов, а также эксперимента с «визуальной/графической» составляющей.

После кончины И.А. Стернина в ходе подготовки к 75-летию со дня его рождения членами научной школы было принято решение подготовить психолингвистическую открытку, посвященную его персоналии. Для этих целей были проведены 8 направленных ассоциативных экспериментов. В созданной на основе сервиса Google форме опроса испытуемым предлагались следующие вопросы: *И.А. Стернин – это что? И.А. Стернин – это кто? И.А. Стернин – какой? И.А. Стернин – где? И.А. Стернин – когда? И.А. Стернин – какие города? И.А. Стернин – какой цвет? И.А. Стернин – что делает?*

В эксперименте приняли участие 118 человек из числа друзей, коллег и учеников Иосифа Абрамовича. Эксперименты проводились анонимно, однако желающим получить электронный вариант открытки была предоставлена возможность оставить свой e-mail.

После обработки полученных реакций были сформированы восемь ассоциативных полей, которые затем были объединены в одно интегрированное ассоциативное поле «Иосиф Абрамович Стернин – ИАС». Затем с помощью метода семантической интерпретации были определены зоны данного поля и их индексы яркости [Стернин 2011]. Приведем выявленные зоны, названные по их ядерным семам, в порядке убывания индексов яркости.

Наибольший индекс яркости (4.38) оказался у зоны ЧЕЛОВЕК. Достаточно ярко были представлены зоны УЧЕНЫЙ (2.41) и ВЕЗДЕ (2.04). Индексы яркости остальных выделенных зон оказались следующими: СВЕТ – 0.91, УЧИТЕЛЬ – 0.83, НАВСЕГДА – 0.65, ВГУ – 0.40, МОЦЬ – 0.39. Названия этих зон с указанием их индексов яркости были вынесены на первую сторону открытки и проиллюстрированы соответствующими фотографиями:

Помимо перечня зон поля и их иллюстрации, на первой странице открытки размещена фотография И.А. Стернина, образец его подписи, а также обозначен жанр и материал психолингвистического исследования.

После выделения зон поля в каждой из них на основании значений соответствующих индексов яркости выделенных сем были определены ядерная и периферийные области. К ядерным были отнесены семы с наибольшим показателем индекса в соответствующей зоне. В качестве шкалы для отнесения выделенных сем к конкретной периферийной области поля использовались следующие численные показатели: ближняя периферия – семы с индексом яркости 0.15 и более, дальняя периферия – семы с индексом яркости от 0.05 до 0.14, крайняя периферия – семы с индексом яркости менее 0.05.

Все выделенные зоны с конкретным описанием сем, входящих в ядро, ближнюю, дальнюю и крайнюю периферию, были представлены на развороте открытки.

В качестве примера приведем перечень сем трех наиболее ярких зон поля «Иосиф Абрамович Стернин – ИАС».

Зона ЧЕЛОВЕК

Ядро – человек (0.65): *человек высоких моральных и душевных качеств, человек, человечный.*

Ближняя периферия – *друг (0.17), добрый (0.38), веселый (0.16), умный (0.30), яркий (0.24), готовый помочь (0.31), душевный (0,22), улыбочивый (0.16), вдохновитель (0.16), трудолюбивый (0.17).*

Дальняя периферия – *гений (0.12), мудрый (0.13), творческий (0.11), лидер (0.08), харизматичный (0.14), энергичный (0.14), многогранный (0.13), коммуникабельный (0.13), ответственный (0.08), понимающий (0.07), доброжелательный (0.06), настоящий (0.06), целеустремленный (0.06).*

Крайняя периферия – *смелый (0.04), образованный (0.04), интеллигентный (0.03), внимательный (0.03), щедрый (0.03), умеющий слушать (0.03), принципиальный (0.03), требовательный (0.03).*

Зона УЧЕНЫЙ

Ядро – ученый (1.35): *ученый, наука, автор научных работ, исследователь, думающий (мыслитель), российский ученый.*

Ближняя периферия – *лингвист (0.46): лингвист, филолог, психолингвист, гуманитарий, любит русский язык.*

Дальняя периферия – *профессионал (0.08).*

Крайняя периферия – *специалист в области коммуникативного поведения и культуры общения (0.03).*

Зона ВЕЗДЕ

Ядро – *езде (0.56).*

Ближняя периферия – *известен в России и за рубежом (0.43), Воронеж (0.90), Москва (0.34), Ярославль (0.33).*

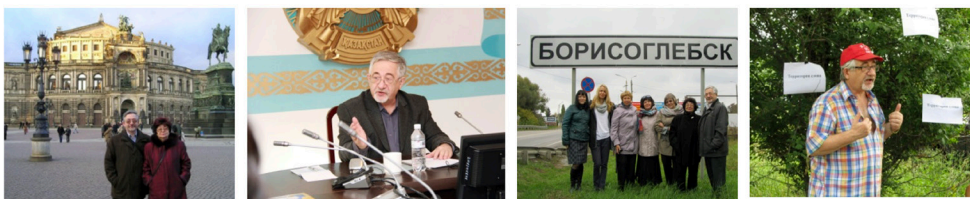
Дальняя периферия – *Борисоглебск (0.06).*

Крайняя периферия – *Санкт-Петербург (0.04), Галле (0.04), Минск (0.03), Тверь (0.03), Ювяскюля (0.03), Берлин (0.03), Варшава (0.03), Волгоград (0.02), Липецк (0.02), Лондон (0.02), Омск (0.02), Хельсинки (0.02).*

Отметим, что для наибольшей наглядности все зоны были представлены разными цветами, а их части (ядро, ближняя, дальняя и крайняя периферии) – разным размером шрифта от более крупного к более мелкому.

Выбор цветов был обусловлен результатами направленного ассоциативного эксперимента, предлагавшего ответить на вопрос *И.А. Стернин – какой цвет?* На основании наиболее частотных ответов респондентов для обозначения зон поля были использованы такие цвета, как желтый, зеленый, оранжевый, серый, красный, синий, голубой, розовый.

По периметру разворота открытки напротив каждой зоны поля были размещены 34 фотографии И.А. Стернина, характеризующие Иосифа Абрамовича по ядерной семье данной зоны. Так, например, зона ВЕЗДЕ, среди прочих, была проиллюстрирована фотографиями И.А. Стернина из Германии, Казахстана, г. Борисоглебска Воронежской области, а также его выступления на фестивале авторской песни «Парус надежды» в рамках инициированного им просветительского проекта «Территория слова»:

Последняя страница открытки не носит психолингвистического характера – на ней представлены две фотографии И.А. Стернина (его выступление в Областной библиотеке им. И.С. Никитина и его прощальное приветствие), а также основная биобиблиографическая информация об ученом.

Отметим, что в создании открытки, помимо лингвистов – представителей Воронежской научной школы – принимала участие и профессиональная художница Анна Щетилина, с которой ученые совместно работали над дизайном.

Опыт создания психолингвистической открытки, посвященной персоналии И.А. Стернина [Психолингвистическая открытка «Иосиф Абрамович Стернин»], показал возможность использования этого жанра для представления образа личности ученого в сознании его друзей, коллег и учеников. Объективность представленного материала не вызывает сомнения, поскольку базируется на результатах нескольких проведенных направленных психолингвистических экспериментов. Наличие же визуальной составляющей, соотношенной с выделенными семантическими признаками, вносит в научное описание дополнительные «человеческие» нюансы и дает возможность показать личность более наглядно и многомерно. Представляется, что предложенная методика, результатом которой является новая оригинальная форма овнешнения языкового сознания, может быть использована для описания и других персоналий из мира науки, литературы и искусства.

© Дьяконова Е.А., Рудакова А.В., Стернина М.А., 2023

Литература

Дьяконова Е.А. Топонимы, символизирующие Россию в актуальном языковом сознании носителей русского языка: автореф. дис ... канд. филол. наук. Воронеж, 2022. 26 с.

Стернин И.А., Рудакова А.В. Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы. LAP Lambert Academic Publishing: Saarbrücken, 2011. 192 с.

Психолингвистическая открытка «Иосиф Абрамович Стернин». Режим доступа: http://sterninia.ru/images/Admin/docs/psiholingvisticheskaja_otkrytka.pdf

Сведения об авторах:

Дьяконова Евгения Александровна – кандидат филологических наук, директор по науке Центра обучения иностранным языкам COSHCO

Контактная информация:

109028 г. Москва, Хохловский пер., д.10, стр.7, кв. 72

e-mail: happybusiness@yandex.ru

Рудакова Александра Владимировна – доктор филологических наук, доцент, и.о. заведующего кафедрой общего языкознания и стилистики Воронежского государственного университета

Контактная информация:

394077 г. Воронеж, ул. Генерала Лизюкова, д. 10, кв. 143

e-mail: a-gudakova@list.ru

Стернина Марина Абрамовна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой английского языка естественно-научных факультетов Воронежского государственного университета

Контактная информация:

394063 г. Воронеж, ул. Переверткина, д.28, кв.21

e-mail: sternina@vmail.ru

Для цитирования:

Дьяконова Е.А., Рудакова А.В., Стернина М.А. Психолингвистическая открытка как новая форма представления языкового сознания // Вопросы психолингвистики №4(58) 2023, С. 182–187, doi:10.30982/2077-5911-2023-58-4-182-187

UDC 81

Survey article

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2023-58-4-182-187

**PSYCHOLINGUISTIC POSTCARD AS A NEW FORM OF REPRESENTATION
OF LINGUISTIC CONSCIOUSNESS**

Evgeniya A. Dyakonova

COSHCO Foreign Language Learning Center

Moscow, Russia

Alexandra V. Rudakova

Voronezh State University

Voronezh, Russia

Marina A. Sternina

Voronezh State University

Voronezh, Russia

Abstract

On the example of creating a psycholinguistic postcard dedicated to the personality of Doctor of Philology, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation I.A. Sternin, a new form of representation of linguistic consciousness is considered. The method of

creating such a postcard is described, including conducting several directed psycholinguistic experiments that required from the questioned (colleagues, friends, and students of I.A. Sternin) answers to the following questions: I.A. Sternin – what is it? I.A. Sternin – who is he? I.A. Sternin – what kind of? I.A. Sternin – where? I.A. Sternin – when? I.A. Sternin – which cities? I.A. Sternin – what color? I.A. Sternin – what is he doing?

As a result of processing the results obtained, the integrated associative field “Joseph Abramovich Sternin – IAS” was formed, in which eight zones were identified with the help of the method of semantic interpretation. The names of these zones with their brightness indices were placed on the front page of the postcard and illustrated by corresponding photographs.

In each of the zones, based on the values of the corresponding brightness indices of the selected semes and the developed scale, the nuclear and peripheral regions, including the near, far and extreme periphery, were determined. This psycholinguistic information was placed on the postcard spread together with the photographs of I.A. Sternin located along the postcard perimeter and characterizing the scholar according to the nuclear seme of the zone.

For the sake of clarity all zones were represented by different colors, and their parts (core, near, far and extreme periphery) were represented by different font sizes from larger to smaller.

The experience of creating a psycholinguistic postcard has shown that the proposed technique can be used to describe other personalities.

Keywords: psycholinguistic postcard, associative experiment, linguistic consciousness, brightness index, I.A. Sternin

© Dyakonova E.A., Rudakova A.V. Sternina M.A., 2023

Bionotes:

Evgeniya A. Dyakonova – Candidate of Philology, Director of Science at the COSHCO Foreign Language Learning Center

Contact information:

109028 Moscow, Khokhlovsky lane 10, biuld.7, ap. 72

e-mail: happybusiness@yandex.ru

Alexandra V. Rudakova – Doctor of Philology, Associate Professor, Acting Head of the Department of General Linguistics and Stylistics of Voronezh State University

Contact information:

394077 Voronezh, General Lizyukov str. 10, ap. 143

e-mail: a-rudakova@list.ru

Marina A. Sternina – Doctor of Philology, Professor, Head of the English Chair for Science Departments of Voronezh State University

Contact information:

394063 Voronezh, Perevertkina 28, ap.21

e-mail: sternina@vmail.ru

For citation:

Dyakonova E.A., Rudakova A.V. Sternina M.A. Psycholinguistic postcard as a new form representation of linguistic consciousness // Journal of Psycholinguistics. 4(58), 2023 P. 182–187. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2023-58-4-182-187 (In Russian)

НАПРАВЛЕНИЯ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ

Завьялова Виктория Львовна,

Дальневосточный федеральный университет,
Владивосток, Россия

Петрова Татьяна Ивановна,

Дальневосточный федеральный университет,
Владивосток, Россия

Аннотация

В статье освещается проблематика исследований ученых-дальневосточников в русле психолингвистики. Определяется круг проблемных вопросов, актуальных для Дальнего Востока, включая описание региональной специфики русского языка, выявление региональных особенностей английского как языка-посредника в АТР, анализ особенностей двуязычия, обусловленного фактором приграничья, исследование производства и восприятия иноязычной речи, изучение речевой способности в аспекте онтогенеза и психолингвистических аспектов усвоения неродного языка, анализ живой звучащей речи дальневосточников, сопоставление национальных языковых картин мира и другие. Раскрываются исторические предпосылки становления вышеуказанных направлений, обобщаются достижения и намечаются перспективы развития психолингвистики на Дальнем Востоке России.

Ключевые слова: психолингвистическая проблематика исследований, Дальний Восток, региональная специфика

Введение

Школа отечественной психолингвистики, около полувека плодотворно работающая над проблемами взаимоотношения языка, мышления и сознания, является продолжателем уникальной научной традиции, сложившейся в нашей стране. Психолингвистика с самого начала своего развития в середине 1960-х гг. формировалась и развивалась как учение о речевой деятельности, охватывая подходы психологической школы Л.С. Выготского. А.А. Леонтьев, Н.И. Жинкин и другие выдающиеся отечественные психолингвисты заложили основу для глубоких и многосторонних широкомасштабных исследований механизмов речи, включая речепроизводство и речевосприятие, процессов овладения родным и иностранным языками, а также проблем речевой коммуникации и функционирования языкового сознания, базовых ценностей носителей русской культуры и многих других фундаментальных и прикладных вопросов, успешно разрабатываемых в России и за рубежом.

Получая научный импульс, дальневосточные филологи и лингвисты продолжают исследования в русле психолингвистики по целому ряду направлений, выступают на научных мероприятиях разного уровня (в частности, на конференциях и семинарах

Петербургской онтолингвистической школы, на XII Конгрессе Международной ассоциации по прикладной психолингвистике (ISAPL) “New perspectives in psycholinguistic research: language, culture, technologies”, 2021 и др.). В период с 2008 по 2020 гг. группа преподавателей Дальневосточного федерального университета приняла участие в масштабном анкетировании и сборе данных для проведения ассоциативного эксперимента, результатом которого явилось создание серии ассоциативных словарей (СИБАС) (СИБАС – Сибирский ассоциативный словарь русского языка (nsu.ru)).

Практико-ориентированность и междисциплинарный характер психолингвистики обнаруживается в многообразии исследовательских проектов ученых-дальневосточников. В фокусе внимания оказывается региональное своеобразие русского языка, фонетическая вариативность английского как языка-посредника в Дальневосточном регионе, феномен полуязычия, особенности билингвизма в условиях приграничья, проблемы производства и восприятия иноязычной речи, речевая способность в аспекте онтогенеза, уникальность живой звучащей речи дальневосточников, сравнительные характеристики национальных языковых картин мира. Все указанные направления открывают широкую перспективу для дальнейших научных исследований и решения различных прикладных задач современного общества.

Исторические предпосылки

На протяжении более 120 лет, с момента открытия во Владивостоке Восточного института, в сферу научных интересов ученых-филологов и преподавателей-практиков Дальнего Востока естественным образом входила региональная проблематика, так или иначе связанная с особенностями функционирования русского языка в Дальневосточном регионе, а также спецификой преподавания восточных и других иностранных языков, включая английский, в условиях приграничья России и стран Северо-Восточной Азии. Становление направления по изучению диалектов и говоров русского языка региона связано с именем А.П. Георгиевского, профессора кафедры русского языка и литературы Историко-филологического факультета Государственного Дальневосточного университета, автора фольклорно-диалектологического очерка «Русские на Дальнем Востоке» [Георгиевский 1930]. В настоящее время работы в данном русле ведутся в направлении изучения живой русской речи дальневосточников [Живая речь... 2013; Живая речь... 2016; Живая речь... 2023]; организуются полевые экспедиции, на основе материалов которых создается фонд данных, позволяющих проводить разноаспектные исследования дальневосточного дискурса. Изучение проблем преподавания и усвоения иностранных языков активизируется на Дальнем Востоке во вновь открытом в 1956 году Дальневосточном государственном университете, на факультете романо-германской филологии. С начала 1990-х годов, в связи с открытием порта Владивосток, актуальными становятся задачи обучения иностранных студентов русскому и иностранным языкам в российских вузах, а также изучения особенностей культурно-языковых контактов в АТР. Важный вклад в развитие вышеуказанных научно-практических направлений внесла профессор Л.П. Бондаренко, которая на протяжении более 30 лет возглавляла факультет романо-германской филологии и впоследствии Институт иностранных языков Дальневосточного государственного

университета. Заслугой Л.П. Бондаренко является налаживание сотрудничества с лингвистическими и психолингвистическими школами Москвы и Санкт-Петербурга, а также продвижение двух научных школ, сложившихся в Дальневосточном государственном (ныне – федеральном) университете: лингвоконтактологической, в исследовательском фокусе которой находятся особенности культурно-языковых контактов в АТР (Т.Н. Мельникова, Л.П. Бондаренко, З.Г. Прошина, В.Л. Завьялова и др.) и лингвокогнитивной, изучающей когнитивные аспекты взаимодействия языка и культуры в синхронии и диахронии, а также проблемы межкультурной коммуникации (М.Г. Лебедев, М.Н. Рассоха, О.В. Николаева и др.). В рамках указанных школ активно проводятся исследования, затрагивающие психолингвистические аспекты освоения родного и иностранного языка, билингвизма, производства и восприятия речи на иностранном языке, взаимодействия культурно-языковых картин мира.

Психолингвистические аспекты исследований дальневосточной школы лингвоконтактологии

Одним из перспективных направлений дальневосточной школы лингвоконтактологии можно признать изучение региональной специфики английского языка как посредника в межкультурной коммуникации России в Дальневосточном регионе. Отметим, что с конца XX в. английский язык стал одним из важнейших коммуникативных инструментов в Азии, что объясняется большим разнообразием национальных культур и языков, а также упрочением статуса английского как языка международного общения. В рамках указанного направления на протяжении более 25 лет проводятся комплексные исследования феномена иноязычного акцента в английской речи носителей языков Северо- и Юго-Восточной Азии. Многообразные интерференционные явления на сегментном и супraseгментном фонологическом уровнях, возникающие в языковом сознании носителей названных языков при контакте генетически и типологически различных звуковых систем родного и неродного – английского – языков, формируют специфику звучания таких региональных разновидностей английского языка, как китайский английский, корейский английский, японский английский, вьетнамский английский, тайский английский и других. Поскольку особая фонетическая вариативность вышеуказанных форм английского языка может, в случае выхода за допустимые пределы, вызывать трудности восприятия и понимания в коммуникации, лингвисты-дальневосточники ставят перед собой задачу комплексного описания типологии акцентных явлений, характерных для языка-посредника в регионе, и выявления причин их возникновения.

Наряду с функцией обеспечения повседневно-бытовых межкультурных контактов, английский язык широко используется в качестве рабочего языка на международных конференциях и форумах, проводимых на Дальнем Востоке России с участием ораторов из стран Северо- и Юго-Восточной Азии. Традиционно на официальных мероприятиях русскоязычными переводчиками обеспечивается устный (последовательный и синхронный) перевод с английского языка на русский. В этой связи результаты исследований особенностей английской речи носителей восточноазиатских языков находят практическое применение в ходе профессиональной подготовки и переподготовки устных переводчиков в вузах Дальнего Востока. Данные исследований В.Л. Завьяловой свидетельствуют, что эффективность перевода

английской речи с признаками восточноазиатского акцента достигается при условии формирования у переводчика адаптивных стратегий восприятия, посредством совершенствования перцептивной базы – расширения спектра перцептивных эталонов и правил доступа к ним [Завьялова, 2018].

Другим прикладным аспектом исследования типологии акцента в английской речи носителей восточноазиатских языков является совершенствование методики обучения иностранных студентов из стран Северо- и Юго-Восточной Азии английскому языку как иностранному. Методические трудности в данном случае заключаются не только в структурных различиях, но и, преимущественно, в функциональных характеристиках слога в родном и изучаемом языках. Так, если в английском (фонемном) языке слог, обладая универсальным свойством акустико-артикуляторной слитности, является минимальной произносительной единицей, то в китайском (слоговом) языке слог дополнительно выступает в роли экспонента морфемы, выполняя идентифицирующую функцию. Поскольку слог является одним из базовых перцептивных эталонов языка, при овладении английским происходит перцептивная ориентация обучающихся на слоговой стереотип родного языка, что ведет к переносу его особенностей в речь на английском языке и возникновению особого «слогового» акцента. Так, недопустимость бифонемных сочетаний согласных в слоговом коде китайского, японского и корейского языков проявляется в английской речи билингов-азиатов в виде различных способов упрощения нормативных для английского языка многофонемных кластеров (минус-сегментации, плюс-сегментации и др.). Всестороннему анализу причин возникновения акцента в английской речи носителей восточноазиатских языков, с целью снятия методических трудностей в преподавании фонетики английского языка студентам из стран Восточной и Юго-Восточной Азии, а также минимизации возможных сбоев в коммуникации, посвящена серия исследований лингвистов-дальневосточников. Одним из фундаментальных трудов в данном направлении стала коллективная монография «Слог и ритм английской речи в странах Восточной и Юго-Восточной Азии», при написании которой большую помощь оказали лингвисты-востоковеды, специалисты в области контактной лингвистики, социолингвистики, психолингвистики, лингвокультурологии и межкультурной коммуникации [Бондаренко и др. 2007].

Психолингвистическая проблематика теории языковых контактов, связанная с феноменом языковой интерференции [Верещагин 1967], рассматривается в лингвоконтактологических исследованиях дальневосточников в двух аспектах: во-первых, для выявления причин возникновения фонетической интерференции с помощью экспериментальных методов анализируются особенности восприятия английской речи носителями языков Северо- и Юго-Восточной Азии; во-вторых, исследуются сложности восприятия английской речи с признаками иноязычного акцента носителей вышеуказанных языков русскоязычными билингвами (в частности, преподавателями английского языка, устными переводчиками, специалистами в области межкультурной коммуникации). Анализ проводится с учетом понимания локализации интерференции контактирующих звуковых систем в сознании и речи говорящего, при этом иноязычный акцент трактуется как результат восприятия проявлений феномена интерференции слушающим [Виноградов 1976]. Указанное проблемное поле исследовано в семи кандидатских (В.Л. Завьяловой, 2001, Е.В. Уютовой, 2004, М.О. Пивоваровой, 2005,

Ю.В. Белоножко, 2007, И.А. Киритовой, 2010, М.А. Полянской, 2011, Н.М. Шевчук, 2011) и одной докторской диссертации (В.Л. Завьяловой, 2018); выполнено несколько научных проектов, поддержанных грантами разных уровней (Федеральная целевая программа, 2009–2011 гг.; Научный фонд Дальневосточного федерального университета, 2014–2015 гг.). Данная проблематика изучается сегодня студентами, магистрантами и аспирантами Восточного Института-Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета как в ходе освоения учебных дисциплин (*Общая фонетика, Психолингвистика, Лингвистическая экспертиза устного и письменного текста*), так и при написании выпускных квалификационных работ, магистерских и кандидатских диссертаций.

Несмотря на существование в современном языкознании и науках о человеке говорящем различных методологических подходов, обращение к психолингвистической теории восприятия речи при изучении языковой интерференции в условиях позднего билингвизма остается неизменным, поскольку именно в данном подходе, с применением метода моделирования процессов фонологической категоризации при позднем билингвизме, представляется возможным выявить психокогнитивные корни явлений, возникающих в сознании и речи билингвов в результате взаимного влияния двух языков. На протяжении более ста лет данные вопросы попадали в исследовательский фокус таких крупных ученых, как И.А. Бодуэн де Куртенэ, Л.В. Бондарко, Е.М. Верещагин, В.А. Виноградов, Г.М. Вишневская, А.А. Залевская, Л.Р. Зиндер, А.А. Леонтьев, А.Н. Леонтьев, Н.А. Любимова, Е.Д. Поливанов, А.И. Рабинович, А.А. Реформатский, В.Ю. Розенцвейг, Л.Г. Фомиченко, Л.Р. Фрумкина, Л.А. Чистович, Т.Н. Чугаева, А.С. Штерн, Л.В. Щерба и другие. Тем не менее, в связи с появлением новых данных о языковых контактах в конце XX – начале XXI вв. и необходимостью решения прикладных задач, связанных с фонетической вариативностью в речи на неродном для говорящего языке, исследования психокогнитивных механизмов межъязыковой интерференции не теряют своей актуальности и являются весьма перспективными. На современном этапе результаты работ, выполненных в данном ключе, важны для улучшения технологий дикторонезависимого распознавания речи в системах искусственного интеллекта, востребованы в фоноскопической экспертизе для определения национальной принадлежности по признакам акцента в речи на неродном языке и решения целого ряда других задач.

Психолингвистические исследования в области русистики

Проблематика психолингвистики входит в круг научных интересов и русистов ДВФУ. Это прежде всего изучение речевой способности в аспекте онтогенеза. Традиционным стало участие дальневосточных лингвистов в конференциях и семинарах, проводимых Петербургской онтолингвистической школой. Исследовались такие проблемы, как речевая способность на ранних этапах онтогенеза, детский билингвизм, становление коммуникативной компетенции ребенка, онтогенез ситуативно-ролевого варьирования речи и др. Отдельные проблемы представлены в диссертационных исследованиях: так, А.А. Осиповой выявлены специфические для дошкольного возраста стратегии речевого поведения и их регулярные языковые реализации [Осипова 2019]; Т.И. Петровой проанализирована специфика коммуникативно-речевой деятельности ребенка в ситуациях одиночной сюжетно-

ролевой игры, терминологически обозначенной как инсценированный квазидialog [Петрова 2000]. Речь играющего в одиночестве ребенка представляет особый научный интерес, поскольку дает возможность исследовать проблему соотношения внешней и внутренней речи, наблюдать процесс переключения с «речи для себя» на тот или иной вариант речи ролевого взаимодействия [Петрова 2013]. Заслуживают внимания и возрастные особенности этого речевого феномена, механизм постепенного увеличения доли адресованности речи в процессе инсценирования.

В ряде случаев вопросы детской речи рассматриваются в контексте более общих проблем. В частности, при сопоставлении игрового квазидialogа с интраперсональной речью взрослых (разговоры с животными) сделаны выводы об их общей природе, обусловленной диалогизацией внутренней речи [Петрова 2012]. Данный аспект получает практическое применение при изучении в курсе *Психолингвистики* проблем индивидуальной речемыслительной деятельности. Еще одно исследование посвящено выявлению некоторых онтогенетических особенностей текстообразования в неподготовленной речевой деятельности: выполнен анализ выражения категории авторизации в двух типах некодифицированной русской речи – детском игровом квазидialogе и разговорном рассказе-воспоминании, который позволил заключить, что данная модусная категория является маркером сформированности речеванровой компетенции, отражающей динамику постепенного развития способности к речевой рефлексии относительно линий говорящего и автора (обоим типам речи свойственна такая особенность, как наличие в тексте чужой речи – «текста в тексте», с чем и связана проблема авторизации) [Петрова, Кормазина 2020].

Следует заметить, что те или иные аспекты психолингвистики затрагиваются прежде всего в исследованиях живой звучащей речи. Так, в диссертации А.Е. Цесарской представлено комплексное описание автокоррекции, которая трактуется как особое речевое явление, свойственное спонтанной устной речи. В работе подробно описаны функционально-прагматические типы данного речевого феномена и их функционально-семантические модификации [Цесарская, 2020].

Работа кафедры русского языка как иностранного над проектом «Исследование функционирования русского языка на Дальнем Востоке» закономерно привела к вопросу о необходимости изучения региональной языковой картины мира, в том числе с помощью метода свободного ассоциативного эксперимента. Так, научно-исследовательский проект и выпускная квалификационная работа Е.Е. Мухортовой «Языковая репрезентация фреймов *Китай* и *Япония* в региональной картине мира жителей Приморского края» (науч. рук. Ю.А. Гунько) выполнены на основе анализа данных ассоциативного эксперимента, который позволил в «концентрированном» виде обнаружить (иногда – подтвердить) специфику представлений жителей региона о соседних странах.

Темы, связанные с сопоставлением национальных языковых картин мира, являются уже традиционными для дипломных проектов как российских, так и иностранных выпускников кафедры русского языка как иностранного. Раскрытие таких тем невозможно как без использования данных уже существующих ассоциативных словарей, так и без проведения собственного ассоциативного эксперимента, с методикой проведения и анализа которого студенты знакомятся в рамках таких курсов, как «Когнитивная лингвистика» и «Национальная специфика языковой картины мира».

В контексте изучения региональной специфики русского языка обращается внимание и на явление билингвизма, обусловленное как фактором приграничья, так и фактором межъязыкового взаимодействия восточнославянских народов в период заселения юга Дальнего Востока. Так, в исследовании Т.И. Петровой предпринята попытка выделить проявления полуязычия в коммуникативной компетенции русскоязычных детей из семей потомков украинских переселенцев; сделано предположение о том, что в данном случае получает своеобразное проявление свойственный билингам «механизм контроля, необходимый для правильного выбора языковых форм и значений»: ребенок, отбирая средства русского языка для активной речи, одновременно осуществляет коммуникацию с использованием в своей пассивной речевой деятельности средств русско-украинского полуязычия [Петрова 2014]. Сделанные выводы могут быть уточнены при проведении дальнейших исследований на основе данных полевых экспедиций в районы, где в языковом существовании сельских жителей в той или иной степени обнаруживаются «следы» русско-украинского межъязыкового взаимодействия. В настоящее время проводятся также наблюдения относительно детского билингвизма, возникающего в условиях двуязычия – прежде всего, в русско-китайских и русско-вьетнамских семьях.

Заключение

Представленный в статье обзор психолингвистических направлений в исследованиях дальневосточников подтверждает их региональную направленность и практическую востребованность на Дальнем Востоке России. Широкий спектр поднимаемых вопросов отражает большой исследовательский потенциал психолингвистики на современном этапе развития науки и общества. Процессы глобализации и расширение культурно-языковых контактов выводят проблематику билингвизма и психолингвистических проблем межкультурной коммуникации на первый план в лингвистике и других науках. Изучение проблемы интерпретации фонетического акцента в речи билингов в когнитивно-психолингвистическом ключе позволяет вскрыть психокогнитивную природу феномена неродной речи. Проведенный анализ свидетельствует, что традиционная психолингвистическая проблематика, связанная с изучением речевой способности в аспекте онтогенеза, становления коммуникативной компетенции ребенка, феномена детского билингвизма, полуязычия и других смежных вопросов, касающихся возрастных особенностей различных речевых феноменов, не теряет своей актуальности. Широко востребован на Дальнем Востоке и методологический аппарат психолингвистики, в частности, методика ассоциативного эксперимента успешно применяется в исследованиях функционирования русского языка на Дальнем Востоке и сопоставительных описаниях национальных языковых картин мира.

Дальневосточная исследовательская школа, с одной стороны, продолжает традиции отечественной психолингвистики, с другой – отвечает на практические вызовы региона. Результаты исследований находят широкое признание не только в России, но и за рубежом. Нарботки ученых востребованы в языковом обучении иностранных студентов, а также практике подготовки филологов, лингвистов, переводчиков, специалистов широкого профиля, профессионально обеспечивающих эффективность межкультурной коммуникации на Дальнем Востоке и за его пределами.

© Завьялова В.Л., Петрова Т.И., 2023

Литература

Бондаренко Л.П., Завьялова В.Л., Уютова Е.В., Пивоварова М.О., Кирилова И.А., Белоножко Ю.В. Слог и ритм английской речи в странах Восточной и Юго-Восточной Азии (Китай, Республика Корея, Япония, Вьетнам, Таиланд): монография / под ред. Л.П. Бондаренко. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2007. 176 с.

Верецагин Е.М. Психолингвистическая проблематика теории языковых контактов // Вопросы языкознания. 1967. № 6. С. 9–17.

Виноградов В.А. К проблеме иностранного акцента в фонетике // Лингвистические аспекты обучения языку. М., 1976. Вып. 2. С. 28–56.

Георгиевский А.П. Русские на Дальнем Востоке. Фольклорно-диалектологический очерк ДВК. Выпуск V. Говоры Приамурья (б. Амурского и Зейского округов ДВК). Труды Дальневосточного педагогического института. Серия III. № 1 (10). Владивосток. Типография Дальневосточного Политехнического Института. 1930 г. 34, II с.

Живая речь дальневосточников [Текст] : тексты : хрестоматия / М-во образования и науки Российской Федерации, Дальневосточный федеральный ун-т ; [сост.: Ю.А. Гунько и др.]. Владивосток : Дальневосточный федеральный ун-т, 2013. 141 с.

Живая речь приморцев: материалы полевой экспедиции-2016 / М-во образования и науки Российской Федерации, Дальневосточный федеральный ун-т ; [сост.: Ю.А. Гунько и др.]. Владивосток : Дальневосточный федеральный ун-т, 2016. 260 с.

Живая речь приморцев в рассказах-воспоминаниях : тексты / М-во образования и науки Российской Федерации, Дальневосточный федеральный ун-т ; [сост.: Ю.А. Гунько и др.]. Владивосток : Дальневосточный федеральный ун-т, 2023. 136 с.

Завьялова В.Л. Звуковой строй английского языка Восточной Азии: концепция регионального фонетического варьирования: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Москва: Изд-во МГОУ, 2018. 42 с.

Осипова А.А. Коммуникативные стратегии и тактики в речевом поведении ребенка дошкольного возраста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2019. 24 с.

Петрова Т.И. Инсценированный квазидialog как особый жанр детской речи (на материале речи детей 6-8 лет): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2000. 22 с.

Петрова Т.И. Интракоммуникация как особое проявление персонального дискурса // Коммуникация. Мышление. Личность: Матер. междунар. науч. конференции, посвященной памяти профессоров И.Н. Горелова и К.Ф. Седова. Саратов: Издательский центр «Наука», 2012. С. 612–616.

Петрова Т.И. Игра в одиночестве – речь «для себя» или «для других»? // Санкт-Петербургская школа онтолингвистики: сборник статей к юбилею доктора филологических наук, профессора С.Н. Цейтлин. СПб.: Златоуст, 2013. С. 146–155.

Петрова Т.И. Проявления русско-украинского полуязычия в речи дальневосточного ребенка // На перекрестках филологических дорог: сборник статей к юбилею доктора филологических наук, профессора Е. А. Первушиной. Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2014. С. 214 – 221.

Петрова Т.И., Кормазина О.П. Категория авторизации в некодифицированных сферах русской речи: к вопросу об онтогенезе речевжанровой компетенции // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 63. С. 98–114.

Цесарская А.Е. Явление автокоррекции в русской разговорной речи: разноаспектное описание: автореф. дис... канд. филол. наук. Владивосток, 2020. 27 с.

Свежения об авторах:

Завьялова Виктория Львовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Восточный институт – Школа региональных и международных исследований, Дальневосточный федеральный университет

Контактная информация:

о. Русский, кампус ДВФУ, корп. D, уровень 4, D419

ORCID: 0000-0001-6266-349X

e-mail: zavyalova.vl@dvfu.ru

Петрова Татьяна Ивановна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка как иностранного, Восточный институт – Школа региональных и международных исследований, Дальневосточный федеральный университет

Контактная информация:

о. Русский, Кампус ДВФУ, корп. D, уровень 5, D 524

e-mail: petrova.ti@dvfu.ru

Для цитирования:

Завьялова В.Л., Петрова Т.И. Направления психолингвистических исследований на Дальнем Востоке Россия // Вопросы психолингвистики №4(58) 2023, С. 188–197, doi:10.30982/2077-5911-2023-58-4-188-197

UDC 81

ВВК 81

DOI 10.30982/2077-5911-2023-58-4-188-197

Survey article

**DIRECTIONS OF PSYCHOLINGUISTIC RESEARCH
IN THE FAR EAST OF RUSSIA**

Victoria L. Zavyalova,

Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russia

Tatiana I. Petrova,

Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russia

Abstract

The article covers the range of psycholinguistic research accomplished by far-eastern scholars. The sphere of special interest and urgency in the Far East includes the regional specifics of the Russian language, regional specifics of English as mediator in the APR, the analysis of boarder-area bilingualism, foreign language speech reception and production, speech ability research in the context of ontogenesis and psycholinguistic aspects of foreign

language acquisition, Far East residents' live oral speech analysis, national linguistic worldview comparison, etc. Historical background of the abovementioned trends are discussed, achievements are summed up and perspectives outlined.

Keywords: psycholinguistic research problems, Far East, regional specifics

©**Zavyalova V.L., Petrova T.I., 2023**

Bionotes:

Victoria L. Zavyalova – Doctor of Philology, Professor, Institute of Oriental Studies, Far Eastern Federal University.

Contact information:

D419 Office, Bldg. D, FEFU Campus, Russkiy Island

ORCID: 0000-0001-6266-349X

e-mail: zavyalova.vl@dvfu.ru

Tatiana V. Petrova – Candidate of Philology, Associate Professor, Institute of Oriental Studies, Far Eastern Federal University.

Contact information:

D524 Office, Bldg. D, FEFU Campus, Russkiy Island

e-mail: petrova.ti@dvfu.ru

For citation:

Zavyalova V.L., Petrova T.I. Directions of psycholinguistic research in the Far East of Russia // Journal of Psycholinguistics. 4(58), 2023 P. 188–197. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2023-58-4-188-197 (In Russian)

УДК 81

ББК 81

DOI 10.30982/2077-5911-2023-58-4-198-207

Обзорная статья

КРУГЛЫЙ СТОЛ «РУССКАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В МЕЖНАЦИОНАЛЬНОМ ОБЩЕНИИ»

Шапошникова Ирина Владимировна,

доктор филологических наук, профессор,
главный научный сотрудник сектора русского языка в Сибири
Института филологии Сибирского отделения
Российской академии наук
i.shaposhnickowa@yandex.ru

12 октября 2023 года в Новосибирском государственном университете в рамках Плана мероприятий по проведению в Содружестве Независимых Государств Года русского языка как языка межнационального общения прошел круглый стол «**Русская языковая личность в межнациональном общении**», организованный Институтом филологии Сибирского отделения Российской академии наук, Гуманитарным институтом Новосибирского государственного университета при участии Научно-образовательного центра межкультурных исследований имени А.А. Леонтьева. В работе круглого стола приняли участие ученые из городов Сибири (Омск, Новосибирск, Якутск), Казахстана (Шымкент) и европейской части РФ (Донецк, Москва).

С приветственным словом участникам круглого стола выступили: академик, вице-президент РАН, председатель СО РАН Валентин Николаевич Пармон, заместитель директора Гуманитарного института НГУ Татьяна Ивановна Белица, доктор филол. наук, член-корреспондент РАН, директор ИФЛ СО РАН Игорь Витальевич Силантьев, доктор филол. наук, зав. сектором языков народов Сибири ИФЛ СО РАН, зав. каф. общего и русского языкознания ГИ НГУ Наталья Борисовна Кошкарева. Открывая заседание круглого стола, доктор филологических наук, профессор, г.н.с. сектора русского языка в Сибири ИФЛ СО РАН **Ирина Владимировна Шапошникова** отметила, что ситуация в мире, на фоне которой в странах СНГ проводятся мероприятия, посвященные русскому языку, очень напряженная, в ряде регионов напряжение перешло в фазу горячих военных конфликтов. Очевидно, что в большинстве случаев яблоко раздора – в сфере межнациональных отношений. Научно-образовательная среда может и должна в этих условиях стать сферой применения и по возможности разработки жизнеспасающих технологий и гуманитарной деятельности ради сохранения и развития единства российской цивилизации. Круглый стол направлен на мобилизацию мыслительной активности специалистов для оценки состояния научно-образовательной среды в заявленных аспектах. Важно помнить, что российская цивилизация многолика, она характеризуется богатым спектром этнокультурных воплощений. Но что-то поддерживает единение, это в значительной степени и прежде всего орудие и средство нашей совместной жизнедеятельности – русский язык. Для многих народов он дает возможность заявить о себе и развить свой потенциал в более широком межкультурном и цивилизационном контексте. С другой стороны,

он обеспечивает доступ к познанию, освоению и совместному совершенствованию технологий, составляющих основу развития большой российской цивилизации. Между тем, еще одна особенность проживаемого момента заключается в том, что в системе образования мы сталкиваемся с последствиями предпринятых в смутное время реформ и в целом глубокого кризиса 1990-х годов. Еще в те кризисные годы Л.Н. Гумилев предупреждал в своих работах о том, что в зоне контакта суперэтнических систем с отрицательной комплиментарностью (именно таким оскалом к нам повернулся сегодня западноевропейский суперэтнос) могут возникать антисистемы, которые состоят из людей с негативным мироощущением, отрицающих любые традиции, порывающих с реальностью и кормящим ландшафтом. Они становятся инициаторами военной агрессии, используя в качестве основного оружия ложь. Классическим примером такой антисистемы, институционализировавшейся под внешним влиянием в рамках прокси-государства, вероятно, стоит признать современную нам Украину. Учитывая тот факт, что антисистемы поглощают человеческий ресурс, в основном молодое, мобильное и дееспособное население, следует обратить особое внимание не столько на диагностику состояния русского языка как средства межнационального общения, что несомненно важно, в том числе и в аспекте нормирования, обеспечения материалами обучения, но преимущественно сконцентрироваться на *диагностике состояния русской языковой личности молодых россиян*, в особенности *смысловой структуры ее образа мира*. Такие исследования могут быть направлены на выявление возможных точек концентрации смыслов, социо-коммуникативных установок и практик, угрожающих жизнедеятельности нашего многонационального народа в будущем, или, наоборот, нуждающихся в развитии и повышенном внимании при организации научно-образовательного процесса.

Академик, вице-президент РАН, председатель СО РАН **Валентин Николаевич Пармон** в своем приветственном слове участникам круглого стола отметил, что круглый стол посвящен очень важной проблеме, поскольку для сохранения общности в стране необходим общий язык. Исторически на территории Российской империи и позднее великого Советского Союза таким общим для всех населявших ее территорию людей был и в настоящее время остается русский язык. Национальные языки при этом поддерживались и продолжают поддерживаться в автономных образованиях РФ. В научной среде сложилась два важных блока информации. С одной стороны, это сообщество, которое использует русский язык, прекрасно приспособленный для естественнонаучных и гуманитарных отраслей. Он особенно важен в производственной среде. С другой стороны, образовалась вторая общность – англоязычное сообщество, которое предпочитает пользоваться английским языком. Для российских ученых очень важно не потерять суверенитет в использовании русского языка. Он всем понятен и передает те знания, которые необходимы для восстановления технологического суверенитета, он также необходим для межнационального общения. Это важно и для тех стран СНГ, которые стали независимыми после 1990-х гг. и в которых русский язык используется наряду с национальными языками, ценными компонентами национальной этнической культуры. К сожалению, там, где приходится наблюдать и такое явление, как замена кириллицы латиницей, сразу уменьшается количество говорящих на русском языке. В.Н. Пармон выразил надежду, что участники круглого стола затронут эти и другие актуальные вопросы.

Доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, директор ИФЛ СО РАН **Игорь Витальевич Силантьев** в своем приветственном слове обратил внимание на то, что в изучении межнационального дискурса отводится мало места и времени социо-коммуникативным установкам русского населения в бывших республиках СССР, в частности, в Казахстане. Он подчеркнул, что при анализе языковых ситуаций в связи с доминантными для разных регионов государственными языками, важно учитывать не только особенности сохранения и изучения русского языка, но и овладение местными национальными языками со стороны той части населения, для которой русский язык родной.

Доктор филологических наук, зав. сектором языков народов Сибири ИФЛ СО РАН, зав. каф. общего и русского языкознания ГИ НГУ **Наталья Борисовна Кошкарева** сообщила об основных результатах дискуссий и докладов, заслушанных на пленарном заседании и секциях конференции «Языки народов Сибири и сопредельных регионов» 10–12 октября. Особое внимание было уделено функционированию русского языка и родных для местного населения языков в Бурятии, Туве, Югре и других регионах. Были рассмотрены и обсуждены ареальные контакты и социолингвистическая ситуация на территории Сибири и сопредельных регионов, изменения в социолингвистической ситуации в Ханты-Мансийском округе с 1951 г. по настоящее время (с привлечением данных переписей). Н.Б. Кошкарева также упомянула, что были представлены результаты проведенных группами томских, хакасских и других ученых междисциплинарных экспедиций к ваховским хантам 2023 г, комплексной экспедиции в Таштыпский район и др. В докладе представителей Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН особое внимание было уделено социолингвистическому изучению русского языка в представлениях носителей монгольского языка, в этой связи поднят ряд проблемных вопросов изучения русского языка и отношения к нему в Монголии.

Во всех приветственных выступлениях звучал лейтмотив: изучение русской языковой личности в окружении дружественных народов РФ требует приоритетного обращения к *социо-коммуникативным установкам языковой личности применительно к межнациональному общению*.

Доклад **Ирины Владимировны Шапошниковой** (Новосибирск) был посвящен междисциплинарному изучению комплиментарности российской молодежи в межнациональных отношениях и отражению этого явления в социокоммуникативных установках русской языковой личности по данным ассоциативно-вербальной сети. И.В. Шапошникова дала краткий обзор материалов, полученных по вопросу комплиментарности русских в межнациональных отношениях в этносоциологических исследованиях последнего десятилетия, представленных в публикациях на страницах академических журналов «Вестник антропологии», «Петербургская социология сегодня» и др. частности, были показаны результаты исследования межэтнической брачности (С.В. Лурье и др.), анализа состояния дел в советский период, когда идентификация личности строилась на роли советского человека, совмещающего с этой ролью национальную идентичность, когда государство занималось институционализацией этносов (народностей, национальностей), когда *хороший* человек в советском понимании «не выпячивает свою национальность», поэтому культурные различия не мешают налаживанию отношений. С.В. Лурье оценивает комплиментарность советских людей в межнациональных отношениях как очень

высокую и показывает, как этот фактор проявляет себя в межэтнической брачности современной российской молодежи. После исчезновения советской идентичности осталась идентичность этническая. Рост этнизации сознания у молодежи отмечает ряд исследователей этносоциологов на другом российском материале, в их работах отмечен рост отождествления молодыми людьми себя с государством, фиксируются ценностные ориентиры с формированием доминант положительного принятия и единодушия при идентификации себя с победой в Великой отечественной войне над гитлеровским фашизмом, с вкладом страны в открытие космической эры и пр.

Используя материалы нескольких больших ассоциативно-вербальных баз данных, среди которых и создаваемая в ИФЛ СО РАН новейшая «Русская региональная ассоциативная база данных: Сибирь и Дальний Восток (2008 – 2022)», И.В. Шапошникова привела результаты сравнительно-сопоставительного анализа в актуальной диахронии смысловых акцентуаций ассоциативно-вербальных полей нескольких слов, относящихся к сфере (меж)национальных отношений (раса, национальность, национализм, национальный и др.). Выявленные векторы акцентуаций, представляющие социо-коммуникативные установки русских на использование этих слов, показывают, что:

1) исчезновение советской роли в идентичности постсоветского человека при сохранении национальной принадлежности действительно привело к **этнизация образа мира** с опорой на образ национальности (народности, нации), сформировавшийся в советский период;

2) подъем этнического самосознания проходит с **сохранением специфики национального чувства** русских, то есть с сохранением комплиментарности в межнациональных отношениях, **без изоляционизма и этноцентризма**;

3) 1 и 2 сопровождается **укоренением историко-культурного сценария**, закрепленного жесткими смысловыми связями с основанным на опыте предыдущих поколений прототипом гитлеровского фашизма, с опытом побед во взаимодействии с противоположными сценариями западного суперэтноса, при накоплении знаний о чуждых российскому суперэтносу этнополитических концепциях расизма;

4) **смысловые узлы этнополитических концепций фашизма, нацизма, расизма** и их акторов существенно **активируются, сохраняя жесткость связей** с местами памяти народа в АВС РЯЛ в последние 10-15 лет (см. также: [Шапошникова 2022]);

5) вероятно дальнейшее закрепление и **укоренение сценария с положительной комплиментарностью в межэтнических отношениях** в ходе интериоризации нового опыта Специальной военной операции и отработки навыка активного межэтнического взаимодействия в связи с украинскими событиями.

Доклад доктора филологических наук, профессора кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; руководителя Научно-образовательного центра межкультурных исследований им. А.А. Леонтьева; соруководителя ведущей научной школы «Русская языковая личность» **Натальи Владимировны Уфимцевой** (Москва) был посвящен теме: «Русская языковая личность сквозь призму ассоциативного эксперимента: 1988–2021 гг. (смысловые доминанты)». Автор отметила особенности текущего момента, который проживает наш народ. Чтобы построить образ будущего для современной России надо вернуться к собственному образу прошлого, сложившемуся в процессе развития

традиционной русской культуры, надо вывести его в светлое поле сознания, *признать его ценность*.

В своем исследовании Н.В. Уфимцева опиралась на основные положения теории языкового сознания, разработанной в Московской психолингвистической школе (Е.Ф. Тарасов), и на психологические представления о структуре сознания, обоснованные в работах А.Н. Леонтьева и В.П. Зинченко. Сознание человека формируется в процессе действий с культурными предметами по законам определенной культуры. Основной составляющей сознания признается *значение*, которое аккумулирует в себе опыт определенной культуры и передается в процессе онтогенеза и социализации каждому новому ее члену. Именно поэтому сознание каждого индивида – это всегда проекция сознания общественного или «мы-центричного пространства» в терминах современной нейромодели идентичности В. Галлезе [Gallese 2009].

Особое внимание в своем многолетнем исследовании Н.В. Уфимцева уделила образу мира и системе ценностей, которую наш народ получил в наследство, а также тому, как именно это наследство «живет» в языковом сознании наших современников. Н.В. Уфимцева разделяет точку зрения Т.И. Вендиной, что «язык культуры Средневековья, ее ценностные императивы оказались во многом созвучны русской культуре, являясь нашим своеобразным “молчаливым наследием”» [Вендина 2002: 325].

Анализ ассоциативных материалов проводился с целью увидеть, как это «молчаливое наследие» отразилось в образе человека и системе ценностей трех поколений носителей русской культуры (в период с 1988 по 2021 гг.). Результаты массовых ассоциативных экспериментов сравниваются с материалами анализа старославянского языка, проделанного Т.И. Вендиной. Фиксируются и анализируются изменения, которые произошли за последние тридцать лет в образе себя, что оценивается по отношению к общей структуре образа мира носителей русской культуры. В качестве модели образа мира используется ядро языкового сознания.

В докладе доктора филологических наук, профессора кафедры русского языка, литературы и документных коммуникаций факультета филологии, переводоведения и медиакоммуникаций Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского **Ларисы Олеговны Бутаковой** (Омск) «Диагностика современных тенденций речевой деятельности в интерьере региональных портретов русской языковой личности» на обширном материале показаны пути диагностики речевой деятельности жителей Омского региона, где осуществляется реконструкция моделей языковой личности, определяются направления моделирования и обусловленные ими проблемы. Так модель «*усредненного*» представителя региона связана с выбором речевой деятельности представителей возрастных и социальных групп для достижения репрезентативности; *персонализированная* модель требует установления круга «персон» и продуктов их речевой деятельности; *дискурсивная* модель заставляет выбирать способы достижения широты и глубины описания дискурсов жителей региона; *этнокультурная* модель должна отразить диагностику речевой деятельности в аспекте полиэтничности и этнической идентичности региона. Стратегии создания итоговой модели обусловлены сочетанием методов и методик лингвистики, социолингвистики, психолингвистики на основе применения принципа «многомодельности» в двух направлениях – построение *модели одного и того же типа* на основе *разного материала* и построение *моделей разного типа* на основе *одного материала*.

Доктор филологических наук, г.н.с. сектора русского языка в Сибири ИФЛ СО РАН, профессор кафедры общего и русского языкознания ГИ НГУ **Игорь Ефимович Ким** (Новосибирск) и аспирант сектора русского языка в Сибири ИФЛ СО РАН **Мария Александровна Елисеева** (Новосибирск) затронули вопросы нормирования языка, в докладе на тему: «Пунктуационная норма и пунктуационная практика в формировании языковой личности: русский и сербский языки».

Доклад представил один из аспектов сопоставительного исследования русской и сербской пунктуации на материале интернет-источников, которые по-разному строят отношения с языковыми нормами, прежде всего нормами правописания.

Проявление языковой личности всегда происходит на фоне требований общества к языковой компетенции. Эти требования формализуются в виде языковой нормы. Однако по отношению к культуре речи норма является только одним из аспектов, упорядочивающим речевую практику. Она позволяет сохранить целостность языкового коллектива, при этом неизбежно ограничивая выразительные возможности языковой личности.

Соответственно, изучение речевой (языковой) практики, в том числе индивидуальной, по необходимости должно быть связано с описанием языковой нормы. Различаются следующие типы нормы (принципы пунктуации): конструктивно-ориентированная; семантико-ориентированная; коммуникативно-ориентированная (синтагмоориентированная).

В *русской пунктуационной норме* есть иерархия: текстовая и межфразовая норма – *коммуникативно-ориентированная*. Внутрифразовая норма – *конструктивно- и семантико-ориентированная*. *Сербская пунктуационная норма* – *коммуникативно-ориентированная*.

На конкретных примерах авторы показали, что эти доминанты пунктуационной нормы влияют на пунктуационное разнообразие в речевом поведении носителей языка, которое проявляется в выборе пунктуационных ситуаций; в предпочтительном употреблении пунктуационных знаков; в масштабах и характере отклонений от пунктуационной нормы.

На примере авторов текстов интернета из России и Сербии было показано, что жесткость русской пунктуационной нормы приводит к существенно меньшему количеству не рекомендованных нормой пунктуационных решений у русскоязычных речеделятелей, чем у сербских авторов интернета, для которых норма носит по большей мере рекомендательный характер.

С другой стороны, для русских речеделятелей характерно избыточное употребление запятой, гиперкорректность, а для сербских авторов – регулярный пропуск рекомендованной запятой. Таким образом, мягкая диспозитивная пунктуационная норма сербского письма позволяет носителям сербского языка не ставить пунктуационных знаки там, где они не нужны, чем страдают русскоязычные авторы, скованные строгостью русской пунктуационной нормы.

Кандидат филологических наук, доцент Первого МГМУ им. И.М. Сеченова **Ольга Вениаминовна Балясникова** (Москва) представила доклад по теме: «Потенциальные конфликтогены в региональном языковом сознании и способы их выявления». В нем было отмечено, что формы, в которых существует конфликт, достаточно изучены, но объяснение природы и причин конфликтов остается актуальной проблемой. Одно

из объяснений может быть дано с опорой на понятие потенциально конфликтогенной зоны языкового сознания, что подтверждает известное в психолингвистике положение, согласно которому успешное взаимодействие коммуникантов обусловлено оптимальной общностью их сознаний. Потенциальная конфликтогенность существует при значимых несовпадениях в содержании образов языкового сознания, обнаружение такой зоны осуществляется на основании данных количественного и качественного анализа ассоциативных значений межъязыковых эквивалентов. О.В. Балясникова приводит примеры, которые свидетельствуют о том, что выявление конфликтогенности языкового средства, соотносимого с такой зоной, возможно при учете данных, полученных с применением целого комплекса психолингвистических методов и методик: результатов ассоциативного эксперимента, семантического дифференциала, субъективных дефиниций, психолингвистического анализа текстов и др.

Доктор филологических наук, в.н.с. центра социолингвистических исследований Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН **Нина Иннокентьевна Иванова** (Якутск) представила доклад с анализом языковых установок молодежи в регионах РФ в проекциях будущего. Анализ был предпринят в целях оценки готовности молодежи к современным вызовам и угрозам. Автор поделилась результатами социолингвистического анализа факторов, определяющих этноязыковую идентичность молодежи саха в сопоставлении со всей совокупностью проживающих в Якутске, а также в сопоставлении с языковыми установками студентов (чеченцев, аварцев, лезгин, даргинцев, тувинцев, бурят, татар), обучающихся в вузах Грозного, Казани, Махачкалы, Кызыла, Улан-Удэ. Основные показатели этноязыковой идентичности, базирующиеся на языковой самоидентификации и языковой компетенции показывают относительную устойчивость, при этом последний показатель отличается постепенным распространением разговорных навыков. Опрос студентов в субъектах РФ показал высокую интегрированность понятий «владение родным языком» и «патриотизм»; однако перспективы их родных (этнических) языков через призму личных установок имеют амбивалентный характер. При этом выражены интенции на максимальное использование родных языков в будущем. Условия активного контактного двуязычия в регионах РФ, разнообразие неоднозначных экстралингвистических факторов актуализируют целенаправленную деятельность этнической общности по формированию патриотического сознания молодежи на базе родного языка.

Доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русского языка Донецкого государственного университета **Вячеслав Исаевич Теркулов** (Донецк) представил обстоятельный доклад на тему: «Пути формирования антирусской языковой личности в рамках русской языковой личности: превращение русского в русскоязычного». Автор дал анализ причин (мотивов) борьбы с русским языком в некоторых частях бывшего СССР на материале деструктивных примеров политической мобилизации этничности преимущественно на Украине.

Базовые установки в борьбе с русским языком связываются автором с тем, что:

1) язык народа – ментальный код народа, поэтому борьба с русским языком имеет своей целью уничтожить/трансформировать русский ментальный код у тех людей, для которых русский язык является функционально первым;

2) язык – главный маркер этнической принадлежности, поэтому борьба с русским языком обусловлена желанием увеличить местное национальное пространство путем замены функционально первого русского языка условно функционально первым национальным языком.

Такая замена возможна только в случае дискредитации языка и формирования на базе русской языковой личности антирусской языковой личности. В докладе рассматривались используемые для лингвотрансформации средства дискредитации: тезисы об ущербности языка, об агрессивности русской языковой среды, о трансформации русского языка в его национальные варианты, о социолингвистической необоснованности употребления языка за пределами материнского государства. Первым законом, за который взялась майданная власть, постулировавшая как приоритет борьбу с коррупцией и олигархами, стал не экономический закон, а закон **об основах языковой политики**. В.И. Теркулов провел анализ данных от разных социологических опросов на предмет их соответствия (несоответствия) реальности. Рассматривая деятельность националистов на Украине по отношению к языку, он приходит к выводу о том, что главная цель – не просто создать украинца, а именно создать антирусскую языковую личность, то есть с помощью ряда основанных на лжи тактик социолингвистического программирования сформировать социо-коммуникативные установки доминантной антирусской направленности. Автор приводит конкретные примеры таких тактик и развенчивает их.

Доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Южно-Казахстанского государственного педагогического университета **Наталья Васильевна Дмитриук** (Шымкент) представила доклад на тему «Психолингвистические и лингводидактические особенности изучения русского языка в Казахстане», в начале которого дала историческую справку бытования русского языка в Казахстане со времени присоединения Казахстана к России (1731 г.). Самый активный период распространения русского языка в Казахстане отмечен после установления советской власти, переселения и депортации различных этнических групп; в этот период русский язык стал государственным и основным языком общения. К моменту распада СССР численность русскоязычного населения превышала численность титульного населения. В настоящее время демографическое соотношение разных групп населения существенно изменилось: казахи составляют 67,98%, русские 19,32%, узбеки – 3,21%, украинцы – 1,47%, уйгуры – 1,47%, татары – 1,10 % (всего 94,55 %) и все остальные малочисленные этносы – 5,45%.

Автор подробно рассматривает языковую ситуацию в образовательном пространстве Казахстана, программу трехязычия (казахский/ русский/ английский) и наметившийся поворот к гуманитаризации современного образования в Казахстане. Анализируемая государственная программа развития образования и науки в Казахстане на 2020–2025 гг. имеет четкие установки языкового образования последних лет, нацеленные на формирование *лингвокультурологической компетентности* обучаемых: язык изучается не «изолированно» от культуры и общества, а как лингвокультурный феномен, как зеркало культуры, как ее отражение и содержание. Автор приводит примеры и иллюстрирует конкретную методику такого обучения русскому языку и литературе в разных классах и учебниках. Отмечено, что при положительном отношении к русскому языку и его активной поддержке в системе образования на основе

культурно ориентированных материалов обучения, в Казахстан начинают поступать учебники от структур Сороса, в которых даются противоположные идеологические установки.

Доктор филологических наук, кандидат психологических наук, профессор Департамента филологии Московского городского педагогического университета **Ирина Александровна Бубнова** (Москва) представила доклад «Англификация повседневной жизни и современная русская языковая личность», в котором был дан анализ знаков англификации в повседневной жизни и речемыслительной деятельности. Лицо эпохи страны передается в ее речи – в словах, употребляемых ежедневно ее гражданами, в деловой переписке, в языке средств массовой коммуникации и образовательном дискурсе, в названиях улиц, кварталов, обычных вещей или действий. Специфической чертой речи современных граждан России является *метроязык*, который, становясь кодифицированным, медленно изменяет сознание и национальную идентичность человека. Престиж чужой культуры и пренебрежение своей закладывается с раннего детства, затем этот процесс продолжается в школе и университете, в результате во взрослую жизнь уже входит личность, разделяющая нормы иной (как правило, англо-саксонской) культуры. Важно, что в результате засилья иностранных слов и идеологием происходит постепенное отчуждение смысла от знака, формируются дефектные навыки пользования языком, тормозится развитие абстрактного мышления, то есть идет активное создание функционально неграмотных поколений, не способных к реальной профессиональной деятельности.

Алексей Дмитриевич Кошелев, кандидат физико-математических наук, доцент, директор Издательского дома «Языки славянских культур» (Москва) в своем докладе «Слова-имена родного языка ускоряют детское познание окружающего мира» возвращается к старой дискуссии о соотношении врожденного (генетически обусловленного) и приобретенного (выученного) ребенком в опыте в процессе онтогенеза речемыслительной способности. Автор вводит гипотезу о том, что «имя является врожденным языковым свойством».

С опорой на нее в докладе дано объяснение известных экспериментов S. Waxman, согласно которым 6-месячные младенцы, слыша, как взрослые называют одним именем разные предметы, спонтанно объединяют их в единую категорию. Например, когда младенцы видят разных собак и слышат каждый раз фразу *Это собака*, они объединяют изображения собак, часто весьма различные (ср. спаниель и овчарка), в одну категорию одинаковых (в некотором смысле) объектов. В то же время, если каждое изображение собаки сопровождается последовательностью звуковых тонов той же длительности и тембра, то никакой категоризации собак у младенцев не происходит. Для объяснения этих результатов предложена новая парадигма, альтернативная классической (Штерн, Выготский): понятия и имена (звуковые формы слов) имеют единый генетический корень в том смысле, что имя изначально входит в структуру основных свойств (визуального, тактильного и др.) объекта особой акустической характеристикой. Эти материалы предложены автором для дискуссии на страницах журнала «Вопросы психолингвистики» (2023. № 3, С. 128-141).

В докладе м.н.с. сектора русского языка в Сибири ИФЛ СО РАН, преподавателя каф. общего экономического развития экономического факультета НГУ **Анастасии Игоревны Ткач** (Новосибирск) «Деятельностная парадигма русской

языковой личности: первые находки» приводятся результаты семантического психогlossирования ассоциативных полей глаголов, наиболее часто активирующихся в ассоциативно-вербальной сети русской языковой личности. Анализ проведен на основе экспериментальных материалов, представленных в больших ассоциативных базах данных РАС (1988 – 1997), СИБАС (2008 – 2013) и ЕВРАС (2008 – 2011). При сопоставлении данных в актуальной диахронии выявляется динамика смысловых зон исследуемых ассоциативных полей, отражающая изменения в деятельностных социо-коммуникативных установках русских. Автор обнаруживает тенденцию к снижению субъектности в психологических значениях ряда ассоциативно доминантных глагольных единиц русского языка и дает интерпретацию фактам, замеченным на стыке устойчивой и периферийной частей соответствующих ассоциативных полей. Отмеченные автором явления в совокупности с вышеуказанной тенденцией, дают основание говорить о *нарастании эгоцентризма русской языковой личности* испытуемых, что сходится с аналогичными выводами Н.В. Уфимцевой, полученными на другом ассоциативном материале (ассоциативные доминанты ЕВРАС, УрРАС, СИБАС, Крымский словарь и ядро языкового сознания РАС).

**КРУГЛЫЙ СТОЛ
«СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ НЕ/ГРАМОТНОСТИ»**

Золотова Наталия Октябревна,
доктор филологических наук,
зав. кафедрой теории языка, перевода и французской филологии
Тверского государственного университета
Zolotova.NO@tversu.ru

10 ноября 2023 года на факультете иностранных языков и международной коммуникации Тверского государственного университета прошел круглый стол для аспирантов и магистрантов **«Социокультурные и психолингвистические аспекты функциональной не/грамотности»**, организованный Тверской психолингвистической школой.

С основным докладом «Функционально-культурная неграмотность: причины появления, способы предотвращения с точки зрения психолингвокультурологии» выступила доктор филологических наук, профессор кафедры общей теории словесности МГУ им. М.В. Ломоносова, почетный профессор Шанхайского университета иностранных языков и Хейлунцзянского университета (г. Харбин), КНР, **Виктория Владимировна Красных**. Ее доклад был посвящен феноменам функциональной, культурной и функционально-культурной неграмотности. В.В. Красных остановилась на истории их появления и изучения. Определив функциональную неграмотность как «неспособность человека читать, писать и считать на уровне, необходимом для решения простейших повседневных задач, по сути – отсутствие умения находить нужную информацию, правильно понимать прочитанные тексты и приходиться к логическим умозаключениям, а также – на уровне продукции – создавать связный текст любой сложности и ясно выражать свои мысли и чувства», Виктория Владимировна охарактеризовала также информационную псевдодебильность (расстройство, при котором человек проявляет признаки клинической дебильности, но без органических поражений мозга) и цифровое слабоумие (расстройство, при котором человек проявляет признаки слабоумия вследствие чрезмерного потребления информации), о которых говорят многие специалисты, относя эти явления к цивилизационным рискам.

В докладе детально рассматривались факторы, обуславливающие функциональную, культурную и функционально-культурную неграмотность. К их числу относятся возрастающая визуализация воспринимаемой информации, лавинообразное нарастание потоков и объема потребляемой информации, бурная «гаджетизация» повседневной жизни. Особое внимание в докладе было уделено особенностям современного воспитания дошкольников, системе образования и все

более явно проявляющему отсутствию культурно-языковой компетенции. Говоря о роли школьного образования, В.В. Красных привела слова О. Пешеля о том, что «Народное образование играет решающую роль в войне... когда пруссаки победили австрийцев, то это была победа прусского учителя над австрийским школьным учителем». Еще один важный вопрос, заслуживающий особого внимания – проблемы социализации: на ее ранних этапах необходимо стимулировать активную познавательную деятельность ребенка, предполагающую преодоление трудностей. Если вместо этого предлагаются всевозможные удовольствия, в дальнейшем получится функционально неграмотный человек, который вряд ли будет способен успешно решать жизненные задачи. Приводя слова Т.В. Черниговской, которая говорит о новых задачах, стоящих перед педагогикой и образованием – необходимостью учить детей «понимать, а не запоминать, воспитывать в них способность к постоянным переменам, формировать навыки проверки информации», В.В. Красных указала, что отсутствие этих умений и навыков ведет к возникновению и функционально-культурной неграмотности – неготовности и неспособности, в том числе из-за неумения кодировать и декодировать культурноносные смыслы, стоящие за знаками языка, понимать и порождать тексты разной направленности, разных типов, жанров и разного объема (особенно, если они превышают размер экрана компьютера / гаджета или содержат число знаков большее, чем позволяет, напр., социальная сеть или мессенджер). Напротив, культурно-языковая компетенция понимается как умение декодировать и кодировать в знаках языка функционально значимые для культуры смыслы.

В заключительной части доклада были представлены случаи проявления функционально-культурной неграмотности в реальной коммуникации: в повседневном, рекламном, новостном и проч. дискурсах, а также оговорены некоторые пути недопущения / преодоления функционально-культурной неграмотности.

Доклад вызвал оживленную дискуссию, слушатели задавали разнообразные вопросы, на которые Виктория Владимировна постаралась дать исчерпывающие ответы. Вторая часть Круглого стола включала доклады аспирантов кафедры теории языка, перевода и французской филологии Тверского государственного университета.

Н.В. Дзундза сделала доклад на тему «Когнитивные основания моделирования манипулятивных коммуникативных стилей». Доклад был посвящен моделированию манипулятивных коммуникативных стилей. В качестве гипотезы автор выдвигает предположение о том, что манипулятивный коммуникативный стиль находится в зависимости от когнитивного параметра «ИМПУЛЬСИВНОСТЬ/ РЕФЛЕКТИВНОСТЬ». В соответствии с этими параметрами было выделено два манипулятивных коммуникативных стиля – эксплицитно-доминантный (ЭД), характеризующийся выраженной эмоциональностью, оценочностью, агрессивностью воздействия, и латентный (Л), связанный с эмоциональной сдержанностью и рациональным искажением фактов. Дискурсивное проявление каждого из манипулятивных стилей описывается с привлечением типологии Манипуляторов Э. Шострома.

Н.В. Дзундза рассказала об экспериментальном исследовании, направленном на верификацию гипотезы. Оно состояло из двух этапов. На первом этапе на основе

методики Дж. Кагана определялся когнитивный (импульсивный/рефлексивный) стиль испытуемых, на втором этапе на материале модельных ситуаций устанавливалось соотношение между когнитивным стилем и манипулятивным коммуникативным стилем, который был реализован в типичных вербальных манифестациях в заданиях открытого и закрытого типа.

Сима Эбади, темой доклада которой был «Образ мира в паремиологических средствах языка (на материале русских и персидских пословиц и поговорок)», постаралась показать, как знание этих языковых средств может способствовать повышению уровня грамотности носителя языка. Она указала, что в современном мире, на фоне все более интенсивных межкультурных взаимодействий, язык становится ключевым инструментом для передачи не только информации, но и культурных ценностей, образов и мировоззрений. Паремиологические средства, такие как пословицы и поговорки, насыщены национальной и культурной спецификой, передают многовековой опыт и мудрость предков, отражая их отношение к окружающему миру. Сравнительное изучение паремиологических выражений различных языков предоставляет уникальную возможность раскрыть перед нами образы мира, сформированные в различных культурных и лингвистических контекстах.

В плане общей грамотности носителя языка, а также в контексте изучения иностранного языка нужно учитывать, что эти языковые средства могут быть полезны в следующих аспектах:

1) они учат правильной структуре предложения (их повторение помогает укрепить навыки построения правильных предложений);

2) расширяют словарный запас (часто включают в себя экспрессивную лексику и метафоры);

3) могут использоваться в ходе изучения отдельных грамматических явлений, например, форм грамматического времени в их связи с контекстом;

4) способствуют повышению выразительности речи и т.п. В целом, пословицы обогащают языковые навыки, способствуют развитию грамматической компетенции и делают речь более точной и выразительной.

В своем докладе Сима Эбади привела интересные примеры из русского и персидского языков.

В докладе **И.В. Дьяковой** «Проблема освоения новых англицизмов языком-рецептором и его носителем» обсуждались признаки ассимиляции иноязычных слов в языковой системе русского языка, а также особенности интеграции рассматриваемых единиц в ментальном лексиконе его носителя – индивида, изучающего английский язык в учебной среде.

В докладе было отмечено, что в лингвистической традиции проблема освоения заимствованных слов рассматривается с точки зрения их формальной и семантической адаптации в принимающем языке, которая увязывается с разным статусом освоенности иноязычного слова.

И.В. Дьякова обратила внимание, что критерии освоенности учебным билингом иноязычных единиц – англицизмов, недавно появившихся в русском языковом пространстве, должны отражать специфику переработки рассматриваемого языкового материала индивидом, его ментальным лексиконом. С этой психолингвистической позиции освоенность заимствованного слова оценивается с точки зрения его

включенности в многомерную систему связей с другими единицами ментального лексикона, что позволяет обеспечить доступ к этому слову при коммуникации и познавательной деятельности.

Проблема освоенности при таком подходе переходит на другой уровень обсуждения проблемы, связанный с пониманием того, что имеется в виду, когда говорят о «знании» слова. В качестве одного из инструментов измерения знания значений слов была рассмотрена шкала Т. Парибрахти и М. Веше – Vocabulary Knowledge Scale. И.В. Дьякова предложила модификацию рассмотренной шкалы измерения значений слов для целей собственного экспериментального исследования, в задачи которого входит изучение новых англоязычных заимствований с точки зрения их полноценного/неполноценного функционирования наряду с другими единицами ментального лексикона учебного билингва, носителя языка-рецептора.

НАУЧНЫЕ СОБЫТИЯ 2024 г.

АМУРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

24 сентября 2024 года Амурский государственный университет (Благовещенск, РФ) в сотрудничестве с Институтом народов Севера РГПУ им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, РФ) и Научным обществом ороочонов провинции Хэйлунцзян (КНР) проводит

XI Международную конференцию «Проблемы сохранения языков и культур народов России и Китая»

Основные направления работы конференции:

- Тунгусские языки России и Китая: актуальные проблемы тунгусской филологии; сравнительно-исторические исследования; языковые контакты; вопросы сохранения тунгусских языков
- Тунгусский фольклор и литература: теоретические аспекты исследования устного народного творчества северных и южных тунгусских народов; локальные традиции и типология фольклора; взаимодействие фольклора и литературы
- Современное состояние образования на языках народов Севера России и Китая
- Языки и этнокультурный мир России и Китая: традиции и современность.

К участию в конференции приглашаются преподаватели высших и средне-специальных учебных заведений, сотрудники научных учреждений, учителя общеобразовательных учреждений, языковые активисты.

Это *ежегодная конференция АмГУ* с последующим опубликованием сборника, с размещением материалов постатейно в РИНЦ.

ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»
Филологический факультет
Кафедра общего языкознания и стилистики
Воронежская психолингвистическая ассоциация
Центр коммуникативных исследований
имени профессора Иосифа Абрамовича Стернина

Уважаемые коллеги!

Приглашаем вас принять участие в X Всероссийской научной конференции
с международным участием

**«Стернинские чтения: Значение как феномен
актуального языкового сознания носителя языка»
25 октября 2025 года**

Цель: разработка подходов и методик описания семантики слова и других языковых единиц как феномена языкового сознания.

Задачи: разработка концепции значения слова как феномена актуального языкового сознания; разработка методик описания значения как феномена языкового сознания; подготовка словарей языкового сознания, лингвистические и психолингвистические исследования разных уровней языка, современные методики преподавания русского языка как родного и иностранного, юрислингвистика.

Предполагаемые секции:

- Языковое сознание носителя языка
- Проблемы описания семантики слова
- Лексикографические проблемы описания лексических единиц
- Экспериментальные методы в исследовании семантики слова
- Психолингвистическая лексикография
- Психолингвистические проблемы дискурса
- Проблемы юрислингвистики и др.

Условия участия

До **10 октября 2024 г.** в оргкомитет необходимо прислать заявку для участия в работе конференции и статью (материалы доклада) для публикации в одноименном сборнике по электронной почте по адресу: a-rudakova@list.ru Рудаковой Александре Владимировне.

Участие в работе конференции и публикация материалов для авторов **бесплатны**.
Форма участия – дистанционная

Сборник будет выпущен к началу работы конференции. Электронный вариант сборника и сертификаты участника будут разосланы не позднее 30 октября. Информация о сборнике будет размещена в РИНЦ, сборнику присвоен ISBN.

При необходимости пересылка сборника материалов осуществляется за счет авторов (стоимость бумажного экземпляра 500 рублей и стоимость пересылки по России 100 рублей – необходимо указать в заявке).

**КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМ. В.П. АСТАФЬЕВА**

**в начале 2024 года планирует проведение
следующих научных мероприятий**

1. Кафедра современного русского языка и методики

Международная научно-практическая конференция
**«Актуальные проблемы изучения русского языка
в поликультурной среде»**
Февраль 2024

Отв.: Н.Н. Бебриш, канд. филол. наук, зав. кафедрой;
И.В. Ревенко, канд. филол. наук, зав. отделением обучения
и стажировки иностранных студентов
Контакты: inna.revenko@mail.ru

2. Кафедра общего языкознания

I

Научно-практическая конференция с международным участием **«Лингвистика и
медицина в контексте педагогического образования»**
Март 2024

Отв.: Т.В. Мамаева, декан филологического факультета;
Н.А. Бурмакина, канд. филол. наук, доцент, зав. кафедрой
Контакты: nata-burmakina@yandex.ru

II

XI научно-практическая конференция,
посвященная **Дню славянской письменности и культуры**
Май 2024

Отв.: С.П. Васильева, доктор филол. наук, профессор.

3. Филологический факультет

Научно-практическая конференция с международным участием
«Актуальные проблемы современной филологии»
в рамках Международного научно-практического форума студентов, аспирантов и
молодых ученых
«Молодежь и наука XXI века»
Апрель 2024

Отв.: Т.В. Мамаева, декан филологического факультета;
Н.Н. Бебриш, канд. филол. наук, зав. кафедрой;
Т.А. Полуэктова, канд. филол. наук, доцент, зав. кафедрой;
Н.А. Бурмакина, канд. филол. наук, доцент, зав. кафедрой
Контакты: mamaevatv@yandex.ru

**ОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО**

Факультет филологии, переводоведения и медиакоммуникаций

Уважаемые коллеги!

Приглашаем вас принять участие во Всероссийской научно-практической конференции с международным участием

**«Новейшая филология: междисциплинарная
парадигма исследований»**

Предполагается обсудить следующие проблемы:

- ✓ Жанры письменной речи: историко-культурный и структурно-функциональный аспекты,
- ✓ Актуальные направления лингвоантропологии: новое о человеке в языке, речи, тексте,
- ✓ Актуальные проблемы переводоведения,
- ✓ Знаки языка и их интерпретационный потенциал,
- ✓ Культурные коннотации и прагматический потенциал образных компонентов значения языковых единиц,
- ✓ Разговорная речь в системно-структурном, функционально-стилистическом, жанрово-прагматическом аспектах,
- ✓ Актуальные проблемы медиалингвистики, медиастилистики и медиадискурсологии,
- ✓ Теория медиа: современные тенденции исследований,
- ✓ **Круглый стол «Варианты измерений» личности и ее языка в социалингвистике и психолнгвистике,**
- ✓ Актуальные проблемы изучения западноевропейских, восточных, славянских литератур и культур,
- ✓ Дискуссионная площадка. Представления о речевых и коммуникативных приличиях в современной массовой речевой культуре,
- ✓ Круглый стол. Филологические инструменты анализа новых коммуникативных практик,
- ✓ Круглый стол. Проблемы преподавания филологических дисциплин в школе и вузе.

Конференция состоится **21-23 марта 2024 г.** по адресу: г. Омск, пр. Мира, 55, корпус 2 Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

График работы конференции:

- 20 марта – заезд участников конференции
- 21, 22, 23 марта – заседание секций, работа круглых столов и дискуссионных площадок
- 22, 23 марта – отъезд участников конференции.

УФИМСКИЙ ИНСТИТУТ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ
Институт гуманитарных и социальных наук
Высшая школа зарубежной филологии, лингвистики и перевода
Кафедра иностранных языков естественных факультетов

Дорогие коллеги!

Приглашаем принять участие в 13-ой Всероссийской с международным участием и 35-ей ежегодной научно-практической конференции

**«Межкультурная ↔ Интракультурная коммуникация:
теория и практика обучения и перевода»**

Конференция будет проходить 27–28 ноября 2024 г. на базе Уфимского университета науки и технологий в смешанном формате.

По итогам конференции планируется издание электронного сборника, который будет размещён на сайте УУНиТ

Сборник будет зарегистрирован в РИНЦ (e-library) постатейно, опубликованным статьям будет присвоен DOI.

Направления работы конференции:

- Общие и частные вопросы теории языка: психолингвистика, социоллингвистика, прагмалингвистика, когнитивистика и др.
- **Психолингвистика текста; проблемы текста и его смысла.**
- Теория и практика обучения межкультурной и интракультурной коммуникации. Новые технологии в обучении иноязычной профессиональной коммуникации
- Проблемы теории и практики перевода и сопоставительного изучения языков
- Единицы и категории языка в семантическом, когнитивном и коммуникативном аспектах
- Литературный дискурс и вопросы интертекстуальности.

Рабочие языки конференции – русский, английский, немецкий.

Условия участия в конференции

Материалы для опубликования необходимо предоставить до **12 ноября 2023 г.** в УУНиТ на кафедру иностранных языков естественных факультетов по эл. адресу – konfbgu@rambler.ru.

Материалы включают:

1. Тезисы не менее 2 стр. или доклад/статью до 5 стр.

Организационный взнос за участие в конференции составляет 500 рублей за тезисы (до 2-х страниц) или статью объемом до 5 стр. и 700 руб. за статью объемом свыше 5 стр. (но не более 8 стр.)

2. Заявку на участие в конференции (см. форму заявки)

3. Публикации магистрантов принимаются только в соавторстве с научным руководителем.

Ответственная за проведение конференции – зав. кафедрой иностранных языков естественных факультетов, д. филол. н., проф. Пешкова Наталья Петровна. Тел.: +7 (347) 229-96-68.

Контактное лицо: ведущий инженер кафедры иностранных языков естественных факультетов Ахметзянова Алсу Рашитовна.

Тел.: +7 (347) 229-96-68.

ЮГО-ЗАПАДНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ (ЮЗГУ)
Научно-образовательный Центр «LSP»
(Язык для специальных целей)

23 – 24 мая 2024 года

проводят на базе Юго-Западного государственного университета
X Международную научно-практическую конференцию, посвящённую
65-летию Юго-Западного государственного университета
и кафедры иностранных языков

**«ЯЗЫК ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ:
СИСТЕМА, ФУНКЦИИ, СРЕДА»**

Цель конференции – обмен научными мнениями и практическим опытом в следующих областях:

- теория языка;
- теория и практика перевода;
- современные методы и средства профессионально направленного обучения иностранным языкам;
- теория и практика работы по программам дополнительного образования, повышения квалификации и переподготовки;
- **психолингвистика и психолингвистические аспекты обучения языку;**
- язык в современных социокультурных условиях;
- языки профессионального общения;
- коммуникация в производственной сфере (язык как фактор безопасности; проблемы качества текстов технической документации и т.п.);
- языки Интернета.

Формы участия в конференции: очная, заочная, в режиме видеоконференции.

Рабочие языки конференции: русский, английский.

В рамках конференции планируется проведение пленарного и секционных заседаний, организация семинаров – творческих мастерских, а также работа студенческой секции. По итогам конференции будет сформирован электронный сборник статей, который будет постатейно размещен в научной электронной библиотеке eLibrary.ru и зарегистрирован в наукоёмкой базе РИНЦ (Российский индекс научного цитирования). Сборнику присваиваются библиотечные индексы УДК, ББК и международный стандартный книжный номер (ISBN).

Статьи и заявку на участие в конференции необходимо прислать по электронной почте: conference-LSP@yandex.ru.

В теме письма указать «Конференция, 2024».

Ответственный секретарь Баянкина Е.Г.

Институт лингвистики и межкультурной коммуникации
Сеченовского университета
Филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова
Донецкий государственный университет
Московский политехнический университет
ИНИОН РАН
Научно-образовательный центр межкультурной коммуникации
имени А.А. Леонтьева

проводят 1–4 апреля 2024 г.
Международную конференцию

**Язык, СОЗНАНИЕ, КОММУНИКАЦИЯ:
МЕТОДОЛОГИЯ И ГУМАНИТАРНЫЕ ПРАКТИКИ
(ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ)**

ОСНОВНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА

- **Методология и теория речевой деятельности**
- **Языковое и неязыковое сознание**
- **Проблемы ментального лексикона**
- **Производство и смысловое восприятие речи**
- **Психолингвистические проблемы речевого общения и речевого воздействия**
- **Механизмы смыслового восприятия текста, гипертекста**
- **Функциональная неграмотность как проблема XXI века**
- **Проблемы этнопсихолингвистики**
  - * *Межкультурное общение: контакты и конфликты*
  - * *Би-, поли-, транслингвизм: теоретический анализ и практика*
  - * *Аксиологическое языковое сознание: проблемы анализа*
  - * *Психолингвистические проблемы перевода*
- **Ассоциативная лексикография**
  - * *Эвристический потенциал ассоциативных словарей*
  - * *Русское языковое сознание: динамика и вариативность (конец XX – начало XXI вв.)*
- **Онтогенез языковой способности**
  - * *Речевые патологии как инструмент анализа речевых практик*
  - * *Особенности речевого развития детей в XXI в.*
- **Новые методы анализа речевых практик: цифровая реальность**
  - * *Мультиmodalность современной коммуникации*
  - * *Медиа-текст в новой информационной среде*
  - * *Современные технологии анализа текста*
  - * *Психолингвистический анализ больших данных*
  - * *Новые медиа как материал для психолингвистического анализа*
- **Экология языкового сознания и родного языка**
  - * *Гуманитарное образование в школе и вузе*
- **Психолингвистические аспекты преподавания языков: родного и иностранных**

**СЕКЦИЯ НА БАЗЕ МОСКОВСКОГО ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

· Цифровые технологии в социокультурной сфере

* *Искусственный интеллект в медицине: предиктивные модели, экспертные системы, обработка медиа-контента*

* *Невербальная коммуникация: распознавание и синтез жестов, жестовая лексикография, антропоморфная робототехника, коммуникация с киберфизическими системами*

* *Машинное обучение и информационные технологии в образовании*

* *Наукометрические технологии*

* *Психолингвистические методики и нейросетевые технологии в обработке речевых данных*

КРУГЛЫЙ СТОЛ

Россия – образ будущего: социокультурная русификация, дерусификация, рерусификация

Рабочий язык конференции: *русский*

Формат: *смешанный*

Условия участия в конференции

До **15 февраля 2024 г.** необходимо предоставить в оргкомитет **заявку** на участие в конференции (см. приложение) и **материалы** для публикации (тезисы) по адресу language.consciousness.2024@mail.ru

Убедительная просьба посылать заявку и текст публикации **ДВУМЯ** отдельными файлами в **ОДНОМ** письме (**ИвановАИ_заявка, ИвановАИ_тезисы**), указав в теме сообщения свою фамилию (**Иванов**).

ПРАВИЛА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСИ И ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ

Рукопись, набранная в формате Word, должна быть отправлена по электронной почте на адрес редколлегии журнала: editorial-vpl@yandex.ru. Название файла должно выглядеть следующим образом: Фамилия И.О._Статья. Текст должен быть хорошо вычитан. Рукописи, содержащие ошибки и опечатки, к рецензированию и публикации не принимаются.

К рукописи, направляемой в редакцию, необходимо приложить сведения об авторах: ученая степень, ученое звание, должность и место работы, а также контактный телефон, электронный и почтовый адреса автора (авторов), код ORCID (авторам, у которых пока такого кода нет, рекомендуется его получить, зарегистрировавшись в ORCID: <http://orcid.org/>). Для статей, написанных в соавторстве, необходимо указать автора, с которым будет вестись переписка при рассмотрении рукописи редакцией. Название файла должно выглядеть следующим образом: Фамилия И.О._Сведения об авторе.

Все вопросы, связанные с изменением и уточнением текста в ходе редакторской правки, должны решаться автором (авторами) в строго определенные редколлегией сроки, диктуемые планом издательства. Нарушение сроков ведет к отказу редакции допускать рукопись к опубликованию. Рабочие контакты с авторами осуществляются преимущественно посредством электронной почты, поскольку в редакции нет постоянного дежурства для приема телефонных звонков.

Авторы, предоставляющие рукописи в редакцию журнала «Вопросы психолингвистики», должны следовать Публикационной этике журнала (см. раздел Ответственность авторов). Рукописи, направленные в наш журнал для публикации, проходят обязательную проверку на плагиат текста через систему «Антиплагиат. Эксперт». При выявлении неправомерных заимствований, а также при низком коэффициенте оригинальности текста (<85%) рукопись отклоняется от публикации.

Обзоры и другие статьи, по объективным причинам требующие наличия большего количества цитирований, рассматриваются редакцией в индивидуальном порядке. Приветствуется самостоятельная проверка оригинальности текста в системе «Антиплагиат. Эксперт» с предоставлением справки (в электронном формате) о результатах проверки текстового документа на наличие заимствований.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ

Все рукописи, поступающие в журнал, в обязательном порядке проходят процесс рецензирования.

Рукопись может быть отклонена редактором на этапе, предшествующем рецензированию, если для этого имеется веская причина (тематика статьи не соответствует тематике журнала; рассматриваемая статья очевидно низкого научного качества или содержит большое количество ошибок и опечаток; в представленных материалах выявлено принципиальное противоречие этическим принципам, которых должны придерживаться авторы (см. Публикационная этика журнала, раздел Ответственность авторов).

Все поступающие рукописи, не отклоненные по вышеизложенным причинам на первом этапе рассмотрения, направляются по профилю научного исследования на рецензию одному из членов Редакционного совета или независимому эксперту по рекомендации члена Редакционной коллегии. К рецензированию не привлекаются специалисты, работающие в том же научно-исследовательском учреждении или высшем учебном заведении, где выполнена работа. В редакции принято одностороннее «слепое» рецензирование – редакторы не раскрывают авторам фамилии рецензентов. Нарушение конфиденциальности возможно только в случае заявления рецензента о недостоверности или фальсификации материалов, изложенных в статье.

Средний срок рецензирования составляет 2 месяца, в зависимости от загруженности экспертов. По итогам рассмотрения рукописи рецензент даёт обоснованные рекомендации о возможности публикации статьи:

- 1 - Принять без изменений.
- 2 - Принять после внесения незначительных изменений в соответствии с комментариями рецензента (повторная рецензия не требуется).
- 3 - Принять после внесения существенных изменений в соответствии с комментариями рецензента (требуется повторная рецензия).
- 4 - Отклонить. Комментарии, содержащиеся в рецензии, свидетельствуют о низком уровне статьи и невозможности ее доработки до приемлемого уровня.
- 5 - Отклонить. Статья не соответствует профилю журнала. Может быть рекомендована для публикации в научном издании другого профиля/другой тематики.

Результаты рецензирования направляются автору по электронной почте по адресу, указанному в статье, если иной не оговорен самим автором.

Если в рецензии на статью имеется указание на необходимость ее исправления, то статью направляют автору на доработку. В этом случае датой поступления в редакцию считается дата возвращения доработанной статьи. Доработка статьи не должна занимать более 2 месяцев с момента отправки электронного сообщения авторам о необходимости внесения изменений.

В случае несогласия с выводами рецензента автор статьи имеет право предоставить аргументированный ответ в редакцию журнала. Статья может быть направлена на повторное рецензирование либо на согласование в редакционную коллегию. В случае отказа авторов от доработки материалов им следует в письменной или устной форме уведомить редакцию об отзыве статьи с рассмотрения.

Решение о целесообразности публикации после рецензирования принимается главным редактором, а при необходимости – редколлекгией в целом.

В случае положительного заключения главный редактор журнала определяет очередность публикаций в зависимости от тематики номеров журнала. После принятия редколлекгией журнала решения о допуске статьи к публикации редакция информирует об этом автора и указывает сроки публикации.

Научный журнал теоретических и прикладных исследований.
Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук ВАК.
Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).
Индексируется в КиберЛенинка, Google Scholar, ERIH PLUS.

Издается с 2003 года. Журнал выходит 4 раза в год.
Перепечатка материалов из журнала допускается только по согласованию с редакцией.

Регистрационный ПИ № ФС 77-38423
ISSN 2077-5911 (print), ISSN 2658-6908 (online)
DOI: 10.30982/2077-5911

Подписной индекс 37152 «Объединенный каталог. Пресса России. Газеты и журналы»; www.pressa-rf.ru, www.akc.ru

Адрес редакции: 129075, Москва, ул. Новомосковская 15А стр. 1
119991, Москва, Ленинские горы, ГСП-1, МГУ имени М. В. Ломоносова, 1-й корпус гуманитарных факультетов (1-й ГУМ)

© Московский государственный университет, 2023
© ОЧУ ВО «Московская международная академия», 2023
© Авторы, 2023

The journal is included with the peer-reviewed scientific publications. It is approved for publication of the research results of doctoral and habilitation theses by the Higher Attestation Committee (VAK).

The journal is indexed in the Russian Science Citation Index (RSCI), E-library, CyberLeninka, Google Scholar, ERIH PLUS.

4 issues per year.

The journal has been published since 2003.

All rights reserved.

The materials of the journal may not be translated or copied in whole or in part without the written permission of the publisher, except for brief excerpts in connection with reviews or scholarly analysis.

Registration number № ФС 77-38423
ISSN 2077-5911 (print), 2658-6908 (online)
DOI: 10.30982/2077-5911

Moscow, 2023
© Lomonosov State University, 2023
© Moscow International Academy, 2023
© Authors, 2023

Подписано в печать 26.12.2023. Формат 70x100/16. Печать офсетная.
Усл. печ. л.12,8, Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии «Канцлер», г. Ярославль, e-mail: kancler2007@yandex.ru